

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

8 '90

89

На девятом столе...

Очерк Юния ГОРБУНОВА читайте на стр. 2

Фото Олега Капорейко

ХОЛМАХ

УРАЛЬСКИЙ

Следопыт

8 '90

В НОМЕРЕ:

Ю. Горбунов НА ДЕВЯТИ ХОЛМАХ СТОЯЛИ...	2
М. Найдич МНЕ ВЫПАЛА ДОЛЯ... Стихи	8
А. Чечулин ИЗУМРУД, НЕ СНИВШИЙСЯ ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ	9
В. Привалихин УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ. Повесть. Начало	10
А. Верейн ДЕБЮТАНТЫ «ЗОНАЛЬНОЙ» ВЫСТАВКИ	24
Ю. Клюшников ПОДПИСАНО СУВОРОВЫМ	25
Б. Золотарев СЕВЕРНЫЙ ВЯЗ	25
П. Коверда «ДУМАЮ, ЧТО ЭТО ФЕРЗЬ...»	25
Е. Ищенко РАЗГОВОР О ЖИЗНИ И СМЕРТИ С ВОСТОЧНЫМ ЦЕЛИТЕЛЕМ ЦЗЯНОМ	26
ЖУРНАЛ В ЖУРНАЛЕ «АЭЛИТА»	
В. Крапивин КРИК ПЕТУХА. Повесть. Начало	29
ЗАОЧНЫЙ КЛФ	53
О. Капорейко ПРОСТО ОСЕНЬ	57
С. Ремпель С КАШПИРОВСКИМ — ПО БИПОЛЮ	58
Н. Щекутова ЛИХИЕ ТРАВЫ	60
Э. Якубовский МЕДЬ И ЦИНК... ПО РЕЦЕПТУ	62
Э. Берроуз ТАРЗАН — ПРИЕМЫШ ОБЕЗЬЯНЫ. Продолжение	63
МИР НА ЛАДОНИ	75
А. Понизовкин О ЧЕМ ТАНЦУЕТСЯ НА ЦЫПОЧКАХ, ИЛИ РОК-ЛЕДИ И ЕЕ ИМИДЖИ	76
А. Полева ТАНЕЦ НА ЦЫПОЧКАХ	79
А. Застырец В ЧУЖОМ ЛИЦЕ	79
Б. Пинаев РОК ПРОТИВ АПАРТЕИДА	79
А. Семенин ЭКЗОТЫ НА ОКНАХ	80

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА
ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Редакционная коллегия:

Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор),
Евгений АНАНЬЕВ,
Виктор АСТАФЬЕВ,
Виталий БУГРОВ,
Муса ГАЛИ,
Юний ГОРБУНОВ,
Герман ИВАНОВ
(заместитель главного
редактора),
Сергей КАЗАНЦЕВ
(ответственный секретарь),
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ,
Николай НИКОНОВ,
Олег ПОСКРЕБЫШЕВ,
Анатолий СЕМЕРУН,
Константин СКВОРЦОВ,
Аркадий СТРУГАЦКИЙ,
Юрий ШИНКАРЕНКО

Художественный редактор
Евгений ПИНАЕВ

Технический редактор
Людмила БУДРИНА

Корректор
Ольга НАГИБИНА

Адрес редакции:
620219, г. Свердловск,
ГСП-353, ул. Декабристов, 67
Телефоны отделов:
22-36-62 (фантастики),
22-45-01 (краеведения,
секретариат),
22-10-74 (науки и техники,
писем),
22-04-81 (прозы и поэзии,
публицистики,
молодежных проблем).

Рукописи принимаются перепечатанными на машинке через 2 интервала, 60 знаков в строке; 28—30 строк на странице.

По вопросам подписки и доставки обращаться в районные отделения «Союзпечати». Бракованные экземпляры отправлять в типографию издательства «Уральский рабочий».

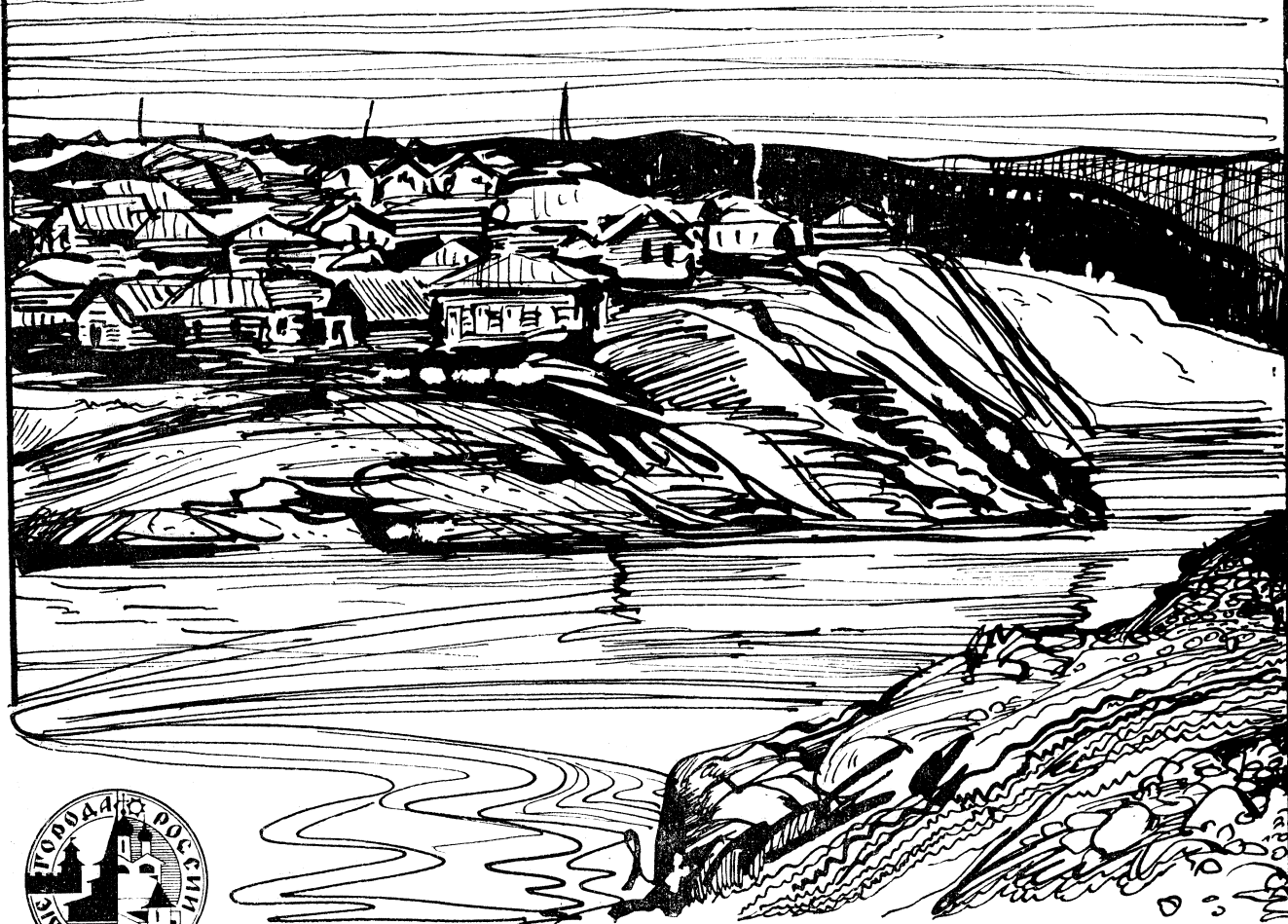
Сдано в набор 10.05.90.
Подписано к печати 26.06.90.
НС 26397.

Формат бумаги 84×108¹/₁₆.
Бумага типографская № 2.
Высокая печать.
Усл. печ. л. 8,82.
Уч.-изд. л. 13,9.
Усл. кр.-отт. 11,76.
Тираж 500 000.
(1-й завод: 1—250 000).
Заказ 533.
Цена 40 коп.

Типография издательства
«Уральский рабочий»
620219, г. Свердловск,
пр. Ленина, 49.

На 1-й стр. обложки фото-
монтаж Олега Капорейко.

На девяти холмах стояли... Юний Горбунов

По музейной арифметике выходит, что городу Нязепетровску, вернее, построенному здесь заводу, ныне исполнится 243 года. Но как, однако же, условна эта арифметика! В урочище Серный Ключ археологи открыли трогательные предметы гамаюнской культуры: скребки из чистого хрусталя и глиняную детскую игрушку с орнаментом. Значит, здесь жил гомо сапиенс неолита! И время его прописки на реке Нязе надо поискать где-то за пределами четырех тысячелетий.

Но может, музейная история имеет в виду завод? Однако и тут неувязка. В эпоху бронзы здесь уже вовсю дымили домницы, плавилась медь, отливались наконечники стрел, шильца, ножи... Словом, жила община потомственных металлургов, которые между делом охотились и рыбачили на Нязе.

Получается, что купец из Балахны Петр Осокин, утвердивший в 1747 году на реке железноделательный завод, шел по теплым следам металлургов-предшественников. И начинать с него биографию города исторически некорректно.

А вот нынешнее имя города началось с него. Видимо, вскоре после пуска завода заложена была церковь в честь двух апостолов, учеников Христа — Петра и Павла. Святой Петр вкупе с речкой Нязей и подарили заводу ласкательно-торжественное имя — Нязепетровский. Надо думать, что не столько иудейский апостол, сколько ушлый балахнинский купец Петр Игнатьевич Осокин к этому словотворчеству руку приложил.

Когда после нескольких часов езды оказались мы в Нязепетровске, на нас пахнуло ароматом прошлого века,

Словно бы не в ЛуАЗе ехали, а в машине времени, и отмотал спидометр лет этак 90 или 100 назад.

Город разбежался по холмам. Мы насчитали их девять, и нет ни одной горы безмянной: Тверская, Катайская, Рогатка, Шиханка, Кирпичная, Балкон, Гамаюны, Дробинная, Урамская... Просторные улицы, огороды, глазастые дома никогда не стоят на месте — то лихо бегут с холма, то развально поднимаются в гору. А чтобы им, домам, было сподручнее, цепко держатся друг за друга баньками, сараюшками, заплотами и прочими строениями — мышь не прошмыгнет. Посмотришь на город сверху в веселый солнечный день — водят улицы по холмам хоровады, а со всех четырех сторон, как неусыпные стражники с пиками, стерегут их еловые гамаюнские леса. И петляет между холмами, торопится навстречу Уфе хлопотливая речка Нязя.

Дома за малым исключением деревянные. И удивительно разные, каждый со своим норовом, похожие на людей — тех, что их строили, и тех, что в них живут. Чего не прочитаешь по глазам и выражению лиц! Этот стоит — подбоченился, окна сияют, ярко расшитую рубаху надел, словно сватов ждет. У того ничего нет — напоказ, весь зашторенный, захлопнутый да себе на уме, крышу надвинул на самые глаза. У соседнего жизнь печальная, вдовья — стар, морщинист и сух... А этот — ну прямо с хитрецей и с бесовским прищуром, того и гляди вокруг пальца обведет.

Нашим городским многоэтажкам ничего не осталось в наследство от русских деревянных изб. А что осталось, то запрятано-замуровано за замками-стенами, за всеобщей одинаковостью и безликостью благоухоженного жилья.

Неповторимы судьбы русских городов. Нязепетровск историей был обречен на вечное выживание, сопротивление капризам и произволу.

Как и большинство старых уральских городов, он начался с домын и механического молота.

Люд собирали сюда лихой, строптивый. Помещики старались сбыть на заводы неуживчивых крепостных — так называемых гамаюнов (отсюда давнее название горы и района города). Бежали на Урал в поисках лучшей доли незаконнорожденные, уходили в леса раскольники-староверы, образуя кержацкие поселения.

Но работать умели. Завод Нязепетровский делал кровельное железо и чугуны. Железо здешнейковки, а потом прокатки, помеченное клеймом-рыбкой, знали во всем мире. За высокую эластичность и способность противостоять коррозии называли «белым». Работали его на древесном угле. Окрестные леса населялись зайками, где кучежогги семьями и артелями выжигали уголь в так называемых «кабанах».

Вся нязепетровская округа тяготела к заводу. Тюки кровельного железа и крицы чугуна, груженные на барки, текли длинным водным путем по Уфе, Белой, Каме, Волге — на Нижегородскую ярмарку, а оттуда во все концы света.

Но и дорогой же ценой для человека доставалось «белое» железо! Даже по словам царского флигель-адъютанта графа Строганова, его надежность обеспечивалась «не заведением новых машин или особенными средствами, а несоизмерным усилением работ, жестокостями и тиранством».

Условия такие всегда держали рабочих в готовности к бунту и протесту. Потому, когда в начале 1774 года прибыли на завод пугачевские агитаторы, здесь сразу пожаром полыхнуло восстание. Сгорели в его огне ненавистные долговые обязательства и записки, а с ними и многие заводские постройки. Тогдашняя владелица генерал-лейтенантша Хлебникова сбежала в Екатеринбург.

А нязепетровцы собрали, сколько могли, денег, продовольствия, фуража, скота, отлили несколько пушек и отрядили в армию «царя Петра Федоровича» 50 вооруженных товарищей своих.

Два года и семь месяцев стоял после бунта завод.

Кровью и безработицей обернулась для рабочих их попытка встать под знамена доброго царя Петра III.

И опять обчеты, штрафы, низкая оплата труда, дополнительные работы, мешающие хозяйствовать на земле. На этот раз около десяти тысяч жителей Кыштымских заводов, и в том числе Нязепетровского, поднялись под началом Климентия Косолапова. И новая последовала расправа «по всей строгости на основании воинского устава».

Извечно у нязепетровцев был один господин — завод. Он монополично давал работу, профессию, заработок, диктовал условия жизни, постепенно вытягивал жилы. А вот дать средства для безбедного существования никогда не мог. Потому каждый рабочий, становясь на ноги, спешил обзавестись подворьем, землицей, какой-нибудь освоить подручный промысел, купить коровенку, лошадей разжиться. Заводская контора такие вольности иной раз поощряла. Например, когда в 61-м с паперти церкви Петра и Павла прочитали царскую «волю». Заводу надобились углежогги, и контора охотно дала «вольным» крестьянам землю, позволяла селиться зайками в окрестностях. Традиционно процветали здесь пчеловодство, кузнечный и санный промыслы — ведь чуть не у каждого в подворье стояла лошадь. Выдывляли нязепетровцы мочала, плели из лыка лапти и ступни, а из тальника — морды, корзины и прочую утварь.

А из женских ремесел держалось на холмах ткачество. Небольшими участками, но издавна сеяли здесь лен и коноплю, ткали холст на одежду и половики для дома, а то и на продажу. Всегда водилось в избах льняное и конопляное масло. Редкая женщина не умела прясть и ткать, в редком доме не стояли кросны, не имелись коклюшки для вязания и орудия для обработки льна. Ленивых и неумелых, как и везде, обзывали здесь непряхами. Отсюда старое название городского района — Непряха.

Так и пошло издавна, что не только всякая деревня в округе, но и каждое подворье в городе особым ремеслом красовалось, украшало дом, быт, укрепляло достаток. Любое хозяйство обретало свою неповторимость и норов свой. Каждый славен и горд был делом.

На завод, считали, надейся, а сам не плошай.

Какая это, право же, отрада — не спеша походить-постучать по нязепетровским домам и подворьям, где встречаются с давно забытым гостеприимством и радостью. Какое счастье глядеть на добротную русскую печь, всей громадой своей щедро источающую тепло, на голландку, обнятую тем самым «белым» железом с клеймом-рыбкой, коим крыто, говорят, и здание английского парламента. Как любо-дорого заглянуть в просторную горницу и обнаружить там какие-нибудь швейцарской работы часы с боем, полтора столетия не останавливающие свой неспешный ход. Или «волшебное» зеркало с музыкальной начинкой, сработанное бог знает когда и каким здешним умельцем. Или углядеть на комод из алюминиевый передвижной настольный календарь, начавший отсчет времени в 1913-м — с 300-летия царской династии Романовых...

А хозяева не знают, куда посадить и что еще показать, чтобы ненароком не обидел ты их своим скорым откланыванием. Извлекаются на свет божий расписная дуга необычайной легкости, хитроумная ручная мельница, светец, державший лучину в начале прошлого века...

Нет предела радушию нязепетровцев, и нескончаемо, кажется, веретено овеществленной памяти их.

Всяко жили и как могли отстаивали эту свою жизнь мастеровые русские люди на девяти холмах.

Завод далеко не всегда потворствовал полукрестьянским повадкам нязепетровских обывателей. Когда надобилось, земельный надел, подсобное хозяйство в руках заводовладельцев становилось то кнутом, то пряником.

В местной районной газете «Заря» довелось прочитывать старый архивный документ — жалобу здешнего мастерового Ивана Ефимовича Шерстнева министру земле-

делия и государственных имуществ. Написал ее Иван Ефимович в 1895 году. 20 лет горел он у печи в кричном цехе, выучил несколько мастеров и подмастерьев, «убивало меня железным ломком и несколько раз сжигало глаза». А теперь вот заводская контора не дает ему ни работы, ни земли для сенокоса и хлебопашества, ни лесу на дрова. «Полиция делает безобразные поступки, так что около уголовного». А все потому, что Шерстнев не берет «арендованного билета», т. е. противится увольнению с завода. Вот и выживают человека. И не в силах ему помочь ни волостной старшина, ни земский начальник.

Видно, не нужны были в ту пору заводу рабочие руки. Ссылаясь на то, что подсобное хозяйство и промыслы нарушают заводской ритм, контора избавлялась от неугодных, препятствовала окрестыванию мастеровых людей. Подобных жалоб, сообщает газета, писано в ту пору много. Процесс этот был в России повсеместным. Монстр нарождающегося капитализма заглывал крестьянина и, слегка поработав челюстями, выплевывал его пролетарием без кола и двора — на радость и денежному воротиле, и велеречивым теоретикам грядущей революции. Крестьянин, где мог и как мог, противился этому.

Но как и на всякий протест против бессилия человека перед лицом заводской эксплуатации, легко подвинулись нязепетровцы и на социалистические призывы, увидев в партии силу, способную снять с трудового человека путы произвола заводчиков и царя. Рано, еще в 1878 году появился здесь народнический кружок,росло молодое поколение будущих революционеров и среди них Александр Васильевич Бархатов, Анна Николаевна Бычкова, Лидия Николаевна Бархатова, ставшие в дальнейшем активными борцами за Советскую власть.

В 1903 году владельцы завода почувствовали силу организованной борьбы социал-демократов. Учащаются маевки. Хозяева вынуждены призвать отряд ингушей. Но предотвратить революцию было уже невозможно, и в апреле 1914 года владельцы останавливают производство.

Началась беспрецедентная, длаящаяся, по сути дела, по нынешний день, изнурительная и неравная борьба нязепетровцев за свой завод, за свое выживание. Над человеком просто глумились: старались оторвать его от подворья и отдать в безраздельную власть завода. А прусеп в этом, завод вдруг закрывали и грозились вообще прекратить его существование.

На известном этапе противостояние рабочих заводской конторе шло в русле общей освободительной борьбы. Так было до восемнадцатого года. Вот текст телеграммы Кыштымской администрации окружному инженеру, датированный октябрем: «Заводоуправление готовилось к пуску нязепетровской домны, население требовало пуска всех цехов, что не нашли возможным. Население решило пустить весь завод. Сегодня состоится переход завода в руки Совдепа. Нязепетровскому управлению предложено удалиться. Просим принять меры к недопущению захвата и охранению прав имущества, материалов».

В тот же день свое обращение к трудящимся Урала написал местный Совет рабочих и крестьянских депутатов. Рачительность и хозяйская хватка чувствуется в его словах: «В то время как повсюду открываются примитивные мастерские,— пишут нязепетровцы,— у нас бездействует целый завод по выпуску железа и чугуна, завод, который можно приспособить для выделки сельхозмашин, орудий и частей к ним».

Семь месяцев заводоуправление водило рабочих за нос, выставляя всякие требования. Рабочие шли на уступки — лишь бы пустить завод. Но скоро поняли, что это обычный саботаж — чтобы вызвать безработицу и голод. И вот на соединенном собрании решились взять завод в свои руки. Избрали реквизиционную комиссию из представителей рабочих, служащих и Совета

Первым красным директором стал Николай Матвеевич Шербаков, выходец из рабочей семьи тагильчан. Но карты спутала гражданская война. По требованию партии директор уходит в подполье. И однажды его случайно опознает белогвардейский офицер (однокашник по

горному училищу) и выдает новой власти. 20 августа 1918 года Шербаков был казнен неподалеку от Нязепетровска.

А завод, пушенный рабочими, действовал, несмотря на жестокие бои. Свидетельства сохранились потрясающие. Рабочий Василий Елисеевич Бархатов заживо сожжен белыми в железнодорожном вагоне. Волостной писарь Максим Сергеевич Рогов растерзан карателями и полуживой втопан в болотную жижу у села Белянка. Свидетельств красного террора сохранять было не принято, но ясно, что и он не уступал белому по жестокости, коли борьба стала братоубийственной.

А в 1922-м случилась новая тяжкая беда — весной река прорвала плотину, и завод встал. У власти тотчас появилась идея: воспользовавшись останковкой, демонтировать завод, ссылаясь на обеднение рудной базы. Государство уже мыслило глобальными масштабами.

Вчитаемся в строки документов тех дней: «Должны быть на Урале оставлены на консервации из числа намеченных ранее к ликвидации следующие заводы: Сербрянский — обладающий рабочей силой и могущий быть лущенным при использовании гидравлической энергии пруда, Антоновский, Верхневинский, Каменский и Нязепетровский...», «...произвести обследование завода в направлении использования местной рабочей силы для других производств с минимальными затратами государственных средств».

Рабочая сила и гидравлическая энергия пруда здесь, как видим, решительно уравниваются. Так и было на самом деле. Никто не думал о конкретных судьбах людей в деревянном городке на Нязе, мастеров выделки качественного железа, владеющих секретами, привязанных к заводу профессией, промыслами, домашним хозяйством, отцовскими могилами, неповторимостью родных холмов — всем тем, что и составляет понятие малой родины. Нарождавшейся командно-административной системе было не до этих судеб. Ей ничего не стоило из каких-то якобы высших соображений демонтировать или законсервировать завод, а на голом месте построить новый...

Но мастеровые люди крошечного городка дружно встали на своих девяти холмах в защиту завода и своей судьбы.

Делегации рабочих одна за другой едут в Москву и Свердловск с ходатайствами. Они просят оставить им работу — ту, что близка и знакома, не превращать мастерового человека — кормильца семьи и страны — в перекачи-поле, привязанное к месту лишь рублем.

В 1926-м создается очередная комиссия, которая констатирует, что пуск завода невозможен, но и от ликвидации его надо воздержаться, а «имеющуюся рабочую силу использовать...» И такому половинчатому решению рада «рабочая сила», но прекращать борьбу не собирается. Присит пустить хотя бы несколько цехов. Ни в 26-м, ни в 27-м этого сделано не было.

И опять 600 нязепетровцев сходятся на общее собрание, предлагают разные варианты: сохранить завод как металлургический, перевести в другую отрасль, передать райисполкому для развития местной промышленности... Готовы своими бережениями помочь восстановлению. И все-таки уральский совнархоз принимает решение ликвидировать завод. Пленум же Нязепетровского райисполкома препятствует вывозке оборудования.

Идет неравная бескровная война, льются не видимые миру слезы.

Новые ходки едут в Москву. Трудно сказать, что стало толчком к переменам, но завод начали восстанавливать. Молва связывает это с заступничеством председателя ЦИК СССР М. И. Калинина, и в 1929 году «все-российский староста» устаетается чести дать возрождающемуся к жизни заводу свое имя.

Завод восстанавливали как металлообрабатывающее предприятие, но еще долго он влачил жалкое существование, переходя из греста в грест. Сказывалось это прежде всего на рабочем человеке. Жилы завод, как и прежде, вытягивал, а кормил плохо. Жить приходилось опять-

таки своим подворьем, побочными промыслами, т. е. тем, что сохранилось у мастерового человека в пору раскрестьянивания и коллективизации. Ведь то, на что некогда жаловался министру Иван Ефимович Шерстнев, стало у нас в 30-е годы официальной политикой в сельском хозяйстве.

Любопытен в газете «Заря», где напечатана жалоба Шерстнева, комментарий к ней редакции: «Занимаясь земледелием и скотоводством, заводское население сбивало ритм производства на сезонный характер, и заводское начальство выработало ряд мер, препятствовавших превращению заводского рабочего в крестьянина.

А мужичок, написавший жалобу,—весело продолжает журналист,—был очень даже себе на уме, и эту крестьянскую лукавю его хитрость невозможно не заметить. Быть убитым железным ломом и несколько раз выжечь глаза — это надо же...»

Но шутки шутками, а дело серьезное, и журналист кончает комментарий словами прямо из «Краткого курса истории ВКП(б)»: «Препятствуя «окрестьяниванию» заводского пролетариата, заводчики, сами того не ведая, укрепляли мощный рабочий кулак, который ударил по частной собственности в октябре семнадцатого года.

Думаете, когда это писалось в газете «Заря»? Годы этак в тридцатых? А ничего подобного — 24 марта 1987 года! Теперь можно себе представить, как приходилось изворачиваться рабоче-крестьянскому мужику, чтобы выстоять на девяти холмах против господствующей демогагии: чем хуже, тем лучше.

А «рабочий кулак» ударил-таки крепко: вместе с пеной частной собственности пустил по ветру и собственную личную, приусадебные хозяйства, богатейшие народные промыслы и все, что сопутствовало им — народную культуру, нравственность... Едва нашли мы сегодня в Нязепетровске чудом сохранившегося кузнеца Михаила Никифоровича Медведова со своей домашней кузней. Саночника найти так и не удалось. На ткацкий стан полюбовались только в музее. А повремени «рабочий кулак», разберись, что к чему, прежде чем колотить, может быть, и не стояла бы сейчас в продмаге карамель по талонам.

Но вернемся к судьбе завода. Осенью 1941 года сюда стало прибывать оборудование с новокраматорских предприятий, завод перешел на выпуск военной продукции.

Нязепетровск, как и вся страна, работал тогда на армию, жил пульсом фронта.

Более шести тысяч нязепетровцев ушли с девяти холмов защищать Родину. 1300 из них не вернулись на родные холмы.

Город и район дали фронту: 29 автомобилей, 37 тракторов, 550 лошадей, 150 конных повозок, 10311 тонн хлеба, 1364 тонны мяса, 1087 тонн масла, 324 тонны шерсти. 1 млн. 100 тыс. рублей собрали нязепетровцы на строительство танковой колонны «Челябинский колхозник», а коллектив завода — 111718 рублей на самолет «Нязепетровский машиностроитель». Население отправило на передовую 11530 комплектов теплых вещей и приютило в своих избах более полутора тысяч эвакуированных, и в их числе семью Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова.

Кто же все это фронту дал? Не те ли «хитроватые мужички», что сумели как-то вернуться от увесистого «рабочего кулака», раскрестьянивания? Не потомок ли Михаила Никифоровича Шерстнева послал сыновей на фронт, дочерей к станкам, а сам с женой умудрялся, работая на заводе, держать корову, кормить семью, а все остальное — фронту, фронту, фронту...

Но и эту войну выстоял-выдержал городок на девяти холмах, всем, чем мог, помогая стране.

Завод им. Калинина потом перевел на производство строительных машин. Опять долго, трудно он набирал обороты, пока не начал осваивать новую продукцию — строительные краны, лебедки.

По-прежнему диктует он горожанам, как жить, где и кем работать. Никакого хотя бы мало-мальского вы-

бора у них нет. Леспромхоз и лесничество, паркетное производство и цех Кыштымского радиозавода — это все малые крохи в городском бюджете.

Но в середине 70-х встрепенулся городок на Нязе. Они и раньше замечались — некие признаки стройки на Уфе, но дело шло тихо, привычно, в темпе здешней размеренной жизни. А тут пришла невиданная техника, деловые, энергичные люди, иные даже из военных — с большими звездами на погонах. Такого трудового напора, белозубых улыбок, зажигательных речей отродясь не видели нязепетровцы. С неизбытым своим гостеприимством жаловали они гостей, беды свои выкладывали и жадно слушали пришельцев, выхватывали друг у друга свежие газеты.

Оказывается, решено на реке Уфе запрудить большое водохранилище, чтобы по-братски поделиться уфимской водой с изнывающим от жажды далеким городом Свердловском.

Что же там произошло? Почему срочно понадобилось свердловчанам идти за водой в соседнюю область и не только поворачивать вспять одну из красивейших рек Южного Урала, но и перебрасывать ее воды через Уральский хребет в Азию?

В засушливые 1974—76 годы миллионный город и его окружение оказались в положении огромной рыбины, выброшенной на берег: полезный запас воды в Исети и Чусовой, питающих промышленный район, составил на ноябрь 1975 года 15 миллионов кубометров вместо обычных 180.

Свердловск стал судорожно, почти импульсивно искать источники питья. Наскоро черпнул из озер Таватуй, Аятское, Иткуль. Но это все водоемы мизерные. А между тем в смелых умах уже наличествовал проект задействия водных ресурсов реки Белой (включая Уфу), — как раз для водоснабжения Челябинского и Свердловского промрайонов. Родился он в кабинетах Куйбышевского филиала института «Гидропроект» и был одобрен Минводхозом СССР.

По задумке гидропроектантов на Уфе должны быть построены четыре водохранилища: Долгобродское и Сурьямское — для Челябинского промрайона, Нязепетровское и Верхнеарслановское — для Свердловского.

Но речь пока не о самом проекте, а о той народной мудрости, по которой, пока рак не свистнет, мужик не перекрестится. Что там мужик! У нас в стране существует многими десятилетиями опробованная государственная практика аврального, скачкообразного движения вперед. Доводим какой-то участок до ручки, а потом наваливаемся на него всей ордой с гиком и фанфарами, транжиря миллионы, ломая и насилая природу, коверкая судьбы и души людей, разбрасывая направо и налево премии и ордена, поднаивая податливую журналистскую братию, чтобы ненароком не прояснилось у нее в голове. Примерам такого хозяйствования несть числа. Перед нами еще один — на реке Уфе.

Вспомнить только, как расчищали многогектарную (20 кв. километров) площадку для водохранилища — будущее дно, как наскоро, в спешке разбазаривали и сжигали лес, а тот, что не успели разбазарить и сжечь, просто затопили. Еще долго катера объезжали верхушки деревьев, торчащие из воды. А расторопные горожане не один дом срубили на берегу из выловленного строительного материала. Все это издевательски творилось на виду и руками самих нязепетровцев, для которых эта река и этот лес — привычная среда обитания.

И как обычно, чтобы спрятать огрехи спешки и безхозяйственности, губительного для природы и людей аврала, в газетах рисовались картины перемен и цифры перспектив. Мы хорошо помним, как гипнотизировала нас пресловутая гигантомания, как захватывало дух от невообразимых достижений и руки жаждали аплодисментов.

Вот строки из беседы журналиста с директором Свердловского отделения государственного проектного ин-

ститута «Союзводоканалпроект» В. С. Прониным, напечатанной в «Уральском рабочем» 25 июля 1976 года. Вернемся мысленно в ту пору головокружения от «успехов».

«Построена плотина высотой около 30 метров, которая образовала крупное водохранилище. Первая его очередь вмещает 70 миллионов кубометров воды. Позднее запасы будут удвоены. Через Уральский хребет строители проложили водовод длиной 35 километров до Западной Чусовой и возвели на трассе три насосных станции подкачки...

Одна нитка водовода способна пропускать три кубометра воды в секунду. С вводом в эксплуатацию второй нитки система будет обеспечивать водой Свердловский промрайон по потребностям 1980 года.

Но это не все. Чтобы обеспечить Свердловск водой по потребностям 1990 года, намечается построить в 30 км ниже Нязепетровска еще одно водохранилище, Верхнеарслановское. Появится третья нитка водовода. Тогда мощность системы достигнет 9 кубометров в секунду».

Но и это еще не все. Вячеслав Сергеевич позволил себе окинуть хозяйским глазом будущее.

«Если взглянуть на карту Урала, то мы увидим, что большинство северных чистых полноводных рек течет на юго-восток. Это и Тавда со своими притоками: Пельюмом, Лозьвой, Сосьвой, Лобвой, и Тура с Тагилом, Нейвой, Пышмой. Они вместе с Исетью впадают в Тобол, а дальше через Иртыш вливаются в Обь. То есть вода уходит с Урала туда, где ее избыток.

А что если северные уральские реки повернуть на юг и пустить через Свердловскую, Челябинскую области в Оренбургские степи, Северный Казахстан, Среднюю Азию?

Сейчас разрабатывается проект переброски воды сибирских рек через Обь-Каспийский канал в южную часть нашей страны. Но это очень далекая перспектива. А использованием стока северных рек Свердловской области можно заняться уже сейчас.

Чье, скажите, патристическое сердце не забьется в такт этим упоительным цифрам и перспективам? Реки-то ведь не чьи-нибудь, а наши, народные. Куда захотим, туда и повернем. А чо?

Журналисты вспоминают, как ехали они тогда с высоким начальством вдоль трассы водовода, останавливались через каждые пять-десять километров, ставили на капот бутылку «Московской», немудрящий закусок и пили за победу и за здоровье наместника бога на земле — Минводхоза СССР. И если не я оказался тогда в качестве журналиста на том водоводе, то только потому, что был задействован на другой такой же авральской стройке коммунизма.

Вот ведь, как печалился один служитель культа, что дьявол-то с душами выторяет!

Не избежали его соблазна и нязепетровцы. Еще бы! Появилась у них работа, заработки, несколько многоэтажек выросли одна за другой. Замаячила иллюзия того, что пришли благие перемены.

А на Уфе взялись возводить уже второе — Верхнеарслановское — водохранилище, не забыв при этом и про нужды горожан. Проект сулил им дорогу и мосты, 13 500 кв. метров жилой площади, детскую больницу, АТС на три тысячи номеров, детсад, аптеку... Общая стоимость всего этого строительства составляла 21,5 млн. руб. А сам город силами местного Совета строит всего на миллион в год.

Это место в документе звучало особенно неотразимо, вызывая в память, казалось бы, канувшие в Лету времена освоения многонационального Севера заезжими купцами. Эвон сколько даем мы тебе за реку. Не всякой провинции такая удача. Хватай, Нязя, да прячь подальше, пока барин не передумал. А то возьмет да кинет свои миллионы в какую-нибудь другую реку. Их вон сколько вокруг. И останешься ты в обнимку со своим славным прошлым.

А что, ведь так и было поначалу воспринято нязепетровцами строительство первого водохранилища. Но вме-

сте с перестройкой пришло и всеобщее отрезвление от иллюзий.

Здесь автор ставит себя в щекотливое положение. Ведь он и сам — живая молекула того миллионного города, которому действительно туго приходилось без воды. Он прекрасно понимает, каково оказаться на «сухом пайке» региону с сотнями промышленных предприятий, каждое из которых завязано в системе экономического сообщества социалистических государств.

И тем не менее, задаюсь нехитрым вопросом: почему гора, то бишь река, должна идти к Магомету, а не Магомет, то бишь город, строиться и расти, сообразуясь с возможностями окружающей среды? Мне возразят, что Магомет-де стал уже тяжеловат на подъем. Но тогда еще и еще возникают вопросы. А до каких пределов без гибельного ущерба для природы может развиваться город? Сколько промышленных предприятий следует настроить в его черте, чтобы не превратить его в крематорий, как Нижний Тагил или Первоуральск? Сколько леса позволительно извести, чтобы окружающая природа не начала активно мстить человеку с топором? Сколько можно взять из земных недр руды, угля, нефти и газа, чтобы ненароком не выкопать себе могилу? И вообще, до какой степени человек может подливать благоустроенный сук, на котором валяжно устроился?

Напротив того, посмотрите, чем руководствуемся мы в наших взаимоотношениях с окружающей средой (из той же беседы с Вячеславом Сергеевичем Прониным): «Полное использование водных ресурсов верхнего течения реки Исети и Чусовой вызвало необходимость привлечения реки Уфы в качестве третьего источника водоснабжения Свердловского промузла. Природа, как видим, работает на износ: выпили две реки, взяли за третью. Трепещите и бойтесь следующие, ибо сколько ртов прибавится в Свердловском промрайоне лет за 10—15 — одному богу известно.

Но вернемся к отрезвлению от иллюзий. Вот один пример. Проектом предусмотрена ликвидация на месте будущего водоема пяти деревень: Курга, Сухово, Первомайский, Юлдашево, Береговой — ситуация прямо по распутинской Матере. Взамен этих деревень обещана новая — с совхозом «Нязепетровский». Вместо затопляемых предстает освоить новые сельхозугодья.

Предполагаемый поселок рассчитан на 700 жителей и предусматривает полный набор объектов культурно-бытового и коммунального назначения. По проекту чего тут только нет, даже ясли с бассейном и дом быта с гостиницей. Общая стоимость строительства — 24 млн. руб. Из этой суммы на Свердловский облсполком падает 7 млн. руб., остальную кругленькую сумму должен внести Челябинский. Но, оказывается, он до последней возможности не давал своего согласия на сооружение Верхнеарслановского водохранилища, и Совет Министров РСФСР вынужден был ставить его перед фактом. После этого ясно, с каким настроением будет облсполком финансировать пасынка, и многие миллионы в виде бассейна и гостиницы рискуют остаться на бумаге.

По части экологии проект водохранилища обещает зону санитарной очистки вокруг водоема. Но дотошный горожанин обнаружит, что забота эта возложена на здешние совхозы. Осваивать новые земли взамен затопляемых тоже, разумеется, придется самим жителям здешних мест. Но откуда, резонно вопрошает нязепетровец, у них возьмутся силы и возможности? Так что и эти прелести существуют лишь для того, чтобы украсить проект.

Итак, потихоньку патристическая радость и благие надежды горожан стали сменяться сомнениями, недоверием и, наконец, прозрением. Красавица Уфа, поилца и кормилица, стала на глазах превращаться в ручеек. Равнинный рельеф местности, где разольется новое водохранилище, создаст огромную площадь мелководья, вызовет заболачивание, засоление и зарастание почвы. Нарушатся пути миграции диких животных. Уже исчезают бобровые поселения, гнездовья норки, выдры, ондатры, рыбные нерестилища. А сколько последствий сегодня просто невозможно предвидеть!

И город снова ошестинился протестом на своих девяти холмах. В декабре 1988 года возникает общественно-политический клуб «Инициатива», собирающий многотысячные митинги горожан. Они требуют серьезной, научно обоснованной экономической и экологической экспертизы, а до ее проведения — приостановки строительства Верхнеарслановского водохранилища.

Послушаем их доводы, постараемся понять чувства. Протесты против поворота северных рек слышал весь мир. Здесь же, как и испокон веков, звучат неслышимые и невидимые миру слезы.

Рабочий С. Плотников: «Мы строим водохранилище и уже знаем, что здесь будет болото».

Житель деревни Курга М. И. Шадрин: «Неизвестно еще, как будущее водохранилище отразится на нашей деревне, но пока меня не затопит, никуда не уеду».

Его жена Лидия Михайловна: «Когда строительство началось, стали дорогу делать через деревню около ключа. Им пользовалась вся деревня. Мы были против дороги, предлагали провести ее за деревней, однако не посчитались с нашим мнением. Сейчас ключ загажен...»

Из обращения рабочих завода им. Калинина: «Строительство следующего каскада плотин ни в коем случае нельзя допускать. Это окончательно погубит Уфу, изменит наш климат. Отразится на здоровье людей».

А. П. Бубнов, член клуба «Инициатива»: «Мы считаем, что данное водохранилище принесет большой вред не только району, но и бассейну реки Волги. Из Уфы в перспективе предлагается откачивать воды около двадцати кубометров в секунду. Практически вся эта вода потечет в реки северного направления».

Д. М. Новгородцев, член президиума общества охраны природы: «Водоохранилище не нужно и нравственно. Что мы оставим детям? Я в школе работаю и знаю отношение детей. Мы их воспитали уже иждивенцами к природе. Тем более, что уничтожение природы района свершается руками нязепетровцев».

Я умышленно не становлюсь на экономическую «кочку» зрения, ибо по отношению к природе она в принципе преступна. Бес-искуситель только этого от меня и ждет. Устами крутолобого экономиста он в два счета убедит нас в гибельности для индустриального промрайона малейшего промедления со стройкой. С помощью элементарной таблицы умножения докажет, что повернуть любую реку вспять куда дешевле и проще, чем построить водооборотную систему непрерывного цикла и всерьез заняться экономией воды. С закрытыми глазами он набросает на бумаге картину будущего благоденствия нязепетровцев в соседстве с четырьмя рукотворными морями. И только когда все наши малые и большие реки будут повернуты и выпиты, превратятся в сточные канавы (ведь Волги и Арала — скажу в рифму — нам для прозренья мало), мы поймем, что не настолько богаты, чтобы покупать дешевые вещи. А дьявол будет беззвучно хохотать за нашей спиной и строить уморительные рожи.

Так что хочу напомнить свердловчанам: когда мы, забыв завернуть кран, смотрим актуальную телепередачу или не спеша говорим по телефону, в канализацию тонкой, прозрачной, как слеза, струйкой убегает река Уфа...

Так как же будет дальше развиваться город на холмах? Каким придет он в двадцать первый век? Это должны решить для себя сами нязепетровцы, не дожидаясь, когда им сверху спустят какое-нибудь очередное «благо» — новую стройку или производство. История должна же когда-нибудь научить нас не только протесту, но и позитивному действию.

Судьбу решать горожанам, но поразмыслить и нам не помешает.

На это настраивает беседа с председателем райисполкома Василием Егоровичем Дружининым. Сам он из тех здешних коренников, кому довелось пожить в других местах и вернуться, проверив, что называется, любовь разлукой. А еще из тех, кого многому научила упавшая на

город стройка. Он, как нам показалось, впредь намерен не только думать сам, но и доверять таким патриотическим движениям, как клуб «Инициатива». Это уже немало.

Василий Егорович обмолвился как-то, что некоторые из горожан, мечтавшие о квартире в типовой пятиэтажке, ныне изменили свое отношение к так называемому благоустроенному быту. Во-первых, не так-то уж много в нем благ в условиях Нязепетровска, а во-вторых, уж очень зависит «панельный» житель от скудного прилавка магазина. Не надо забывать, что Нязепетровск выстоял и, вопреки магазинам, кое-что имеет в холодильниках именно благодаря отлаженному личному хозяйству, огороду, домашней живности, индивидуальному жилью. Он не только сам выжил, но и худо-бедно помогал детям и внукам, живущим в больших городах, выносил излишки на базар для тех же счастливых обитателей многоэтажек.

Так почему бы не помочь городу сохранить его быт, лицо и образ жизни? До сих пор, покада перемен не потребует сама действительность. Почему бы не потратить скудные капиталы местного бюджета не на сооружение очередного панельного дива, а на благоустройство быта частного сектора — газификацию, водопровод, дороги, помощь в постройке и ремонте жилья, сооружении ливневой канализации, единой, вместо существующих 60-ти, котельной? Почему бы не помочь горожанину в окрестывании, возрождении промыслов? Надо же иметь мужество исправить то, что наломали. А не делать вид, что ломали во благо.

Грустно ложится на душу сказанное В. В. Розановым, мудрецом российского быта: «Всегда любил я деревянные домики: все хорошее на Руси пошло от них. Деревянные домики строили Русь, а каменные дома разрушали Русь». Сказал философ, старый уже человек. Знал, что говорил.

И вообще, давайте признаемся, как, по сути дела, мало думаем мы, чтобы сохранить своеобразие, неповторимость наших малых городов. Благодаря типовым многоэтажкам, все они у нас становятся на одно лицо. Вот возвели в Нязепетровске несколько безликих блочных домов, а снесли при этом, немало не задумываясь, самые ценные и неповторимые в архитектурном плане деревянные постройки.

А из какого города человеку легче уехать, махнув на все рукой? Какая малая родина не дает покоя на чужбине? Где работается с большей охотой и настроением?

Немало улиц в Нязепетровске носят имена революционеров, героев гражданской и Великой Отечественной войны. Честь городу за это и хвала. Но неужели драматическая его история началась с семнадцатого года? А кто те люди, что на весь мир прославили Нязепетровск кованым кровельным железом? Углежогги, металлурги, сплавщики, стронтели, кузнецы...

Сколько на холмах нязепетровских стоит домиков, помеченных красной звездой! Впечатление такое, что не пересчитать. Сейчас многие домики уже осиротели: где двова доживает век, где хозяин ранами мается. А где и вовсе одна звезда...

Особенно болит душа о вдовах. Одна из них, Анна Николаевна Позднышева, рассказала, как учила она в молодости мужа грамоте по техническим книгам — уж больно хотелось ему водить поезд.

Выучился Егор Григорьевич, опершись на жену, сперва на кочегара, потом на помощника машиниста. И машинистом поехал. Войну прошел. И вот оставил свою Аннушку с дочерью... Пенсия у Позднышевой 50 рублей, а машина дров на холмах стоит 70. Без распиловки, колки и потчевания.

Рассказывает Анна Николаевна, а губы дрожат...

Вот тогда, думаю я, запахнет у нас социализмом, когда забота пойдет не о народе вообще, а о народе через конкретных людей. Когда начнем ходить по конкретным избам со звездочками и без оных, увеличивать конкретные пенсии, чинить конкретные крыши, распиливать конкретные дрова.

Даю на этот случай один конкретный адрес А. Н. Позднышевой: ул. Текина, 105, в собственном доме...

МНЕ ВЫПАЛА ДОЛЯ...

СНИМОК

Нет, не узнать никак заранее,
никак не уберечься тут:
они придут — воспоминания,
за горло схватят
и сожмут.

О, как мне тяжело этим вечером,
когда гляжу я, сам не свой,
на фотографию разведчиков,
где я —
единственно живой...

ЕГЕРЬ

Опечалился егерь — заметно любому
и по скулам твердеющим,
и по глазам.

Опустели окрестность,
все комнаты дома,
а такое здесь было!...
Не кто-нибудь — САМ,
Сам, бывало, сюда наезжал на охоту,
а вокруг — генералы,
начальство вокруг.
«Жив курилка!» — бывало, и скажет
всего-то,
только несколько слов.

А уже — словно друг.
...Тишина,
лишь кукушка кукует устало.
А когда-то такая житуха была!...
Кое-что даже егерю перепало
с богатейшего и непростого стола.
Ну, а главное — не в коньяке,
не в икорке,
и не это сейчас вышибает слезу:
просто виделось все человечество
с горки,

егерь — здесь, наверху,
а людишки — внизу.
Хорошо себя чувствовать рядом
с начальством:
все по струнке, гляди —
даже ельник притих.
Пусть наезды такие бывали не часто,
но ведь душу ласкает
и память о них.

Годы, годы промчались
и, нет, не вернуться,
а зима у порога, белеют холмы,
и застывшие лужи круглы,
словно блюдца, —
не кряхти, доставай полушубок,
пимы.
О-хо-хо! Даль угрюмая холодом
дышит,

может выдуть, поди,
и тепло из сердец...
Говорят, что сюда привезут
ребятишек,
в этот праздный с колоннами
домик-дворец.
И с нерадостной мыслью
о ветре и снеге

все глядит из-под хмурых
бровей из окна
опечаленный, шибко расстроенный
егерь...
Ладно, будет тебе!
Не вздыхай, старина!

* * *
В годы те, когда честный был
кривдой добит,
когда сердце людское,
как часто бывает,
разрывалось от всяческих зол
и обид,
оставалась надежда, что Сталин —
не знает.

«Знал бы Сталин!.. И правда
вошла бы в дома,
и исчезли бы сразу зловещие тени...»
Удивляюсь — да как не сошли мы
с ума

в этой вере напрасной,
в своем заблуждении!..
И не вычеркнуть нам тот
истерзанный год,
где велась на чистейшие души охота.
Неужели на пользу урок не пойдет,
неужели еще раз обманет нас
что-то?

ПОБЫВАЛИ В АДУ

Да, в аду, а не просто
под страшным огнем,
побывали
(не смей позабыть, бога ради!)
все солдаты, которые в сорок
втором
удержались на кромочке той,
в Сталинграде.

Двадцать третьего августа солнце
впотьмах
утопало — и в полдень просило
участья...

Ну, а кто-то был
в бериевских лагерях,
а послали б сюда —
посчитал бы за счастье.

И когда я бросаю в ту сторону
взгляд,
то неволью мороз пробегает
по коже:
нам, израненным хлопцам,
увидевшим ад,
выпадало не самое страшное
всё же.

ВОДОЕМЫ

Луч солнечный схвачу
и притяну я,
и двинусь сквозь сугробы с ним
в руке,
чтоб мартовскую спину ледяную
чуть легче было приподнять реке.
Полградуса, быть может, не хватает,
чтобы взломать толстенный
этот лед...

И все же снег,
сопротивляясь, тает,
да и ручьи
бросаются в полет.
Но кроме них, веселых шибко,
кроме
рек, одолевших мартовский мороз,
течет повсюду Волга нашей крови
и Енисей горячих наших слез.

* * *
Опять не до сна уставшему лесу,
закат над рощей тревожно-багров,—
все ближе, ближе шаги железа,
все громче, громче стук топоров...
Еще кора пропитана влагой,
еще и ветки живого живей.
Но если все это станет бумагой,
какими должны быть
слова на ней!

* * *
Затянули небо впереди
тучи, переполненные грустью,
нынче пусто у меня в груди,
как в каком-то сером захолюстье.
Отворилась, как вздохнула, дверь,
о недавнем все-таки жалея.
Сколько все же золотых потерь
в роще,
да и рядом — на аллее.
Но свалю, свалю я эту грусть,
вот и дождь идет,
ничуть не ноя.
Клен листву роняет?
Ну и пусть,
листья — это дело наживное.

* * *
Сквозь облако
выглянул месяц
спросонок,
скользнул и присел на откос.
И кажется, крупной чумацкой солью
присыпаны ветки берез.

Им выпала доля —
в аллеях укромных,
где песню баюкает дрозд,
держат потемневшее небо
на кронах,
не чувствуя тяжести звезд.

ИЗУМРУД, НЕ СНИВШИЙСЯ

Сенсация

ЮЛИЮ ЦЕЗАРЮ

Алексей
ЧЕЧУЛИН

Теперь, когда страсти вокруг найденной прошлой зимой в шахте Малышевского рудоуправления уникальной изумрудной друзы весом 6550 граммов улеглись, о находке можно рассказать подробней. У меня есть такая возможность, ибо первым из пишущей братии известил о ней читающий мир.

Директор рудоуправления Вениамин Зелев разрешил посетить гранильное отделение, но писать категорически не рекомендовал до той поры, пока с уникалом не разберется комиссия от Гохрана и ученых-минералогов.

Итак, гранильное отделение. Здесь хранится немало сокровищ: изумруды, топазы, фенакиты, александриты. Драгоценная находка лежала на красной ткани, подсвечиваемая лампами...

Хотя с того дня, когда шахтер Петр Бебенев из бригады Геннадия Чередова первым прикоснулся к друзе, прошло уже несколько суток, к находке здесь еще не привыкли.

Ида Крапивина, проработавшая с самоцветами 30 лет, восхищается, как девочка:

— Ничего подобного не видела!

Благоговейно улыбается начальник отделения Алексей Калугин. Почтительно замерли бывалые горняки. Вспомнили найденный лет восемь назад «Славный уральский». Этот изумруд (три тысячи четыреста каратов) хранится теперь в Алмазном фонде СССР. Гохран выплатил за него 800 тысяч рублей. Как уверяют горняки, весьма скромная сумма. А сколько же денег «весит» эта друза?

— Если выставить ее на международном аукционе, — заметил кто-то, — то, пожалуй, миллионы долларов.

Но это лишь предположение, потому что на руднике для определения ценности подобной находки не нашлось даже методики.

Я взял друзу в обе руки и мысленно ахнул: тяжелая и холодна была «Шахтерская слава» — так решено назвать уникальный изумруд.

...Взгляните на карту Свердловской области. Каких только минералов и руд не встретишь в виде географических названий: Хромпик,

Колчедан, Золото, Платина, Медь, Асбест, Бокситы... А именованному камню изумруд поведло дважды: так называются железнодорожная станция и горняцкий поселок.

Десятилетиями стояли эти названия на карте, но только местные жители и специалисты знали, что именно здесь, в тени богатейшего асбестового месторождения, причется другое — единственное в СССР по добыче самоцветов первого порядка. Цензура бдительно прятала от читателей точный адрес русских зеленых камушков. Но в трудах прошлого века упоминались реки Рефт и Токвая, где в 1831 году белоярский крестьянин-смолокур Максим Кожевников обнаружил драгоценный минерал.

К слову сказать, власти наградили смолокура денежной премией, а командира екатеринбургской гранильной фабрики Якова Коковина, за столбившего будущие копи, — орденом. Правда, царское правительство не сдержало свое обещание: «в ознаменование заслуги первого открывателя изумрудов крестьянина Кожевникова, покуда еще находится в живых, бюст его изваять из мрамора, и пьедестал поставить на месте открытия с обозначением года». Мы и сами хороши: до сих пор в поселке имени Малышева, центре изумрудной добычи, нет улицы Кожевникова. Что это? Нежелание помнить нашу историю или отзвук «приступа секретности»? Наверное, то и другое.

Вообще в мире изумруды известны с древнейших времен. Еще в доколумбовой Америке индейцы почитали этот камень священным, он добывался в Ассирии и в Древнем Египте. Так, известны знаменитые копи царицы Клеопатры. Между прочим, там велись добычные работы еще за две тысячи лет до ее правления.

С изумрудами связаны такие легендарные имена, как аль-Бируни, Плиний Старший, император Нерон и прочая... Этот камень отмечен в Библии.

Самый большой кристалл изумруда, как свидетельствуют литературные источники, был найден в Южной Африке в 1956 году в месторождении Сомерсет, в нем оказа-

лось 24 тысячи каратов. Среди других «знаменитостей» — камень «Эмилля» (1795 каратов). Этот «колумбий» хранится в Музее антропологии в Боготе.

Меньше масса другого уникального камня, что можно увидеть в Британском музее естественной истории. Это так называемый изумруд герцогов Девонширских в 1385 каратов.

Много легенд существует о феноменальном изумруде Коковина, определившем трагическую судьбу талантливого художника-камнереза. Самоцвет Коковина, если верить академику Ферсману, весил более двух килограммов. А потрясающая коллекция графа Кочубея!

Как видим, в историю выдающихся самоцветов вторгаются с прошлого века и уральские камни. По данным Ферсмана, к 1925 году у нас было добыто от 12 до 16 тонн изумрудов, а дальше статистика вплоть до наших дней наглухо засекречена. Между тем, любопытствуя, можно узнать, что только две шахты в Колумбии с 1947 по 1965 год добыли 2 872 415 каратов изумрудов. Наиболее крупные из них хранятся теперь в Лондоне, Нью-Йорке, Вене.

Алмазный фонд СССР, думаю, вряд ли уступит лучшим хранилищам мира. И вот — новая находка. Ее особенность в том, что это не просто изумруд, а друза, то есть форма минерала, представленная группой кристаллов, выросших на общем основании. По мнению специалистов, природа не создавала еще подобного чуда.

«Шахтерская слава» содержит в себе несколько великолепных кристаллов весом 9 тысяч каратов. Это больше, чем в изумруде Кочубея. Таких камней не было даже в короне Юлия Цезаря!

Сколько же стоит подарок природы шахтерской бригаде? Ответить весьма сложно. У нас опыта продажи подобных камней нет. Карат, как мне подсказали, стоит 3 тысячи долларов. Тогда получается, что цена «Шахтерской славы» — 27 миллионов! А если прибавить к этому редкостную форму друзы, то цена еще более возрастет. Впрочем, это фантазии дилетанта, не согласованные с Гохраном. Советские минералоги, изучающие малышевскую друзу, считают, что она входит в первую десятку великих изумрудов мира «всех времен и народов».

Рис. В.Ганзина

УМЯГЧЕНИЕ ЗЛЫХ СЕРДЕЦ

Валерий
ПРИВАЛИХИН

Рис.
Владимира Ганзина

Повесть

Часть первая

1.

Путь по сумеречному густому пихтачу продолжался с раннего утра почти до полудня. Потом он незаметно перешел в березовый жидкий лесок. Тошнотворный запах

нагревшихся в летних лучах хвойных лап исчез, и путники с удовольствием вбирали в легкие сладковатый воздух березника.

Путников было трое. Тот, что шел впереди, узкоплечий, высокий, по возрасту самый старший, лет тридцати, вынул из нагрудного кармана брезентовой куртки карту-вер-

стовку, развернул ее и закурил сигарету Напарники тоже закурили.

В звенящей тишине послышался хруст сухих веток. Все трое переглянулись, уставились в сторону, откуда доносился звук. Долго томиться не пришлось. Не очень крупный медведь вынырнул из-за берез. Так близко, что без труда можно было разглядеть на светло-коричневой свалявшейся шерсти комочки репейника.

Появление зверя ни в испуг, ни даже в замешательство, однако, ходоков не привело. Стоящий по правую руку от того, который держал карту, смуглолицый крепкий скинул с плеча охотничье ружье, мигом взвел оба курка.

— Ефим, это мой будет,— азартно произнес он, целясь.

Узкоплечий быстрым движением перехватил двустволку, придавив курки ладонью. Выплюнул недокуренную сигарету и вдруг коротко рявкнул. Замерший от неожиданной встречи хозяин лесной глухомани в следующую секунду улетаел прочь. Только хруст валежин и веток разносился, затухая.

— Вот так лучше. Без лишнего шумового оформления.— Узкоплечий снял руку с ружья спутника.— Царская гать рядом.

— На подходе, значит?

— Да.— Узкоплечий кивнул, складывая верстовку.— Как ты меня назвал только что?

— Ефим...

— А надо?..

— Роман.

— А его? — Старший в компании кивнул на третьего. Третий был красивым русоволосым парнем с ухоженными пышными усами. Левый глаз у него косил еле уловимо, и все-таки эта чуточная косинка делала красоту ущербной.

— Клим.

— А самого тебя как величать?

— Без величаний. Глеб.

— То-то. Запомнили намертво: Роман, Клим, Глеб. И никак иначе, пока в этом медведем углу ошибаться будем... Дробовик-то не держи на боевом взводе,— прибавил владелец карты-верстовки. Рассеянно проследил, как будет выполнено распоряжение.

Спустя еще полчаса ходьбы старший, велевший именовать себя Романом, предложил сделать остановку для перекура. Курить разрешил вволю, но впредь после этого о сигаретах временно забыть. Скоро будут близки к избам, а кто знает, какой нюх на табачный дым у их обитателей.

И Клим, и Глеб взяли из протянутой Романом пачки «Явы» лишь по одной. В иных условиях, может быть, и по две, и по три, но не в теперешних. Присесть не на что, под ногами болотистая сырь, забун. Успевай менять место, иначе засосет через минуту-другую до колена. Давили на плечи рюкзаки, сказывалась усталость почти двухдневного перехода. Так что затягивались сигаретным дымом без удовольствия.

— Потопали уж до места.— Клим первым кинул под ноги окурки.

С ним молча согласились.

Прошли еще километра полтора, пока ступили на сухую твердую почву. Предстал перед глазами омут, окаймленный привольно растущими разлапистыми кедрками. Ни мостка, ни лодочки на берегу, будто не приходят к таежному водоему люди. А должны наведываться, если карта правильная. Да! Всмотревшись, заметили среди лозняка тропку. Она убегала от воды на невысокий холм, где проглядывалась тесовая крыша.

— Вот и к месту пришли,— сказал удовлетворенно Клим.

— Подожди расхоложиваться,— отозвался Роман,— еще таких мест пять.— Властно прибавил: — Идем. И себя не обнаруживать.

Еще с четверть часа потратили на то, чтобы обогнуть омут и взойти на холм.

На полянке, обнесенной ветхими жердями, стоял прощевший в землю на добрых три венца домик с крохотными окошками, с навесиком у входа. Около навесика на пеньке, или чурбачке, сидела, склонившись, старуха в кофте и

юбке, в платке, повязанном так, что голова открыта лишь от подбородка до бровей. Старуха возилась с чугуном, очевидно, оттирала, от копоти. Роман из кустов долго глядел в бинокль на ее морщинистое остроросое лицо, удивительно белое, светящееся в темной кайме платка, словно осколок зеркала.

Вышла из убогой избенки другая пожилая женщина, неся перед собой ступу с пестиком. Устроившись неподалеку, вторая обитательница вросшего в землю жилища принялась толочь что-то в ступе.

— Две бабульки,— сказал Глеб.

— Первая, вроде бы, однорукая,— прибавил Клим. У него тоже был бинокль, и он, как и напарник, внимательно наблюдал за старухами.

— Она и есть однорукая. Пошли,— властно сказал старший и попятился в гущину кустарника.

Все трое возвратились к омуту, расположились шагах в пятидесяти от него, под кедром с низко нависающими лапами.

— Час отдыхаем,— сбрасывая рюкзак и стягивая сапоги, тем же повелительным голосом заговорил Роман,— и в путь.

На земле, засыпанной прошлогодней хвойной иголкой, вновь появилась карта-верстовка. Зелеными штрихами на ней были обозначены болота и гары, коричневыми кружками — острова среди этих богатых топиями мест, красными пунктирами — проходы от острова к острову. Их на верстовке значилось шесть, и в центре каждого броско выделялась римская цифра.

— Клим пойдет на третий и пятый острова,— тыкала кончиком голой ветки в карту Роман.— Я — на второй и четвертый, Глеб — на шестой. Рюкзаки, оружие здесь, на дереве, подвесим. Сигареты мне отдайте. Брать с собой только фонарики и еду, возвращаться особенно не спешить...

Клим, когда воцарилось молчание, вынул из кармана штанов помятую неначатую пачку «Столичных», кинул на Романову куртку.

— Пойду. Все равно идти,— сказал он.

— А еда?

— Возьму с собой.— Клим, не просидевший под деревом и десяти минут, поднялся.

— Также отдыхать не буду,— сказал Глеб.

— Ладно. Берите, что нужно, и рюкзаки подавайте мне,— Роман, как был босой, подошел к кедру, вскарабкался на нижний сук, ждал, пока спутники подадут ему поклажу, оружие.

Через четверть часа местечко под кедром близ омута обезлюдело, каждый шагал по заданному маршруту.

Старший в рассеявшейся группе, Роман, обогнув остров, быстро отыскал тропу в болотистой пружинящей почве. Тропа была хорошо натерена, ходили по ней достаточно часто, и Роман время от времени останавливался, чутко вслушивался в звуки тайги. Заботило, как бы не столкнуться с идущим навстречу человеком. Слышались лишь птичий щебет да нудящее непрерывное гудение комаров. Гнус донимал укусами, утяжелял и без того нелегкий путь. Временным спасением от комаров — одеклоном «Гвоздика» — еще утром пользовались, но из-за резкого запаха отказались, как и от сигарет.

До второго острова было около четырех километров. Прибрасывая на усталость, на частые остановки, на то, что ступает, как по деформированной кроватной сетке, рассчитывал быть через полтора часа.

Так и вышло. Он свернул с тропы влево, когда сырость под ногами исчезла и впереди, в просвете между елями и пихтами, мелькнула лужайка, стожок на ней. Сделав еще с сотню шагов, увидел ульи и домик. Построенный давно, он, однако, не был таким ветхим, как на первом острове. Оконца хоть и крохотные, но нижний край их высоко над землей; и стены, и желобовая крыша добротные. Сарай, около которых поленицы дров, омшаник, поодаль избушка без окон, скорее всего, банька, хлев. Жили здесь более устроено.

Не домик, не надворные постройки интересовали сей-

час — хозяева. Их не было. Отлучились куда-то или же в разгар дня, в жару, в избе.

Постояв и десять, и двадцать, и тридцать минут, Роман всерьез подумывал: не сделать ли ходку к следующему острову. Два километра. Пока обернется, пока позаблудит там, два часа минет, самое малое. И к месту общего сбора, к омуту, возвращаться ближе, и тутошние жильцы, глядишь, объявятся. Задержало лишь желание перемотать портянки перед дорогой. Управившись с этим, увидел около сарая низкорослого сухонького старикашку в темных штанах и серой свободной рубашке навывпуск. На вид лет семьдесят-семьдесят пять, реденькие волосенки на непокрытой голове сплошь седые и торчат в разные стороны, отчего голова на тонкой, как стебель, шее похожа на пушистый, тронутый ветром, но не облетевший еще одуванчик.

Хозяин острова на таежном болоте, значившегося на верстовке под цифрой «II», поворачивая голову то к расворенной двери сарая, то к ульям, что-то говорил.

Совершенно не слышно — что. В воздухе царил гул роящихся пчел да вялых в это время дня комаров. Вышла из сарая и засемила к домику старушка, под стать Одуванчику низенькая и сухонькая. Одуванчик — следом. Дверь за ними закрылась.

Незачем было ждать, когда выйдут. Вторая половина дня. Ясно, что никуда нынче не отлучатся...

К четвертому острову Роман приближался со всеми привычными предосторожностями. И как оказалось, зряшными.

Увидел у самой двери высоко вымахавшую траву и прямиком, не таясь, направился к избушке. Мелькнул вдруг на самом краешке полянки у ельника изжелта-белый деревянный крест, свежий, не успевший покрыться налетом пепла под лучами, и Роман понял, в чем дело. На кресте наврядка стояла дата смерти бывшего обитателя острова. Романа это не интересовало.

Он помнил, жившего здесь старика звали не то Куприян, не то Киприян. Что и зачем еще нужно знать? Он продолжал двигаться к избушке. Дойдя, носком сапога откинул бревешко, подпиравшее дверь.

Она сама беззвучно приоткрылась, и Роман вошел в избушку. Там было совершенно пусто.

Фонариком он осветил темные, заросшие снизу доверху паутиной углы, заглянул за печь. Ни стула, ни кровати, ни посуды, ни тряпья. Непонятно, на чем тут сидели, спали, из чего ели-пили. Впрочем, одна вещица была. Он поднял с пола самодельную деревянную миску с трещинкой в доннышке, чуть подержал и с брезгливостью кинул за печь.

Ни в избушке, ни на острове оставаться дальше не было никакого смысла, и он зашагал прочь, не оглядываясь.

Возвратившись ко второму острову, он застал Одуванчика среди ульев в хлопотах с пчелами.

Старушка возле избы растапливала летнюю печку. Дымок поднимался из трубы, наверху которой служило перевернутое, без дна ведро.

Роман про себя похвалил стариков: словно по заказу на виду крутятся. Впереди у таежных отшельников ужин, сон. Что караулить? Постоял еще, от нечего делать считая ульи, и побрел устало своей дорогой.

2.

В условленном месте встречи, под кедром у омута, Роман застал одного Глеба. Он тоже только-только отмаял свой крюк и, лежа на спине, жевал шоколад, запивая его водой из фляжки.

Рассказ Глеба был коротким: шестой остров обитаем, две бабки там, наподобие тех, от которых сейчас отделяет несколько сотен метров. Только тамошние старухи еще старше. Роман молча выслушал: ничего для него нового.

Оставалось ждать, какие вести принесет Клим.

...Клим вернулся на рассвете, веселый, бодрый. Ночь он провел на дальнем острове, помеченном на карте римской пятеркой. Живет там бородач лет этак пятидесяти,

с женой, или кем она ему там приходится, не уточнишь. Крепкий, крупный жужчина. Клим застал эту пару остро-витаем за окучиванием картошки. Василий, так мужика окликала женщина, тянул вместо лошади одноконный плуг, а женщина этот плуг вела между бороздами. Потом бревна в одиночку ворочал, нужно видеть, какой толщины и длины... А с восьми стали к празднику готовиться... Клим, рассказывая, держал перед собой круглое зеркальце и ножничками подравнивал усы.

— Подходил? — Роман посмотрел пристально, недобро.

Клим замялся, убрал в карман зеркальце и ножнички.

— На секунду... Совсем незаметно.

— Незаметно. — Роман скривил в ухмылке губы.

На вокзале по перрону он прошелся. Это для тебя незаметно.

— Керж необычный. Узнать хотел, вдруг ружье держит. — Клим оправдывался, в глаза старшему в группе не смотрел.

— Брось ты про ружье! Знаешь же, не держат, вера не велит.

— Да не заводись, Ефим, — вмешался Глеб.

— Опять?! — Роман метнул на него злой взгляд.

— Ну, помню, помню имя, — со вздохом сказал Глеб, — не заводись.

Клим, по его дальнейшему рассказу, заглядывал в окна после полуночи, потом, соснув часа два, отправился в обратный путь. Заворачивал он и на третий остров, самый ближний от их теперешнего местонахождения. Там в ко-собоккой избенке — одинокая старуха, еще довольно подвижная, деятельная.

— И к ней в окна глаза пялил. — Роман не спрашивал, говорил утвердительно.

— Ну, заглядывал. — Клим посмотрел исподлобья. — Тоже к празднику подготовился.

— В двух местах наследил. Невтерпеж было ему. — Роман с досадой хлопнул себя по бедру.

— Отвянул бы ты от него, — опять вступился за Клима Глеб. — Что уж слишком осторожничать. Ты сам по их тропам ходил? Ходил. Думаешь, не заметят чужих следов, если в гости пойдут друг к другу?

Против такого неотразимого довода Роману сказать было нечего. Он привалился спиной к кедровому стволу, некоторое время молчал.

— Ладно. Прекратим, — заговорил наконец. — Но чтоб самодеятельности больше не было. Никто никуда нынче не идет. Отдых до завтра.

3.

С приходом Клима еще почти сутки не покидали об-любованного места. Днем отдохнули, отоспались как следует. В вечерних сумерках собрались было все вместе пойти опять проведать бабок-островитянок, однако Роман в последний момент передумал: незачем, куда они денутся.

Часа полтора вздремнули после полуночи, потом сон больше не брал. Свежий легкий ветерок дул со стороны, где стоял дом. Глеб и Клим принялись дружно, напористо просить у Романа разрешения закурить. Он в конце концов сдался, сам в несколько жадных затяжек сжег сигарету. Глеб с Климом, лежа, тихо разговаривали. Глядя на темное, в редких звездах небо, думали о своем...

Поднялись перед самым восходом. Рюкзаки, ружье, подвешенные на сучьях; перекочевали на землю. После завтрака Роман велел собрать пустые консервные банки и кинуть в омут. Обрывки бумаги сгрел в кучку, поднес зажженную спичку. Перемешанная с сухой иголкой бумага занялась огнем и быстро превратилась в пепел. Пламя скоротечного костерка потонуло в первых солнечных лучах, заполнивших таежную глухомань.

Напоследок Роман придирчиво осмотрел покидаемую стоянку, распорядился:

— Пошли!

После этого отрывистого слова не теряли даром ни секунды. Обогнув омут, сразу же ступили на тропу и, миновав взгорок, устремились к домику. На ходу Роман на-

девал солнцезащитные очки, натягивал до самых бровей кепку. То же проделывали и спутники.

Быстрым шагом приблизились к избе, и Клим с силой рванул дверь на себя.

Таежные отшельницы на ночь закрывались, но запор изнутри был хлипким, больше существовал для того, чтобы дверь сама ненароком не раскрылась. От Климова чрезмерного усилия она едва не слетела с петель. Роман придержал дверь носком сапога, шагнул через порожек.

Бросилось в глаза — русская с полатами печь едва не в пол-избы, окованный железом сундук на некрашенном, выскобленном добела полу, иконостас в переднем углу.

Старухи, несмотря на рань, не спали. Одетые, сидели рядышком на широкой лавке у стены. От неожиданности обе вскочили. Оторопело уставились на пришельца с темными глазами-очками. Испуг прибавился, когда следом ввалились в избу еще двое. Старухи попятились к печи.

Роману, впрочем, не было особого дела до ощущений хозяек. Он впился взглядом в подсвеченные лампадками образа. Клим и Глеб — тоже.

Так длилось с минуту. Этого хватило, чтобы однорукая старуха немного оправилась от испуга. Незваные гости не проронили ни слова, однако она поняла цель их вторжения, шагнула, встала лицом к Роману, загородив собой иконостас.

— Уйди! — выкрикнула срывающимся голосом.

Роман беззлобно оттолкнул ее и приблизился к образам.

— Не дам! — Однорукая вознамерилась было опять кинуться на защиту иконостаса. Клим крепко схватил ее за кулю.

— Ты что, старая. Брысь на лавку. Ну!

Вторая хозяйка избы вела себя тихо. Стояла, испуганно сжавшись, губы ее беззвучно шевелились. Она хотела перекреститься, но рука не слушалась.

Строптивая сожительница, вроде притихла, смирилась. Но когда Роман снял со стены одну икону, вторую, положил в кармашки подставленного Глебом рюкзака, снова попыталась воспротивиться, подала голос:

— Разбойники...

На сей раз вмешался Глеб. Подошел к ней, сказал внушительно:

— А ну, дочерь Евдокии, Феодосии. Еще разок у меня пикинешь: считай, в последний.

Как бы намекая, что будет, поправил ружье за спиной.

— Агафья... — еле слышно окликнула однорукую вторую хозяйку. Мольба не противиться пришельцам звучала в интонациях.

Похоже, вечная старуха и без того поняла, что попытки защитить иконы бесполезны. Ее остроносое, светящееся в полумраке кельи лицо приобрело выражение безразличия, отрешенности.

Клим тем временем заглянул в сундук. Ничто там его не заинтересовало. На столешне лежали пухлые книги в кожаных потертых обложках. Остановившись у стола, Клим листал книги и краем глаза следил за старухами. При этом не забывал поглядывать и в оконце, и на занятых делом приятелей.

Всех икон в избе было десятка два. Роман осматривал их и, недолго размышляя, передавал Глебу. Иные водружал на место.

— Закончили, — сказал, отстраняясь, снимая перчатки.

Четыре иконы Роман оставлял.

— Все бери, потом отсортируем, — сказал Глеб.

— Не учи. Не хватало Богатенко таскать.

— Это посмотри. — Клим поднял над столом книги.

Роман подошел, заглянув под обложки.

— Пусть изучают, — сказал и, не удостоив старух специального взгляда, вышел. Следом — Клим.

Глеб покидал ограбленное жилище последним.

— Если жизнь не надоела, от избы не уходить. Рядом буду. Понятно говорю?

Старухи молчали. Он и не ждал ответа.

— Теперь так, — сказал Роман, когда чуть отдалились

от избы, — Одуванчика божьего навестим, потом Василия, потом одинокую бабу, а там... — Роман хотел, видимо, упомянуть про последний обитаемый остров, помеченный на верстовке римской шестеркой, но не стал излагать план до конца. — Там — поглядим.

— Может, Василия напоследок оставим, — предложил Клим. — Боюсь, повозиться с ним придется.

— А ты не бойся. — Роман усмехнулся. — Все. Хватит слов.

...Бабка Агафья затихла, словно впала в забытие, пока еще в избе хозяйничали грабители. И после их ухода не шелохнулась, сидела, сгорбившись, безучастно скорбно глядела перед собой. Вторая хозяйка кельи, Настасья, плакала, причитала, призывала кары на головы унесших иконы — до Агафьиного сознания будто не доходило.

— Ты чё, ты чё? — принялась допытываться Настасья, напуганная ее поведением.

Попытки растормозить Агафью оказались тщетными. Она оставалась безмолвной, неподвижной. Настасья ухаживала за ней, как за больной.

Не вывело из состояния оцепенения, отрешенности Агафью и появление Афанасия. Растерянный, жалкий старикашка с распухшим от слез лицом ерошил дрожащими руками сивые волосы и сбивчиво, захлебываясь, рассказывал о том, как вместе со своей Анной отлучились по доить корову. Возвратились и застали у себя разгром: берестяной короб с засоленной черемшой опрокинут, мед из полуведерного тудеса по полу разлит; штагал кто-то по кухонному закуточку. Но главное — образа со стен сгнули. Все! И «Шестиднев», и «София Премудрость божия с праздниками», и «Микола». Все, все. Один махонький образок нашел у порога, ликом кверху лежал. Каблук на нем отпечатался. Треснула иконка та, загублена...

Старик, всхлипывая, перекрестился. Повествуя о своей беде, он, кажется, не замечал, что и у тех, кому жалуется, ой как неладно.

Едва закончил свой рассказ Афанасий, появилась запыхавшаяся, распотевшая от быстрой ходьбы, от бега бабка Липа. И ее избенку-келью не обогнули очкастые разбойники. Налетели, что коршуны, снимали иконы, деньги забрали, какие за грибы, за бруснику в прошлом году выручены.

— Господи, господи. — Бабка Липа осеняла себя двуперстием, размазывала ладонями слезы и пот на морщинистом загорелом лице и говорила, говорила.

Разбойники велели ей ни на шаг не уходить от избы. Она не послушалась, побежала за защитой к Василию, а его самого еще допреждь...

— Василия?! — До сих пор Агафья, кажется, вовсе не замечала творившегося вокруг. Но от такой вот новости дернулась, как от толчка. Голос ее прозвучал сурово, недоверчиво.

Бабка Липа закивала: его, его. И отволтузили так, подняться сил нет. Мария его отхаживает теперь.

— Господи, господи, какие лиходеи. — Опять бабка Липа принялась креститься.

Весть, что у Василия отняли образа да к тому же излущивали — это при его-то силе — более всего потрясла Агафью. Снова, в который раз, она живо вспомнила ввалившихся на зорьке в избу трои злодеев. Вспомнила, как один оттолкнул ее, а другой швырнул на лавку да еще ружьем страдал, — и от лютой ненависти горло перехватило. Уйдут очкастые с болот, нынче же уйдут, а там где их сыщешь, не тутощные, поди. Нужно помешать им! А как? Захар Магочин! Агафья вспомнила про него. Всегда в эту пору косит траву на Старицинском лугу. Мотоцикл у него. Отсюда через клюквенное болото бежать напрямик, пересечь Царскую гать, колок березовый недолгий одолеть — у Захарова покоса очутится. Бог даст, там он. Только поспешать надо, день уж на другой половине.

Агафья решительно поднялась.

4.

В половине пятого вечера Клим, Глеб и Роман, нагруженные туго набитыми вещмешками, выбрали к Царской гати. Перед тем как ступить на гать, Роман скинул рюкзак, вытащил из него увесистый, тщательно увязанный сверток. Бритвенным лезвием перерезал шпагат и размотал сверток. Там был разобраный автомат. Неспешными точными движениями собрал его. На тряпке-обертке остался запасной рожок. Роман сунул рожок в боковой карман брезентовой куртки. Тряпку отряхнул от налипших хвоянок, комом закинул в рюкзак.

— Не такая уж заброшенная дорога, ездят по ней, — сказал Глеб. Пока Роман возился с оружием, он вышел на узкое ухабистое полотно гати.

Будто в подтверждение слов, издали донесся гул мотора. Он приближался. Роман спешно застегивал рюкзак и напряженно вслушивался, по звуку пытался определить, какой транспорт катит. Вроде, мотоцикл? Да. Тяжелый трехколесный мотоцикл с водителем и пассажиром, подпрыгивая на неровностях, стремительно мчался в их сторону. Такой транспорт — то, что нужно. Роман надел темные очки, поспешил на дорогу. Втроем встали на проезжей части так, чтобы обогнуть водителя их не мог.

Мотоциклист метрах в сорока-тридцати стал притормаживать. Ждали: вот-вот остановится, как вдруг он сделал резкий бросок на преградивших путь, потом круто обогнул их, мастерски провел свой транспорт по самому краю обочины. Спусти секунды, сидящий за рулем вновь наращивал скорость.

В пассажирке, которая сидела в люльке, узнали старуху с остроносым бледным лицом.

— Однорукая, — крикнул Глеб. Он подтолкнул Романа. — Бей по колесам, уйдут.

Роман стрелять не решился. Мотоцикл подпрыгивал на выбоинах старой гати, поднимал с собой густую завесу пыли, так что прицельные выстрелы по колесам исключались.

— Километров двадцать пять до села. Через полчаса будут там. Еще через час-полтора жди тут граждан в погонах, — сказал Роман.

— До лежневки меньше часу ходьбы. Перейдем на нее, — предложил Клим.

— И куда дальше? — Роман все глядел в сторону, куда умчался мотоцикл с коляской. — Ближе к ночи все дороги будут перекрыты. На юг пути не будет.

— Ну, слишком быстро. Собраться не успеют...

— Успеют... Возвращаемся на болота. Левее пятого острова, где Василий обитает, брошенные остяцкие юрты, там недалеко проход в болоте. За ночь, если шевелиться будем, выскользнем к реке, к автомобильным дорогам.

Роману не перечили, смотрели на него с надеждой, сейчас особенно охотно признавали в нем вожака.

Путь от Царской гати до остяцких юрт по болотам составлял примерно пятнадцать километров. Оставалось преодолеть с четверть этого расстояния, когда в воздухе слышался стрекот вертолета.

Винтокрылая машина замыкала круг где-то в районе третьего острова. Это ничуть не уменьшало тревогу: не исключено, те, кто на борту, разгадали замысел уходящих от погони, по крайней мере не исключают, что от Царской гати они подадутся обратно в топи.

— Может, зря исполошились, — глядя вслед удаляющемуся вертолету, высказал предположение Клим. — Почтовый или пожарный?

— М-г, чуть макушки не бреет, высматривает, какому медведю письмецо вручить, — съязвил Роман. — Чего доброго еще один круг, пошире, сделает, пока светло.

— Проклятый север! Бывает здесь темнота когда-нибудь? — Клим выругался.

— Бывает. Но не по заказу. — Роман наклонился, пальцами расковырял влажный мох на кочке. Она сплошь была усыпана белой крупной клюквой. Распрямляясь, сорвал несколько ягод, подкинул их на ладони, сказал задумчиво: — Урожай будет хороший. Через месяц созреет.

— К чему ты это? — раздраженно спросил Глеб.

— Так. К слову. Ну, идем.

Чем дальше по болоту, тем больше воды. Местами проваливались едва не по пояс. Боялись сбиться с тропы, боялись нового витка вертолета, но нет, обошлось.

Под сумерки выбрались, наконец, на сухое место, к остяцким юртам (на карте было указано их название — Пыжинские). Гнилые жерди-остовы двух юрт — все, что уцелело от нехитрого жилища кочевников.

Разделись, выжали штаны и вылили из сапог воду, лежа выкурили по сигарете. На отдых Роман времени почти не дал: пинкертоны сидеть сложа руки не будут. Как ни устали, нужно двинуться и двигаться, уходить как можно дальше от болота, от юрт, пробираться в многолюдные места, раствориться там, в этом спасение.

...На рассвете чудом не натолкнулись на «амфибию». Как ни настороже, трудно было ее заметить. Темно-зеленая, она стояла впритирочку к хвойному молодняку. В пустой кабине была включена рация, настроенная на волну общей связи. Она и спасла. Кто-то с кем-то переговаривался. Рядом с машиной находился молодой милиционерский сержант в потертой кожаной куртке. Где-то близко еще люди, прибывшие на «амфибию».

— Обложили. Возвращаемся к юртам, — шепнул Роман. Бесшумно попятились, побежали...

5.

— Местных среди налетчиков не было. Местных бы потерпевшие узнали. Они хоть и староверы, живут общенно, но это по инерции считается, будто в глухих урманах в собственном соку и молитвах варятся, с людьми не общаются. Еще как общаются. Торгуют, меняются. Дети к ним приезжают, они к детям. Этого вера им не запрещает...

Сидели втроем в кабинете участкового в Уртамовке, самом близком от места происшествия поселке: от райцентра — сто десять километров, от скитов — сорей с небольшим. Начальник Нетесовского районного ОУРА, круглолицый, с родинкой на правой щеке, лейтенант Поплавский вводил в курс событий командированных сотрудников краевого управления внутренних дел, оперативников майора Шатохина и лейтенанта Хромова. Так вышло, вчера, когда получили известие о нападении на скиты, в Нетесове ни начальника райотдела, ни прокурора не было. Поплавский оказался главной фигурой. Помощи, указаний не ждал. Сам искал транспорт, поднимал людей и отправлял в спешном порядке на заброшенные проселки, тропы, ставил заслоны. В Уртамовку вернулся, чтобы встретить представителей из края.

— Еще почему думаю, что чужие, — продолжал начальник Нетесовского ОУРА, глядя то на Шатохина, то на Хромова. — У Василия налетчики обращались друг к другу Клим и Глеб. У бабки Липы имя третьего названо было — Роман. У нас здесь ни одного Глеба. Клим не один, но несерьезно кого-то подозревать.

— Клим, Глеб, Роман, — повторил имена Шатохин.

— Парней, чтоб запросто скрутить Василия могли, — тоже нет. А эти уверены в себе были. Даже автомат не подумали вынуть, чтоб сразу, чтоб острастки, наставить.

— Точно был автомат? — спросил Шатохин.

— Наверное. — Лейтенант Поплавский потрогал лежащую перед ним ракетницу. — Захар Магочин не ручается, он рулил. А бабка Агафья видела.

— В оружии разбирается?

— Во всем разбирается. Грамотная. Бригадиром у охотников была, даже депутатом крайсовета.

— И подалась в богомолицы?

— Да. В тайге прострелила руку, кисть распухла, посинела. Помощи неоткуда жрать. Топор наточила, раскалила на огне и сама себе руку отхватила почти по локоть... Потому и прозвище Ящерница, потому и от мирской жизни ушла.

— Подозреваете кого-нибудь?

— Нет. Пока некогда толком с людьми говорить, вер-

сии отрабатывать. Ищем. По тайге они с таким грузом далеко уйти не могли. Ясно только, что навел кто-то. Факт. Без посторонней помощи по болотам не пройдешь.

— Сколько икон взяли?

— Около восьмидесяти.— Поплавский тут же уточнил.— Семьдесят шесть. Больше половины.

— В пяти скитах?

— Даже в четырех. К Варваре и Агриппине не ходили.

— Так много икон...

— Единственная ценность. Еще книги некоторые. От прапрадедов все по наследству переходит, накапливается.

— Что ж, потерпевшие совсем не слышали, что на это наследство охотники развелись?

— Не только слышали. Я еще мальчишкой был, лет восемь назад пытался ограбить. Раньше, все что ни есть, по стенам развешивали. Теперь, как правило, складень и две-три иконки в избе держат. Остальное — в тайничках, во праздникам вынимают.

— Сейчас праздник?

— Да. Большой...

Пока лейтенант Поплавский давал пояснения, отвечал на вопросы, рация была включена, сквозь потрескивание слышались отдельные фразы. Лейтенант ни на секунду не переставал интересоваться эфиром. Он был в затруднительном положении. Явно ему не по душе, не ко времени был этот разговор в кабинете. На карте района жирно помечены возможные пути ухода грабителей от домиков, обозначены места блокировки этих путей. Что делать, он знал, в помощи не нуждался. Но как-никак прибыли представители из края с куда большими полномочиями. Шатохин со своей стороны понимал: начальник районного ОУРа на своем месте, как вести розыск налетчиков, знает. Стоять около, надзирать за его действиями — что может быть нелепее? И в то же время его с Хромовым командировали действовать. Пора сворачивать разговор. Пусть лейтенант едет, действует по своему усмотрению. Но его, Шатохина, и Хромова роли? Он не мог сразу сориентироваться.

Выручил позвавший Поплавского по рации хрипловатый мужской голос:

— Женья! Лейтенант! Ты где? Как у тебя?

— Это Коротаев, начальник милиции из соседнего района. Назарьевцы тоже в розыск включились. Утром их оперативно-следственная группа вместе с прокурором в скитах была,— пояснил Шатохину Поплавский. По рации ответил: — В Уртамовке. Новостей нет, товарищ майор.

— Тогда приезжай в Силантьевку.

— Что там?

— При встрече поговорим.

— У меня из края товарищи.

— Тем более. Вместе с ними приезжай. Жду через полчаса.

Начальник Назарьевской районной милиции Корстаев, низкорослый, широкий в кости и плотно сбитый мужчина лет пятидесяти пяти, одетый в тесноватую помятую форму, тотчас после коротких крепких рукопожатий перешел к делу. Он узнал: силантьевские женщины три дня назад издали мельком видели у границы болот — это часах в полутора-двух ходьбы от староверческих скитов — Анатолия Бороносина. Живет Бороносин почти за семьдесят километров отсюда в деревне Нарговка. Родственники, знакомые у него в Силантьевке есть. Но проходил около села, и даже на полчаса не заглянул отдохнуть. Можно подумать, сознательно обогнул село. Какая нужда, спрашивается, занесла его в такую даль? Вокруг Нарговки своя такая же тайга, болота... Не в одном этом, однако, дело. Поблизости от места, где женщины видели Бороносина, люди майора Коротаева нашли пустую пачку из-под «Явы». Пачка смятая, валялась в сыром мху. Эксперты дадут точное заключение, но он, майор Коротаев, уверен: три-четыре дня назад пачка кинута. Бороносин, как все местные курильщики, признает лишь папиросы,

да и не завозят сюда «Яву». Так что не исключено, пачка выброшена грабителями. Если так, не слишком ли тесно смыкаются пути Бороносина и налетчиков? Просторы все-таки ой-ё-ёй, есть где разминуться.

Начальник райотдела, умолкнув, шурился от спящих солнечных лучей, выжидательно глядел на командированных, на Поплавского.

— Где сейчас этот Бороносин? — спросил Шатохин.

— Связывались с Нарговкой. Дома нет. Пять дней назад последний раз видели. Куда ушел, спросить не у кого. Живет один, работает не в Нарговке.

— Где же?

— В крайцентре, на железной дороге,— ответил Поплавский,— электриком в поездах дальнего следования.

— Не близко до работы добираться,— заметил Хромов.

— А он месяца два-три подряд на колесах. До Риги, Владивостока, Ташкента катает. Потом прилетает, месяц-полтора тут. Рыбачит, охотится.

— Давно так?

— Сразу после армии. Лет двенадцать-тринадцать.

— Много таких работников в районе?

— Есть еще трое вахтовиков-нефтяников. На Ямал летают. А на железной дороге один Бороносин.

— Интересный человек,— отмахиваясь от комаров, сказал Шатохин.

— Да,— серьезно согласился Поплавский.— Повозились с ним.

— Судимости имеет?

— Лет пять назад за хулиганство два года отсидел. С тех пор все в норме. Не так давно вот только трения возникли. Мать у него умерла, дом ему остался. Предложили за дом две тысячи. Домик так себе, большего не давали. Взвился: лучше сожгу, чем за гроши. И вправду сжег. Судить его хотели за этот костер. Вывернулся: «Может, не я спалил, вы докажете». Не удалось...

— Денег много?

— Не думаю. По рублю, конечно, не считает. От тайги большой приварок имеет. Характер у него...— Лейтенант шелкнул пальцами. Дескать, дурной характер.

— Не улетел ли на работу? — спросил Шатохин.

— Нет,— уверенно ответил начальник Назарьевского райотдела.— Самолетом отсюда выбраться непросто. Очередь. У него билет на рейс через две недели заказан.

Десять лет назад, когда работал в отдаленном Нежемском районе, трудно было выбираться на материк, и теперь нет перемен. Шатохин подумал об этом с обидой за северян: откупились от них почти двойной надбавкой к зарплате, а вот об удобствах быта ни у одного чиновника голова так и не болит...

— Нужно найти Бороносина,— сказал Шатохин.

— Ищем уже,— ответил Коротаев.

— Как считаете, могли успеть грабители выскользнуть из зоны поиска?

— На моем участке все известные тропы-дороги заблокированы в глубину до сорока километров от места, где их видели вчера вечером,— сказал майор Коротаев.— Могут с грузом да усталые пройти столько?

— Я не гадалка, но девять против одного ставлю: в тайге они,— в свою очередь ответил Поплавский.— Лес бы прочесть, да людей не хватит.

— Куда сейчас считаете нужным ехать? — спросил Шатохин у Поплавского.

— В Марковку, на хутор.— Лейтенант раскрыл планшетку, показал на карте.

— Поезжайте. Лейтенант Хромов — с вами.

— Есть.— Поплавский козырнул.

— Найдется кому проводить меня на болота, к потерпевшим? Лучше, если наш, сотрудник, будет.

— Участкового пришло, Сергея Красникова. Он в скитах бывает, староверы — его подопечные.— Последние слова лейтенант говорил, уже забираясь в кабину. Хромов тоже вспрямился на ступеньку машины.

— Связь пусть захватит,— сказал Шатохин.

— Хорошо. Он скоро, сейчас вызову его...— Заведенный двигатель взревел.

— Остаетесь здесь? — спросил майор Коротаяев, проводив взглядом вздоход.

— Пока да.

— От меня что-нибудь требуется?

— Нет.

— Тогда уезжаю в Бирюлино. Это на юго-запад тридцать километров. Связь через Женю, через Поплавского. Все, кажется?

— Появятся сведения о Бороносине, прошу немедленно информировать.

— Обязательно.

Через минуту Шатохин остался один на окраине крохотного поселка.

6.

Шатохин, попросив информировать его о Бороносине, не случайно не сказал про налетчиков на скиты. Он не исключал вовсе, что удастся обнаружить их при хорошо организованном поиске, однако минули уже почти сутки. Розыск идет не по свежему следу. Судя по всему, налетчики в лесной глуши не тычутся, как слепые котята, в таком случае даже заблокированная территория в полторы тысячи квадратных километров для них — надежное укрытие. Вот почему Шатохин не настраивался на скорую удачу, считал важным повидаться с потерпевшими.

Участковый — веснушчатый, рыжеволосый, такой же молодой, как и Поплавский, — добрый час возил на милицейском «Урале» Шатохина, петляя по лесу, пока не остановился, не заглушил мотор. Дальше путь пеший, болотом.

— Видите, товарищ майор, банку на сосне, — говорил участковый Шатохину, выпуская воздух из камеры переднего колеса мотоцикла. — Потом еще банки будут. Проход ими к келяям обозначен. Скоро у Анны Поповой будем. Полтора километра ходу.

— Я просил сначала к Агафье провести, — сказал Шатохин, глядя на прикрепленную к основной ветке, отливающую на солнце серебром консервную банку.

— А она и есть Агафья. В мирской, так сказать, жизни Анной Поповой была. — Участковый спрятал насос в кустах цветущей пахучей жимолости.

— Вот как. Занятно. А Василий какое имя носил? В миру?

— То же. И Афанасий — то же. Они обряд посвящения не прошли. Жены с ними, в скитской жизни так нельзя. Сами по себе живут. Можно сказать, простые отшельники. Вот Настасья, Липа, Варвара, Агриппина, был еще Киприан, три недели назад умер старик, — у этих не настоящие имена, не с рождения. Идемте, товарищ майор! — участковый сделал несколько шагов вперед, махнул рукой Шатохину.

— Банки — ваше изобретение, Сергей? — продолжал уже на ходу разговор Шатохин.

— Не-ет, — Красников улыбнулся. — Они сами так проход обозначили. Специально для меня. Я же у них бывать обязан. По службе. Просто хотя бы знать, как живы-здоровы.

— Давно в последний раз бывали?

— Да несколько часов назад. Из Назарьевского района группа приезжала. Их провожал.

Как-то нескладно, нескоординированно расследование началось. Следователь из края должен прибыть — пока нет. Территория Нетесовского района — работают назарьевцы. Нужно бы, прежде чем на болота отправляться, с назарьевцами из следственно-оперативной группы встретиться. Хотя так или иначе с потерпевшими встречаться.

Показались кедры, облепленные смолистыми шишками, за ними — озеро. Приблизились к самому берегу.

— Вот сюда, — указывая место, Красников бросил в воду затвердевший комочек земли, — банки из-под тушенки побросали налетчики. Семь штук вытащили. А вон под

тем кедром, у которого ветки низко свисают, — видите? — стоянка у них была.

— Около кедра нашли что-нибудь?

— Ничего. И в избах они голыми руками ничего не трогали.

— Далеко еще?

— Рядом. Только вы, товарищ майор, первым не начинайте разговор. Вы для них — власть, а они этого над собой не признают.

— А вы — не власть?

— Я — другое дело. Ко мне они привыкли. Даже первыми, бывает, в разговор вступают.

— Со мной могут вообще не вступить?

— Могут. Но вряд ли. На грабителей злы. А вот показания, вообще любую бумагу не подпишут — это наверняка...

За две-три сотни шагов от избы Красников умолк. Когда подошли совсем-совсем уж близко, выразительно кашлянул.

Мелькнула тень в окошке, и сразу три старухи гуськом вышли из домика.

— И ты здесь, бабка Липа. Молодец! — сказал участковый круглолицей, часто моргающей старухе, после чего Шатохину не нужно было объяснять, которая из двоих других Агафья.

— Второй раз на день проводываю вас. Привел вот человека, — продолжал участковый. — За тысячу километров ехал сюда. Специально вам помочь. Но и вы должны помочь.

Красников сделал паузу:

— Бабка Агафья, как ты?

По выражению лица однурукой нельзя было понять, какое впечатление произвели на нее слова участкового. Красников тем не менее выразительно посмотрел на Шатохина, дескать, спрашивайте.

— Не ошиблись, автомат держали грабители, когда вы мимо на мотоцикле проезжали? — обратился к однурукой Шатохин.

С ответом Агафья не поспешила, прежде села на чурочку возле навеса.

— Сестра Настасья, — обратилась она ко второй хозяйке избы, — не достала-ка бы ты мою коробку?

Настасья скрылась в избе и вернулась с плетеным из соломы ящичком. Агафья приняла его, поставила на колени, откинула крышку и, порывшись в содержимом, протянула Красникову фотографию. Участковый показал ее Шатохину. На давней фотографии был снят в полный рост ефрейтор. Он стоял по стойке «смирно», прижимая к груди автомат системы Калашникова. Кто снят, когда, кем приходится Агафье, можно было не спрашивать. Шатохин угадал, с какой целью показана карточка.

— Точно такой автомат был? — спросил он.

— Такой, — сказала Агафья. Ответ был адресован участковому.

Сомнений не оставалось. Теперь, будь его единоличная воля, Шатохин бы немедленно отдал приказ снять заслоны. Больше половины участвующих в поиске — промысловики-охотники, дружинники. Шатохин не желал, чтобы кому-то из них выпало «везение» столкнуться с потрошителями скитов. Вчера на Царской гати грабители показали уже, что безоглядно не применят автомат, делают это в самом-самом крайнем случае, столкнувшись с сидящими в засаде лоб в лоб. Боевое скорострельное оружие в руках налетчиков — слишком серьезно. Едва ли оправданно рисковать жизнью гражданского населения, не тот случай. Пусть бы лучше Глеб, Роман, Клим ушли со своим грузом восвояси, без помех, из тайги. Куда бы ни направились, затеряться не сумеют, если хорошенько искать. Мир тесен.

— Вспомните, как они вели себя? Что говорили? Имена, может, какие-нибудь называли? — Шатохин сел на крупное полено напротив Агафьи, пытливо глядел ей в глаза. Теперь Агафье, если решила общаться с незнакомым ей приехавшим издали человеком через участкового, трудно было это сделать.

— Чего вспоминать-то. Говорила, поди-ка, уже, — помолчав, пробормотала она.

— Дщерью Евдокии, Феодосии называли тебя, так? — напомнил участковый.

— Так...

— Еще Богатенко какого-то вспоминали?

— Да.

— Когда у меня были, один из бродяг этих тоже говорил про Богатенко, — встрела в разговор бабка Липа. — Как именно? Что говорил?

— Не помню. Так влетело, страх... — Бабка Липа кончиками платочка вытерла навернувшиеся слезы, отвернулась, перекрестилась.

«Дщерь» — по-старому «дочь». Но почему один из налетчиков сказал Агафье «Дщерь Евдокии, Феодосии», кто такой Богатенко? — ответить старухи не могли.

...В обществе староверок провели около двух часов — и напрасно. Даже крохотной новинки к уже известному у Шатохина не прибавилось.

Зряшным оказался поход к Варваре и Агриппине — владелицам единственного домика, который грабители оставили в покое. От встречи с сотрудниками милиции бабки увильнули. Шатохин своими глазами наблюдал, как отделились от избушки сгорбленные фигурки и спешно скрылись в гуще деревьев.

В покинутую хозяевами келью все же вошли. Запах свежесгоревшего лампадного масла царил в избушке. Буквально минутами прежде, несомненно, горели лампадки. Красников дотронулся до одной: остыть не успела, наверняка не пустой угол освещала. Но ни единого обрзка на виду в избе не было.

— Утром так же «встретили». Теперь хоть сутки, хоть десять жди — без толку, — констатировал Красников. — Будут, как это наш фельдшер говорит, богаты и таитися.

Безрезультатным был и визит к Афанасию. Там,

правда, в бега не ударились. Пожилая женщина вышла навстречу.

— Болеет брат Афанасий, — негромко сказала она. — Нельзя к нему.

— Утром здоров был, бабка Анна. И какой тебе он брат, — попытался урезонить старуху Красников.

— Слег брат Афанасий, болеет, — словно не слыша реплики, повторила бабка Анна.

— Обманываешь, поди? — Участковый посмотрел испытующе.

Анна недолго колебалась, потом, сделав знак Красникову следовать за ней, направилась к домику. Подол ситцевой юбки волочился по густой траве.

Участковый возвратился скоро.

— Вправду заболел, в глаз кровоизлияние, и нога отнялась. Не до нас им сейчас, — сказал Шатохину. Примолк, видимо, размышляя над причиной внезапной болезни Афанасия, прибавил: — Так обобрали. Шутка ли... И лечиться не хотят ни в какую.

— Это их дело. А врача вызвать нужно, — машинально проговорил Шатохин. Он думал о том, что послеобеденная часть дня проходит впустую. Оставался еще один пострадавший от вторжения налетчиков скит, где не побывали, — скит Василия. Не хотелось откладывать последний визит на завтра. Но тогда нужно поторопиться, день на исходе.

— До жилья Василия сколько километров? — спросил Шатохин.

— Семь, восемь от силы.

— Тогда идем, Сергей, — приказал Шатохин.

Спешили, рассчитывали, пока закатное солнце не успело еще приклониться к зубцам ельника, быть у Василия.

Тропа проходила мимо осиротелого Киприянова пристанища. Мелькнул деревенный крест, бревенчатая избушка с тесовой крышей.

— Талант у мужика был,— кивнул в сторону могильного креста Красников.— Отдельные листы у рукописных книг истреплются, он так скопирует, под старину подладит,— не отличишь, где подлинник, где Киприянова рука. Много таких рукописей было.

— Сейчас где? — спросил Шатохин.

— Не интересовался. Соседи, наверное, забрали. Я последний раз после смерти Киприяна сюда приезжал, изба уже совсем пустая была.

— Когда-когда в последний раз? — уточнил Шатохин.

— Полмесяца назад. С группой из Назарьева здесь мы не были.

— Тогда кто же? — Шатохин указал на пробитую в высокой траве тропку, ведущую к избе.

— Не знаю... — Участковый явно был обескуражен.

Руками раздвигая перед собой траву, Шатохин нагнулся к тропе, ступил на нее. Следы резиновых сапог на влажной земле были сравнительно свежие, двух- или трехдневной давности.

— Чужой ходил, товарищ майор,— поклонившись, заговорил приглушенным голосом Красников.— У здешних обутки кожаные, самодельные, Васильева изготовления.

Шатохин не откликнулся. Думал, почему вышло так, что следственно-оперативная группа обошла стороной Киприяново жилище. Скорее всего, подвела логика мышления, сработал автоматизм: Киприян умер, дом его опустел, в близлежащих деревнях это известно, стало быть, осведомлены и грабители. Но они-то как раз могли и не знать. Следовательно, если действительно в избу заглядывали потрошители скитов, информации о старообрядцах они располагали давней. Бороносин! Шатохин вспомнил о нем. Вернулся с очередной своей затяжной железнодорожной вахты уже после смерти Киприяна. И если служил провожатым...

Шатохин отворил дверь. На покрытом пылью полу хорошо были заметны следы сапог. Не входя в избу, вместе с Красниковым изучали их, потом Шатохин осторожно ступил через порожек.

Пауки в Киприяновой обители постарались. Лучик фонарика заскользил по затканному тончайшей пряжей уголку, пока вдруг в проеме между стеной и печкой не наткнулся на рваную дырку в этой пряже.

Шатохин приблизился, осветил. Два каких-то полудиска валялись в узком проеме. То, что это расколотая пополам деревянная чашка, Шатохин понял, лишь когда с помощью прутика выудил обе половинки посуды из-за печки.

Половинки чашки брали голыми руками, и было это сравнительно недавно, налет пыли в местах, где заметно касание пальцев,— тончайший. Из бокового кармана Шатохин вынул свернутую газету — купил в крайцентре в аэропорту утром в дорогу да забыл о ней, так и осталась непросмотренной,— завернул в нее половинки чашки.

— Товарищ майор, взгляните,— раздался голос Красникова.

Во дворе он обнаружил медную литую иконку размером чуть больше спичечного коробка и два папиросных окурка с изжеванными мундштуками.

— Вчера, в крайнем случае позавчера, курили,— сказал Красников, рассматривая их.

— Похоже,— отозвался Шатохин.

Солнце закатывалось. Багровый его диск вот-вот скроется за макушками елей. После заката сумерки нахлынут не сразу, и все равно надо спешить. Находки, сделанные в Киприяновой избе и возле нее, волей-неволей заставляли изменить планы.

— К Василию пока не пойдем, Сергей,— сказал Шатохин.— Здесь поглядим. Может, еще что обнаружится.

Работали на совесть до сумерек, однако больше ничего не нашли. Пора было позаботиться о ночлеге. В Киприяновой избе расположиться негде, да и не особенно

хотелось. Раструсили бочок копны около избы, легли, не раздеваясь. Перед сном Шатохин по радию связался с начальником Нетесовского ОУРа. У Поплавского все оставалось по-прежнему. Он не выезжал из тайги, поиск продолжался. Пока безуспешно. То же и у майора Кортаева.

Шатохин устал, но уснуть сразу не мог.

— Сергей, первый раз кто стартеров грабил? — спросил после продолжительного молчания.

— Приезжие какие-то.— Участковый пошевелился, зашуршало сено.— Сначала продать уговаривали, а потом просто украли несколько штук. Может, и не так. Слышал только, что те уже на продаже попались, в крайцентре. Фельдшер наш может рассказать, Иона Парамонович. Он и об истории икон, у кого какого века, какие самые почетные,— все по полочкам разложит.

— Он уртамовский?

— Уртамовский. Корзилов фамилия.

7.

Василий от разговора с сотрудниками милиции не отказывался, но отвечал нехотя, односложно, глаз от пола почти не поднимал. Ему стыдно было, что его, пятидесятилетнего здоровяка, славившегося даже за пределами района богатырской силой, одолели какие-то мальчишки, причем одолели с обидной легкостью, почти мгновенно. Шатохин немного наслышан был о Василии. Еще три года назад он на славу хозяйничал в районной кузнице, в свободное время иногда на потеху детям да и взрослым завязывал в узлы стальные прутья и перекусывал гвозди; вспыхнет вдруг драка где, его звали разнимать, причем значения не имело число драчунов, он и с медведем мог голыми руками схватиться. Что-то с ним внезапно стряслось, невыясненное, личное: узнал вдруг, что есть бог, а счастье ненадежно и мимолетно, стал замкнутым и в конце концов подался на жительство в тайгу. Жену с собой не звал и даже прогонял, сама со скандалом вытребовала право находиться рядом. Женщина с характером, преданная мужу до конца, не назвавшая ни блажь, ни нездоровьем его поведение — просто шагнувшая следом за ним навстречу превратностям судьбы.

Какие уж там в душе Василия произошли передвижки — неведомо, но силы физической прежней он не растерял, и в новой, отшельнической жизни, имея силу, никого, кроме бога, не боялся, силой продолжал гордиться, на нее рассчитывал, как на главный козырь. И вот налетчики продемонстрировали Василию цену этому, казалось, непобиваемому козырю.

Вопросы о том, как именно охотники за иконами одолели Василия, были особенно неприятны бывшему кузнецу. Шатохин и рад бы шадить самолюбие, однако как раз эта часть визита нежданных гостей интересовала главным образом. Ясно, что ломовой силе бывшего молотобойца противопоставили приемы какой-то борьбы, действующие безотказно. Но какие конкретно приемы? Кто участвовал в «выключении» Василия?

Из рассказа следовало, что гостей Василий встретил перед избой. Приблизились двое. Один — высокий и узкий в плечах, другой — пониже, усатый, глаз у него чуть косит (на секунду снял темные очки, и жена Василия эту уцербинку подметила). Первый протянул руку, вроде как для пожатия, со словами: «Здравствуй, хозяин». И Василий сразу осел, как мешок. С такой быстротой все случилось — ни сам Василий, ни жена не узрели замаха и удара. Одно точно: бил высокий. Усатый чуть поодаль стоял, не делал выпада вперед. Позднее, когда Василий очухался, пошевелился, усач тоже внес свою лепту: ребром ладони поддал по шее и завязал руки Василию за спиной. После повторного удара он пришел в себя лишь под самый уход налетчиков.

— От первого удара где боль чувствуется? — уточнял Шатохин.

— Тут.— Василий ткнул себе пальцем в окладистую бороду и по-детски доверчиво синими глазами недолго

поглядел на Шатохина. Заметно было, Василий не понимал, для чего это нужно так дотошно выпрашивать, куда его ударили, как ударили. Кажется, и участковый не может разобраться, для чего оперативнику из края так скрупулезно, до мельчайших деталей нужна картина нападения на Василия. А существенно. Неизвестно, как другие, но старший по возрасту в преступной группе, Роман, несомненно, разбирается в живописи, возможно, даже профессионал. Плюс к этому владеет приемами какой-то — какой же? — борьбы. Свободно. Дилетант, подхвативший где-то впопыхах два-три приемчика на всякий случай, так вольготно себя чувствовать не будет перед нападением на молотобойца, одно телосложение которого уже должно внушать отношение уважительное.

— Не замечали, за несколько дней, недель ничего подозрительного? — Шатохин перешел на менее неприятные для хозяина скита вопросы.

Василий не ответил.

— У Тольки Борносина спросите, — улучив минуту, когда участковый попросил у Василия воды напиться, полупешотом сказала жена бывшего кузнеца. — Он тут терся поблизости.

— Когда?

— Да днями. Позавчера утром видела. И раньше.

Опять вахтовик-железнодорожник. Опять имя его упоминается. Случайно ли?

С Василием и его женой расстались около восьми утра. А к полудню были уже в Уртамовке. Успели к пассажирскому самолету, летевшему из Западной Якутии в крайцентр с посадкой через день в Уртамовке. С милиционером-порученцем Шатохин направил в управление находки, сделанные во владениях Киприяна.

Проводив борт, Шатохин вышел на связь с начальником краевого розыска Пушных. Доложив обстановку, высказал свое мнение о засадах.

— Считаю, товарищ полковник, ошибкой продолжать группам блокировать дороги, — сказал Шатохин. — По крайней мере, гражданское население не должно в этом участвовать.

Говоря, Шатохин не мог избавиться от впечатления встречи на пути от скитов к поселку с одной из поисковых групп. Из семи человек в ней двое — совсем мальчишки, лет по шестнадцати. Как попали в группу — непонятно. Скорее, просто никто не включал, но и не возвращал. Сами взяли ружья да отправились за компанью. Из любопытства, ради острых ощущений. По присутствию мальчишек, по поведению всей группы легко было заключить: о возможном внезапном столкновении с грабителями, о том, какую опасность это таит, мало кто всерьез думает. Был брошен клич, и, как сознательные граждане, таежные жители согласились участвовать в мероприятии. Ошибка Поплавского в том, что в спешке он принимал добровольцев без особого разбора.

— Медлить нельзя, товарищ полковник. Плохо может кончиться, — наседали Шатохин.

— Убрать всех гражданских? — обдумывая слова Шатохина, повторил начальник краевого розыска.

— Да.

— Это фактически свернуть поиск в тайге.

— Да. Оставить сотрудников на близлежащих пристанях, авто- и железнодорожных станциях. Разрешите?

Шатохин ожидал услышать в ответ что-нибудь вроде: «Свяжись чуть позднее», и это было бы оправданно: в управлении полковник не единовластный хозяин, над ним тоже начальство. Однако Пушных после долгой паузы ответил:

— Действуй по своему усмотрению, Алексей Михайлович. Желаю удачи.

Связь с крайцентром закончилась. Не медля, Шатохин отдал распоряжение лейтенанту Поплавскому и майору Коротаяеву прекратить поиски. Приказывал, испытывая удовлетворение. Единственное, за что отныне тревожился, как бы столкновения с вооруженными налетчиками

не произошло именно в часы эвакуации группы из дальних урманов.

8.

Фельдшер Иона Парамонович Корзилов, по рассказу участкового, был коренным уртамовцем. За долгую жизнь, а теперь он пенсионер по возрасту, правда, работающий, всего лишь раз покидал родные края на пять лет, учился в Ленинграде в медицинском институте. Учился отлично, однако врачебного диплома так и не получил. Отца укусила энцефалитный клещ, парализовало, и Иона Парамонович поспешил домой. Не потому, что несомненно было ухаживать, в семье и братья, и сестры, — вернулся, чтобы вылечить отца. Ему твердили, что медицина бессильна, советовали бросить бесполезную затею. Он, однако, мимо ушей пропускать. Устроился фельдшером, книг медицинских перевернул горы; чтобы в курсе зарубежных новостей по специальности быть, английский не хуже родного языка выучил; ни одной травинки-корешка целебных тутошних не осталось для него неизвестных. Поставил-таки на ноги отца. Можно было возвращаться в институт, но около четырех лет минуло. Не два оставшихся семестра, а и все прежние нужно заново пройти. Уже и семьей обзавелся. Иона Парамонович подумал и, к радости односельчан, решил, что фельдшером тоже можно прожить.

Иона Парамонович в середине дня был дома. Застиг его во дворе, в загончике около стайки за малопригодным для мужчины занятием: сидя на детском стульчике, он доил корову. Дневная дойка заканчивалась, подойник на две трети был полон пенистым парным молоком.

— Здравствуйте, Иона Парамонович, — сказал Красников.

Фельдшер обернулся. Толстоносый, рыжебородый, в выгоревшей кепке-шестиклинке, из-под которой выбивались длинные вьющиеся волосы, в латаном двубортном сером пиджачишке, он меньше всего походил на интеллигента, бегло объясняющегося по-английски, отменного лекаря, к которому в затруднительных случаях врачи райбольницы советовали пациенту с глазу на глаз обращаться за помощью, краеведа, знатока истории живописи вообще, и иконописи в частности. Не слышал бы ничего о нем Шатохин, одно бы и подумал: старый крестьянин-бобыль, каких тысячи. Всего-то.

— Здравствуйте, — отозвался фельдшер. Еще несколько струек брызнуло в подойник, молоко иссякло, вымя у коровы было пустым. Корзилов поднялся со стульчика.

— За помощью к вам, Иона Парамонович. — Участковый снял форменную фуражку, вытер пот.

— Что такое? — Фельдшер быстро с головы до ног окинул взглядом Шатохина.

— Нет-нет, не по врачебной части, — Шатохин улыбнулся.

— Ну пойдете, — сказал Корзилов и провел Шатохина и Красникова на уютную летнюю веранду. Жестом пригласил их садиться на диван. — В избу не зову, Вера Григорьевна у меня расхворалась. Так за какой помощью пожаловали, Сережа? — обратился к Красникову.

— Алексей Михайлович из краевого уголовного розыска. Майор, — представил Шатохина участковый.

Корзилов наклонил голову неприужденно-почтительно. Можно было понять: так он выказывал свое отношение к сравнительно молодому возрасту и высокому званию Шатохина. Заметно было в то же время, что сообщенное Красниковым для фельдшера не новость.

— Очень приятно. Чем могу быть полезен? — Доброжелательный взгляд Ионы Парамоновича устремился на Шатохина.

— Об ограблении вам, конечно, известно?

— Безусловно. Но только о самом факте, не больше.

— Сергей говорит, вы о старообрядцах абсолютно все знаете.

— Так уж. Абсолютно все, скажу по секрету, я и о себе не знаю. — Иона Парамонович улыбнулся: доста, из

шкафчика полулитровые глиняные кружки, прямо из подойника налил в них молока, подал гостям.— А что конкретно вам нужно?

— В келье около озера один из налетчиков сказал старухе Агафье: «А ну, дочь Евдокии, Феодосии...»

— То есть обратился так? — уточнил фельдшер.

— Да. Потом угрозы посыпались.

Иона Парамонович поерошил свою густую короткую бороду.

— Любопытно. Дочь Евдокии, Феодосии... Знаете суриковскую картину «Боярыня Морозова»?

— Видел. Не раз. Репродукции, правда,— ответил Шатохин.

— Может быть, помните: по правую руку от саней идет молодая женщина в бордовой зимней одежде, светлом подушалке на плечах. Это княгиня Урусова, родная сестра Морозовой. Вы о старообрядчестве знаете?

— Так, понаслышке. Где-то, кажется, еще в петровские времена церковный раскол получился.

— Даже раньше. При отце Петра, царе Алексее Михайловиче, за год до воссоединения России с Украиной раскол возник, появилось старообрядчество. Богослужебные книги перевели с греческого при крещении языческой Руси и с тех пор переписывали одну с другой, часто всяк по-своему толкуя отдельные места. Царь вместе с патриархом Никоном решил провести церковную реформу, исправить по греческим оригиналам накопившиеся за семь веков неточности. Попутно решили изменить детали обряда: вместо земных поклонов поясные класть, «аллилуйя» петь трижды вместо двух раз, креститься щепотью, как греки. Царь, конечно, реформой прежде всего хотел накрепко подчинить себе церковь, укрепить личную власть. Вот тут-то смута и началась...

Женский голос из избы позвал Иону Парамоновича, и он, извинившись, оставил Шатохина и Красникова на веранде. Вернулся через две-три минуты.

— Да, я отклонился,— продолжал он.— О дочери Евдокии, Феодосии. Имя боярыни Морозовой — Феодосия. Феодосия Прокопьевна. Сестра ее — Евдокия. Морозова — богатейшая вдова, имела восемь тысяч душ крепостных, и дом ее был московским центром раскола. Царь долго терпел ее. Из-за дружбы Феодосии с царицей. Но в итоге сослал вместе с сестрой в городок Боревск. Там они кончили жизнь в земляной тюрьме. И прослыли старообрядческими страдальцами. Вот так...

Иона Парамонович умолк, недолго на веранде царил молчание.

— В том же скиту грабители упоминали какого-то Богатенко. Потом еще раз эта фамилия прозвучала. В избе Олимпиады. Может, это их знакомый, а может...

Шатохин собирался было подробно объяснить, при каких обстоятельствах прозвучала фамилия. Фельдшер снова потерял бороду, с легкой улыбкой хмыкнул:

— Просвещенный народ, однако, в нашу местность наведывался. Сейчас.

Опять он скрылся в избе и возвратился с кипой тонких журналов в руках.

— Вот. Начала века старообрядческие издания. «Щит веры» и «Старая Русь». Здесь где-то, помнится. Поглядим...

Иона Парамонович положил кипу на широкий подоконник, неторопливо брал один за другим журналы в сереньких бледных обложках, пролистывал последние страницы.

— Пейте молоко, не стесняйтесь. Сережа, наливай,— не отрываясь от своего занятия, предлагал он.— Вот! Почему-то думал в «Щите»...— Урмамовский фельдшер подал развернутый журнал Шатохину.— В правом верхнем углу взгляните. В волнистой рамочке объявление.

Шатохин взял, прочитал:

«Старообрядческая мастерская иконописи Якова Алексеевича Богатенко (Москва, Таганка, Дурной переулок, д. 20, кв. № 8).

На 1-й Всероссийской выставке икон в С.-Петербурге апреля 1904 г. удостоен большой серебряной медали.

Принимаются работы по иконам в различных стилях: Греческом, Новгородском, Московском и Строгановском с полным соблюдением духа старообрядчества.

Иконы (целыми иконостасами) находятся в гг. Казани, Варшаве, Кузнецке. Отдельные же — во всех местностях России».

Шатохин передал журнал участковому. Только что прочитанное в «Старой Руси» было неожиданным. Потерпевшие утверждали, будто в коротком споре грабителей, брат все образа подряд или на выбор, прозвучало: «Не хватало для Богатенко таскать».

Почти не было сомнений, что грабители нечаянно назвали фамилию знакомого им человека. Шатохин рассматривал фамилию как важную зацепку. Он даже нашел истолкование фразе, оброненной старшим в группе налетчиков: Роман противник того, чтобы таскать иконы, которыми интересуется Богатенко. И вот что на поверку оказывается. Спасибо фельдшеру, сразу внес ясность.

Чуть не ударились в розыск владельца мастерской, удостоенного за иконописные труды свои в самом начале века большой серебряной медали.

— Богатенковские образа не тронули? — спросил фельдшер.

— Не знаю. Не разбираюсь в них. Несколько штук осталось,— ответил Шатохин.

— А книги какие взяли?

— Ни одной. Нигде.

— Хоть вниманием удостоили книги?

— Старухи говорят: смотрели.

— Да-а, привередливый народ. В Нетесово у меня знакомый. У него несколько рукописных книг. Редчайших. От бабки наследовал. Одну из них археографы купили у него за полторы тысячи. Точь-в-точь такую, какая есть у Афанасия.

— Может, они цены не знали,— неуверенно сказал участковый, возвращая Корзилову журнал.

— Сережа,— с укоризной в голосе сказал фельдшер,— ты же участковый инспектор, староверы на твоей территории, твои подопечные. Не поленился бы хоть однажды заглянуть ко мне. Я бы рассказал тебе, что наиболее чтимые иконы в келье у Агафьи и Настасьи — Богоматерь Печерская и Богоматерь Умягчения Злых Сердец — в крупном городе среди определенной публики будут оценены в десяток моих годовых жалований. А еще для нескольких икон Богоматери различных изводов цена... — Иона Парамонович махнул рукой.— Это уже цифры, близкие к тем, которыми пользуются астрономы. Все — в одной избушке на курьих ножках.

— Самый лакомый скит? — сказал Шатохин.

— Это вы точно выразились, самый лакомый,— согласно кивнул Корзилов.— По числу и ценности древних икон разве что скит Великониды может соперничать. Но это в другой колонии староверов.

— Какое имя торжественное — Великонида,— не удержался от замечания Шатохин.

— Она ему соответствует.— Фельдшер бегло посмотрел на часы.

По краткому взгляду, по лаконичному ответу Шатохин понял: времени у собеседника больше нет, тем более на досужие отвлечения для обсуждения достоинств или недостатков звучания имен. Вопросов было несколько. Шатохин, чувствуя, что вот-вот придется расстаться, быстро сформулировал, задал важный на текущий момент:

— Лучшие иконы были, вы сказали, у Агафьи и Настасьи. А самый бедный домик в этом отношении?

— У Варвары, у Агриппины. Правда, в последний месяц их келья расцвела. За Киприяном ухаживали. Все его к ним перекочевало. Теперь опять... Жаль, если не найдете.

Иона Парамонович опять взглянул на часы.

— Вам некогда? — спросил Шатохин.

— На хутор в Марковку через полчаса ехать. У женщины там роды прошли трудно. Жене лекарство успеть приготовить нужно... Завтра приходите. В любое время. Можно хоть в пять утра. Я встаю рано.

— Спасибо, Иона Парамонович.

Шатохин скользнул взглядом по журналам на подоконнике, поднялся с дивана. Участковый — тоже.

Едва отошли от корзиловского дома, Шатохин спохватился: забыл спросить, кто участвовал в ограблении скитов в предыдущий раз, восемь лет назад. Фельдшер наверняка знает, помнит.

Шатохин приостановился, обернулся. Можно бы возвратиться. Нет, не стоит. В другой раз справится. Потом, и без помощи фельдшера легко установить, поднять дело из архива. Сейчас и так сведений предостаточно получил.

9.

Со вчерашнего дня неотвязным был вопрос: почему, побывав во всех скитах, грабители обогнули один-единственный, стоящий не так уж и на отшибе от остальных? Объяснение было такое: в четырех прежде опустошенных кельях охотники за иконами взяли так много, что дополнительный груз сделал бы рюкзаки неподъемными. Не думал он до встречи с уртамовским фельдшером и о том, почему налетчики заглянули перво-наперво именно в скит около озера, не усматривал в этом какой-то скрытой закономерности. Просто посчитал, нужно же откуда-то начинать. Ошибался. Все у грабителей было предусмотрено, выверено, ни одного лишнего движения не сделали. Нет, без хорошего проводника не обойтись, чтобы вот так свободно, быстро передвигаться от острова к острову среди болот. Где же этот вахтовик-железнодорожник Бороносин, которого видели поблизости от Силантьевки и около скита экс-кузнеца Василия? Если связан Бороносин с налетчиками, меньше всего ему сейчас выгодно где-то прятаться, привлекать к себе этим внимание. И где лейтенанты Поплавский и Хромов? Три часа назад приказал им выехать в Уртамовку. Пора уж быть. Начальник Назарьевской милиции тоже должен приехать сюда. Нужно договориться о дальнейших действиях. Поиски в тайге прекращаются, но это не означает, что грабителям будет обеспечена возможность беспрепятственно уходить.

Гул тяжелых мотоциклов огласил тихую центральную улицу поселка. Это возвращались пробывшие двое суток в засадах уртамовцы. Поднимая пыль, мотоциклы промчались мимо Шатохина и Красникова. Вид у находившихся в колясках и на задних сиденьях был воинственный.

На подходе к поселковому совету, где находился кабинет участкового, Шатохина с Красниковым нагнал вездеход. Пропыленные, с уставшими от бессонной ночи глазами, вылезли из кабины Поплавский и Хромов.

— Думал, из управления вам был приказ прервать поиск, — обращаясь к Шатохину, выпалил Поплавский. — А это вы, товарищ майор, настояли. Э-эх... — В голосе начальника Нетесовского ОУРа слышалось осуждение.

— Так надо. Людей беречь надо. — Понятна была горячность лейтенанта, желание отличиться.

Считая лишними дальнейшие объяснения, Шатохин направился в кабинет участкового, остальные — следом.

— Сколько от Бирюлино езды? — спросил Красникова, садясь за стол, на котором по-прежнему лежала карта района с пометками Поплавского.

— Часа четыре ехать, товарищ майор, — ответил участковый.

Раньше, чем через час, Коротаяев не будет, — подумал Шатохин. Вместе с ним после встречи уедет в Назарьево. Пора, наконец, встретиться с теми, кто побывал до него в скитах, прежде его осмотрел места происшествий. Что-то там у криминалистов — районного и из крайуправления?

— По вашему мнению, лейтенант, они все еще в тайге, на территории района? — спросил Шатохин начальника ОУРа.

— Так точно. Убежден, отсиживаются.

— Предположим, отсиделись, пошли. Покажите, где, по-вашему, должны выбраться из тайги. Территорию, прилегающую к Назарьевскому району, в расчет не берите.

Поплавский помолчал, глядя на карту.

— На их месте постарался бы выйти к реке. По лесу. Потом обогнул бы Тасеевский луг.

— Километров семьдесят, — прикинул по карте расстояние Шатохин. — Почему к реке?

— Катера ходят, буксируют лесовозные баржи. Плотики из двух бревешек сколотить, ночью доплыть до баржи — и все, вырвались.

— Так. А участок, где могут выйти на берег?

— Вот. Примерно от сих до сих, — Поплавский указал отрезок километров в двадцать пять.

Участковый закивал, все верно, он так же думает.

— Два поселка, две пристани здесь, — сказал Шатохин.

— На «Ракету» не рискнут садиться.

И бассейну реки должен находиться под наблюдением день и ночь. Пусть сотрудники выедут, порыбачат. Общественность привлекать запрещаю. Не тот случай. Понятно?

— Так точно.

— Еще где?

— Мост железнодорожный, автовокзал, разумеется...

— Все? — спросил Шатохин. Не услышав дополнений, сказал: — Поезжайте с Хромовым в Нетесово. Надо долго там не застревайте. Прошу помнить про автомат. И других предупредить.

В Назарьево на транспорте Коротаяева добрались из-за поломки в пути лишь около девяти утра. Полночи лил дождь. Чиня машину, изрядно промокли.

Районный эксперт-криминалист доложил, что на двух из семи консервных банках, несмотря на то, что побывали в воде, обнаружены отпечатки пальцев. В одной банке из-под тушенки нашли крохотный газетный клочок. Разумеется, бумага раскисла, но прочитать текст на обрывке можно. Вот только название газеты и за какое она число — этого в местных условиях не определить. А тушенка изготовлена на Липецком мясо-молочном комбинате. Возможно, и газета липецкая.

— Издалека десант, — сказал майор Коротаяев. Он был доволен своим подчиненным.

— Когда все это установили? — спросил Шатохин криминалиста.

— Позавчера. Через час после возвращения от староверов данные были готовы. На смятой пачке следов никаких.

— Знали свои возможности и держали у себя. Зачем? — спросил Шатохин, поморщившись. Он не разделяя восторга Коротаяева, считал упущение прежде всего своей недоработкой. Не предусмотрел, что вещественные доказательства могут осесть в райотделе мертвым грузом.

Самолет улетал через час с минутами. Шатохин распорядился упаковать и отправить находки в крайуправление.

Настроение поднялось, когда связался с краевым ЭКО и полковником Пушным.

Дактилоскопический анализ показал, что отпечатки на окурках и литой иконке принадлежат Бороносину Анатолию Васильевичу. Пушные уже на всякий случай позаботились, чтобы сведения о Бороносине были собраны. Ничего нового, правда, Шатохин почерпнуть из них не мог.

На расколотой пополам деревянной чашке и жердочке тоже обнаружены узоры. Но не бороносинские. Чьи — выясняется. Отпечатки все свежи, брали в руки предметы в один и тот же день, три дня назад. К сведению, следовательно, эксперт-криминалист и кинолог краевого УВД только что выехали из Нетесово в Уртамовку.

Придется брать протоколы и обходить снова с ними все скиты, составлять протоколы и писать под ними «От подписи отказался по религиозным мотивам», — подумал Шатохин. Дня на два еще здесь придется задержаться. Долгонько же ехали. На совещание по обмену опытом так еще простительно подъезжать. Кинологу вообще на болотах делать нечего. Теперь, после дождя, подавно.

— Товарищ полковник, лет шесть-восемь назад на скиты уже было нападение. Хорошо бы узнать, кто участвовал,— попросил на прощание Шатохин начальника розьска.

Столовая была на другой стороне улицы, наискосок от помещения райотдела. Собирались пойти позавтракать, как раздался телефонный звонок. Лейтенант Поплавский сообщил: полчаса назад в Силантьевке местными нештатными инспекторами милиции обнаружен Бороносин. Из кармана набитого травой рюкзака у него торчала свернутая карта района. Между прочим, на подробнейшей карте обозначены все до единого ограбленные скиты, проходы между ними, все возвышенности и топи. Мало того, отмечена не менее детально группа старообрядческих скитов на востоке района.

— Куда и откуда путь держал? — спросил Шатохин.

— С ними объясняться не желает. Говорит: штатных милиционеров прорва, чтоб еще с их подголосками язык мозолить.

— Собирается куда-нибудь?

— В баню.

— То есть?

— У тетки родной остановился. Баню для него топят.

— Значит, надолго расположился?

— Похоже.

— Пусть парится на здоровье. Не нужно мешать.— Потрогав свою волгую одежду, Шатохин подумал, как хорошо было бы окунуться сейчас в жар парной, и даже позавидовал Бороносину.— Я выеду в Силантьевку. Заинимайтесь своим.

Бороносин, худой, лобастый распаренный после бани, сидел на крыльце избы в одних спортивных штанах и курил папиросу. Махровое розовое полотенце валялось рядом.

Первым делом вахтовик-железнодорожник потребовал объяснить, кто такой Шатохин, зачем пришел. Хотя многое и так было ясно: заляпанная грязью машина с сидящим за рулем милиционером в форме остановилась почти у самой калитки дома родственницы Бороносина. Не тратя лишних слов, Шатохин предъявил удостоверение.

— Даже майор. Такая честь,— сказал Бороносин безразличным тоном.— А дальше что?

— О происшествии слышали?

— Про доски, которые увели из скитов, что ли?

— Да.

— Говорила нынче утром Василиса.

— Только нынче. Не вчера, не позавчера?

— Не вчера, не позавчера.— Щелчком Бороносин отправил окурки с изжеванным мудштуком в наполненный дождевой водой бочонок. Мелькнула на кисти руки между большим и указательными пальцами наколка — изображение железнодорожного локомотива и под ним буквы «М.П.С.».

— Скажите, Бороносин, где вы последние дни проводили? Дом далеко, там вас не было.

— Брал обязательство быть?

— Нет.

— Тогда какой разговор?

— Семьдесят километров только от села до села пешком прошли. Пешком.

— Ух, расстояние.— Бороносин небрежно откинул к самому порогу полотенце, под которым лежала начатая пачка «Беломора» и спички. Опять закурил.— У меня условия работы какие? Месяцами живу под тук-тук-тук. Купе — как конурки, проходы в вагонах узкие, много не находишься. Так что мне эти семьдесят километров — против гиподинамии лекарство на один прием. Иногда еду, в кино гляжу, о людях, которые собак в городских квартирах держат, думаю. Сплошное варварство! Да за такое...

Поездной электрик от слова к слову говорил все охотнее, явно решил покуражиться.

— Так вы не ответили, где последние дни пропадали? — перебил Шатохин.

— Допрашиваете? — мигом переменял тон и мимику Бороносин.

— Да, это допрос.

— И в качестве кого же?

— В качестве свидетеля. В день ограбления вас видели на болотах поблизости от скитов. И вы могли кого-то заметить.

— Кто видел? — Бороносин чуть подался вперед.— Я никого...

— Видели — и все.

— Ладно, был, не отрицаю,— второй окурки полетел в бочонок с водой.— Но какой я свидетель? Никого не встречал.

— Значит так и запишем в показаниях.— Шатохин окинул взглядом железнодорожника-вахтовика.— И вместо того, чтобы разглагольствовать о собачьей гиподинамии, вы бы лучше оделись. Ради приличия.

Бороносин молча поднялся: подобрав полотенце, ушел в баньку. Вернулся в брюках и в клетчатой рубашке с широким воротом, в домашних тапочках.

— Дома есть кто-нибудь? — спросил Шатохин.

— Один. Тетка за молоком ушла. В избу пойдем.

В кухне тикали ходики, пахло медом. На столе, застланном клеенкой, был лишь цветок герани в горшке. Бороносин переставил его на подоконник, сел. Шатохин — напротив.

— Значит, в день происшествия на болотах вы были, но никого не видели и ничего не слышали? — спросил, вынимая из портфеля бумагу, ручку.— Так?

— Так.

— А в этих местах как оказались?

— Тетку проведать.

— Раз за пять лет. И то зашли не сразу, обгнули поселок стороной. На болота-то зачем подались?

— А что, нельзя? Гулял по болотам,— огрызнулся Бороносин.

— И все же, свидетель, давайте посерьезней. Вы оказались вблизи от места преступления. Чужие здесь раз в десять лет появляются.

— По личным делам был.

— Точнее?

— Белозор собирал.

— Что за белозор?

— Трава такая. Мочегонная. Или ветрогонная. Мне без надобности знать.

— Собираете, не интересуетесь что. Для чего?

— Для денег. Врач один попросил в поезде. Он народной медициной занимается. Травами лечит.

— Ближе нигде нет мочегонно-ветрогонной?

— Я не нашел.

— Врач-то заплатить обещал, адрес оставил?

— А как же. В Харькове живет. Все записано. Дома у меня.

— Хорошо. А вот это,— Шатохин наклонился к портфелю, достал и развернул рисованную от руки карту, переданную ему нештатными инспекторами,— ваша?

— Моя.

— Кто ее делал?

— Сам.

— Когда?

— Ну,— Бороносин замялся,— зимой.

— Нынешней?

— Да.

Явно не сходились концы с концами у Бороносина. Пять лет не навещался в Силантьевку. По памяти, что ли, рисовал? Или тайно периодически бывал на болотах? Возможно. По крайней мере ходит по ним уверенно. Тогда зачем вырисовывать в подробностях болота? Нелепо. Шатохин решил пока не касаться этих несоответствий.

— Как вы объясните, что на карте отмечены все ограбленные дома староверов?

— Причем «ограбленные». Просто дома. Старые юрты есть — и они на карте. А больше и пометать нечего там.

— Хорошо. Вот еще «просто дома», — Шатохин указал на обозначенные на карте крестиками староверческие скиты. — Это совсем в другом конце района. И около них проходы в болотах отмечены. Зачем?

Бороносин отреагировал быстро.

— А что вы одни скиты выделяете? Выгодно? Ну, есть. А Уртамовка, Царская Гать, гривы, лежневки, Силантьевка, где мы сидим, — это все тоже есть. Подрайона отмечено, а нужные скиты — за них уцепились.

Бороносин умолк, нервно, коротко пестерил пальцами по столу, убрал со стола руки, демонстративно уставился в окно.

— Не горячитесь.

— Хэ, спокоен.

— Близко от скитов были?

— В один входил даже. К Киприяну. — Бороносин медленно отвел взгляд от окна. — Дед дуба... Умер, короче, дед.

— Не показалось, что в доме Киприяна до вас был кто-то? Следы, может...

— Да говорил же, не свидетель я.

— Что уж есть. Изложите все письменно. В какое время были на болотах, цель. О карте своей... И, если можно, давайте посмотрим, что за траву вы там насобирали.

— Пожалуйста, рюкзак в сених валяется.

Решительно с момента приезда Шатохина в район происшествия события складывались так, что больше часу хотя в одном населенном пункте ему задерживаться не удавалось.

После допроса вахтовика-железнодорожника Бороносина он выехал в Уртамовку, куда, наконец, прибыли следователь Тиунов, эксперт-криминалист Рахманов и кинолог Казаркин со своей любимицей — трехгодовалой восточноевропейской породы овчаркой Альмой. Тиунов, Рахманов и Казаркин вылетели в Нетесовский район буквально следом за оперативниками, через полтора часа, но в аэропорту пересадки застряли почти на двое суток.

Не успел Шатохин рассказать следователю и десятой доли того, что хотел, как Хромов по радиации сообщил исключительной важности новость: в 10.35 в зоне, которую его группе поручено держать под контролем, раздались выстрелы. Кинулись на звук этих выстрелов. Через полтора часа в лесу, примерно на полпути между окраинной Тасеевского луга и берегом реки, обнаружили убитого волка. Стреляли из автомата. Двумя короткими очередями. Шагах в двадцати от труп зверя нашли в траве гильзы. Безусловно, дело рук грабителей. Сейчас они в десяти-двенадцати километрах от места, где прикончили волка. Может, даже меньше. Хромов назвал точные свои координаты. В какую сторону отправились грабители? А черт их знает, следов нет, не видно. Был бы псс. Позарез нужна розыскная собака. По крайней мере он, Хромов, считает: налетчики вышли на берег реки. Туда и направляет всех сотрудников милиции. Сам тоже...

— Сам оставайся на месте, — приказал Шатохин. — И по одному людей не отправляй к реке. Осторожность максимальная. Скоро буду. Жди.

Шатохин засобирался. По инерции продолжал еще говорить следователю:

— Магочин Захар неопрошенным остался. Он хоть мелком, но видел всех... Фельдшер местный...

— Шутить? — перебил Тиунов. — Не сейчас, так через час икончики попадутся, а я буду уточнять их приметы. Тоже еду.

Водитель, получив приказание гнать как можно быстрее, не жалел ни себя, ни пассажиров, ни вездехода. Зато всего сорок минут болтанки по сорокакилометровому бездорожью — и машина вылетела на полной скорости на просторный, в добрых пятнадцать квадратных километров, Тасеевский луг, замкнутый со всех сторон лесом. Буйно-травяной луг недавно скошен, отава едва пошла в рост, густо поставлены стожки молодого сена.

Пересекли луг напрямую на восток, въехали в лес. До берега реки лесом — километр. А Хромов в считанных сотнях метров. Подкатили к нему. Лейтенант стоял с пистолетом в руке. Спрятал пистолет, козырнул подъехавшим, сделал кивок в сторону убитого волка. Зверь лежал на боку, поджав передние лапы, оскалив пасть; на серой шерсти в нескольких местах видные крупные темные пятна — запекшаяся кровь.

— Вот здесь гильзы, — лейтенант указал. Рахманов пошел посмотреть, остальные истерпеливо ждали, когда Казаркин со своей овчаркой приступит к работе. Кинолог не спешил. Альма порывалась к волку, Казаркин не распускал натянутый поводок.

— В чем дело? — с нескрываемым раздражением в голосе спросил Тиунов.

— Чей след брать? Альме хоть что-то нужно, — Казаркин не договорил, все так поняли: Альме необходимо дать понюхать что-то, принадлежавшее грабителям, чтобы пойти по их следу.

— Что ж раньше молчал?

Кинолог не ответил.

— А если удалиться? Начать от места, где они одни шли? — У Тиунова, как ему показалось, мелькнула удачная мысль. Он повернулся к Хромову: — Откуда шли, лейтенант?

— Думаю, к реке. А откуда — не знаю, — ответил Хромов. — Наших шестнадцать человек, кроме этих троих, ходили, пока на убитого волка наткнулись.

— Да, — следователь махнул рукой. — Чуть не взвод прошел. Как будто Альме твоей известно, кто ловец, кто убегает.

Следователь досадовал на Хромова: мог бы, услышав выстрелы, не бросаться в поиск, не приближаться к волку, а сообщить сразу в Уртамовку. Тогда бы следы возле убитого зверя сохранились. Но Хромов действовал верно: по-первых, он сразу не мог точно сказать, кто стрелял, потом, откуда ему было знать о появлении служебно-розыскной собаки?

— Куда они теперь денутся, — вмешался Шатохин. — Уверен, у реки. Ближняя пристань — Ореховый мыс?

— Восемнадцать километров, — назвал расстояние Хромов.

— «Ракета» во сколько там будет?

Хромов посмотрел на часы.

— По расписанию через тридцать три минуты.

— Надо связаться с причалом.

— Там дежурят. По вашему указанию.

— На всякий случай, еще раз предупредить надо. — Шатохин сам пошел к радиации.

— Вертолет вызови, Алексей Михайлович. Теперь на зарьевских сотрудников поближе нужно перебросить, — сказал Тиунов.

Милиция двух райотделов вела поиск. Низко-низко над лесом, над рекою кружил вертолет. Остаток дня результатов не дал. Ночь и весь следующий день — тоже. Следователь, эксперт-криминалист, кинолог уехали из зоны поиска. Им предстояло еще раз пройти, по возможности более тщательно, по тому кругу, по которому уже прошел Шатохин.

Шатохин не выезжал из тайги. Неизвестно, сколько бы еще длился поиск, если бы не вызвал на связь Пушных.

— Может, есть смысл прекратить, Алексей Михайлович? — Полковник как будто бы советовался, но Шатохин уловил, что в случае несогласия последует приказ.

— Еще день, если считаешь нужным, твой, — добавил начальник краевого розыска.

— Мне вылетать? — Шатохин поскреб щетинистую, искусанную гнусом щеку.

— Вылетать.

— Есть. Завтра утром буду. Если авиация не подведет.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ДЕБЮТАНТЫ «ЗОНАЛЬНОЙ» ВЫСТАВКИ

Выставка рукоделия, выставка моделей, фотовыставка, выставка детских рисунков — мало ли мы повидали их на своем веку?.. Но сегодня в скучно-привычное старое название «выставка» вкладывается столько нового содержания — то эротика, то «авангард», то мисс какая-нибудь... — что диву даешься: как, оказывается, богаты и разнообразны жизнь и искусство, и наши собственные интересы, и почему же все это было в таком забвении и немилости?! Народ валом валит на сегодняшние выставки, за уши не оттащишь — не то, что прежде, когда от слова «выставка» спать хотелось, настолько все было выхолощено, прилизано, регламентировано. В этом смысле сейчас, действительно, «жить стало лучше, жить стало веселей», как изрек когда-то «усатый дядя». Повеселело только недавно — ну и слава богу.

«Усатый дядя» вспомнился совсем не случайно, а как раз в связи с выставкой, совершенно неожиданной — в Доме культуры «Автомобилист» в Свердловске. Экспозиция называлась: «Творчество в местах лишения свободы». Трудно сказать, чем руководствовались организаторы выставки, но сам замысел уже был неординарный, ничего подобного мы никогда не видели. Может, здесь был самый обыкновенный коммерческий расчет, поскольку говорить о высоком искусстве повода особого все-таки не имелось. Но то, что — творчество, безусловно. Так или иначе, выставка оказалась очень любопытной.

За решетку попадают по-разному,

но и там встречаются люди отнюдь не бесталанные. Нередко талант и злодейство оказываются совместимы; что касается жертв «усатого дяди», то среди них были просто ослепительные таланты — во всяких сферах, не только художнической. Еще мальчишкой, мотаясь в сейсмической партии, мне пришлось познакомиться с обширным «лагерным» музыкальным фольклором. Много позже, имея за плечами музыкальное образование, тоже доводилось слушать, как музыканты «из тех» лихо наяривали на электрооргане, что называется, на слухок, — мне, откровенно говоря, завидно было: сам я такими навыками не обладаю...

Тем не менее, несмотря на «моральную» подготовку, на выставке мне многое показалось в диковинку. В первую очередь это относится к стенду, посвященному татуировкам — своеобразному «гвоздю» выставки. Это самая зрелищная часть; она не предназначена для снобов и ханжей, и представлены там далеко не святые лики. Для непосвященного это целая энциклопедия строго систематизированных знаков и обозначений. Что это — тоже искусство?.. Наверное, все-таки — да, хотя и жутковатое. Не будем забывать среду, в которой оно создавалось.

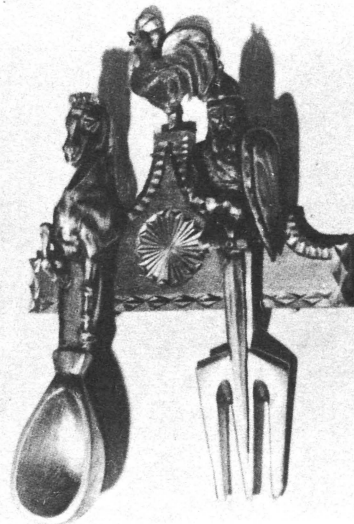
Значительную часть «зональной» — назовем ее так — выставки занимает живопись. И по жанрам, и по технике исполнения работы самые разнообразные. Уровень тоже разный, но посмотреть есть на что. Впечатляет серия карандашных рисунков — ощущение такое, что работал

настоящий профессионал. Занимательна серия «Парижские хулиганы»; наполненные легким эротическим юмором картинки совсем неплохо смотрятся.

Можно было познакомиться и с предметами более материальными. Чего только нет среди тюремных поделок: ручки, крестики, расчески... Целый арсенал фигурных складных ножичков — к сожалению, не все они только сувенирного назначения. Вообще, тюремный народ горазд на всякие выдумки, отлично умеет приспособивать для поделок любой местный материал. Широко известно, что в лагерях военнопленных, которые фашисты располагали на белорусской и украинской земле, наши солдаты любили плести соломенные шкатулки; о таких же соломенных поделках пишет, например, Эжен Сю — их плели и заключенные на французской каторге. Сахалинские каторжане, как об этом свидетельствуют многие очеркисты и писатели, в том числе и Валентин Пикуль, использовали для поделок свой материал — дерево, оно было под руками и его было много...

Возможно, кого-то отпугнуло название выставки; может быть, кое-кто посчитал, что искусство и колючая проволока не совместимы. Но любая предубежденность здесь не уместна. Мы еще только начинаем жить нестандартными мерками и только учимся не отвергать непривычное.

*Фото и цветные слайды
Олега Капорейко.*

Воровские

Кот -
коренной
обитатель
тюрьмы

ст. УК РСФСР
77, 89, 90, 91,
144, 145, 146.

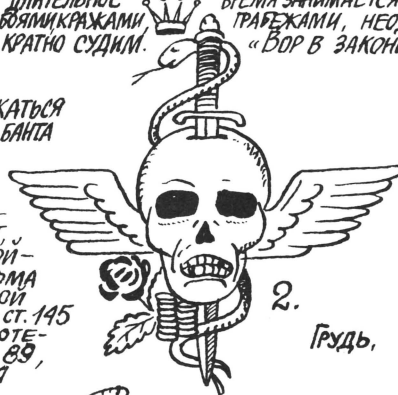
Голова кота -
символ удачи,
осторожности

Может изображаться
без цилиндра, банта
и лап.

Предплечье -
кот, под мышкой -
тюрьма
дом родной
на ногах - ст. 145
на животе -
ст. ст. 89,
144

1.

Череп, кинжал, ветка розы, змея, деньги, крылья
длительное время занимается раз-
боями кражами, грабежами, неодно-
кратно судим.
«бор в законе»

2.

Грудь.

Дом вора-
тюрьма

3.

Церковь, собор,
монастырь.

Изображается
в разных
вариантах

5.

ЛВ

Число куполов - количество судимости или
срок з/к. Грудь, спина, бедро, кисть руки.

Аббревиатура
«Люби, товарищ,
Волю»
Кисть руки.

Голова тигра.

7.

«Злой на власть» - враждебно настроен к
работникам суда, прокуратуры, милиции
и ИТУ.
Готов дать отпор покушающемуся на
его достоинство в з/к и на воле
спина, грудь.

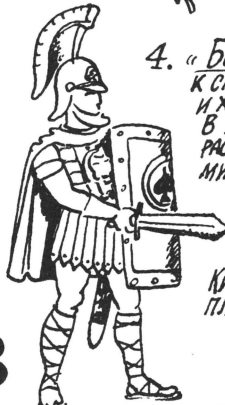
Звезда «Крутого»
символизирует
сплоченность и
верность «законам»
воров.

8.

Наносится на
углы ключиц,
грудь, предплечье

4. «Боец» - склонен
к садизму, дерзости,
и хулиганству.
В з/к совершает
расправы с «провинивши-
мися» и гражданами
на воле.

Кисть руки,
плечо, спина.

6.

БР АП

Символ братания
Кисти рук двух человек.

«Воровской крест» -
для авторитетных
воров.

9.

Перед бедра.

10.
DSS

Аббревиатура!
«Пока живу
надеюсь»

Кисть руки,
под художе-
ственными
татуиров-
ками.

Забывшим ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ДОСТОИНСТВО посвящается этот выпуск "Сатирикона".

КАК НА ПАПЕРТИ СТОПЛИЛИСЬ
ПОПРОШАЙКИ У ЛАРЬКА
ПРОГЛОТИЛА СТЫД И СОВЕСТЬ
ИХ БЕЗДОННАЯ КИШКА.

Эта страничка нашего выпуска
расскажет о людях отдавших свое
достоинство в рабство собственному
желудку.

ВОТ ОНИ ЖЕ, НО В СТОЛОВОЙ-
СХЛЕБОРЕЗОМ БОИ ВЕДУТ.
ВОТ ШТУРМУЮТ ФОРТ ПЕРЛОВЫЙ
И КАРТОФЕЛЬНЫЙ РЕДУТ.

Осужденный Сафонов В.Е.
из 4-го отряда справ-
лял нужду у входа в библиотечку. Книжки он видя
лицо пользуется лишь
в туалете.

Ай да Сафонов!
Ну шалаун,
вот до чего
доводит чтение!
Библиотеку
и галльон
он перепутал
в нетерпеньи.

Руки ноют от безделья,
Зубы ломит от труда.
"Ешь-потей, работай-мерзни"
Лозунг тех, в ком нет стыда!

Некоторые осужденные, отлынивая от работы, зажимаются членоведителями. Во-первых, они задаются, что здесь учреждение исправительного-трудового, а во-вторых, то, где их манипуляции и в самом деле опасны для здоровья.

Один мой закадычный друг,
чтоб вызвать у себя недуг
с'ел «ватры» пачку и иголку
загла прилоем втихомолку...

Работать выйти он не сможет.
Но червь сомненья меня гложет.
Не лучше ль честно потрудиться,
здоровым чтоб освободиться.

Большой друг животных
душкин сердтей.
Развел на себе
зоопарк для ошей,
но он оказался
ему мал и плох -
надо открыть новый,
теперь для блох!

Бывает и так. Другия тайком друг от друга ссещают общие запасы
пробизии, а потом на свой желудок отдают все свои попытки калей-то
«кряка». После они обрадуются все взоры на самих себе.

Вместе три веселых друга жили.
Все что было поровну делили.
Выпили «бауа», перекусили.
Разошлись, перекурили...
но один из них остался
и тайком «в бауа» забрался
тоже повторил второй и третий.
Первый же, приддя заметил,
сумка скляно похудела!
видно «кряка» все поела!
верно: «кряка» но она
треклятая была!

Есть среди нас такие
кержи, которых силой
приходится водорить
нет, ке в шизо, а в
бакно и ко-пропкарку.

ПОДПИСАНО СУВОРОВЫМ

Юрий КЛЮШНИКОВ,
краевед

Этот нигде не публиковавшийся суворовский документ я обнаружил в Туринском историко-краеведческом музее.

«АТТЕСТАТ

Фанагорийского Гренадерского полку премьер майору Петру Ивашеву, находящемуся при мне у отправления разных порученностей. Прошлого 1790 года декабря 11 дню при покорении города Измаила употреблено было 66 строений на левом фланге под его смотрением, одной батареи, при сооружении которой, преодолевая опасность, неустрашимым примером ободрял подчиненных. При штурмовании города был вожаком пятой колонны под командою г-на генерал майора и кавалера графа Безбородко, где исполнял долг свой, шел мужественно с атакующими и показывал подвиги храбрости и усердия, находясь всегда впереди колонны, действовал отлично от начала до окончания дела. Таковые его, г-на пример майора, храбрые подвиги свидетельствую, нахожу достойным всякого воздаяния и уважения. Дан за подписанием моим и с приложением герба печати февраля 12-го дня 1791 года.

Граф Александр Суворов-Рымникский».

Петр Никифорович Ивашев (1767—1838) исполнял должность генерал-квартирмейстера при штабе Суворова. Во время третьей русско-турецкой войны, будучи талантливым военным инженером, возглавлял саперную службу. Под его руководством заготавливались фашины, штурмовые лестницы, ставились бреш-батареи для штурма Измаила. Здесь-то он и проявил личную храбрость, был ранен. Когда турецкая крепость, считавшаяся неприступной, была взята, Суворов произвел отважного офицера в чин премьер-майора, для чего и был написан аттестат.

Возможно, в числе других рукописных записок графа Суворова, оставшихся в России, побывал атте-

стат и в уральском городе Туринске. П. Н. Ивашев переслал суворовские бумаги сыну — декабристу Василию Петровичу Ивашеву, отбывавшему здесь ссылку. В ту пору по поручению отца Василий Петрович редактировал сочинение немецкого биографа Фридриха Антинга «Жизнь и военные деяния генералиссимуса князя Итальянского, графа Суворова-Рымникского» и работал над записками отца о великом полководце.

Впоследствии фотокопии аттестата хранились в семейных архивах потомков декабриста. Одну из них правнучка В. П. Ивашева, Елена Константиновна Решко, подарила Туринску.

г. Туринск

СЕВЕРНЫЙ ВЯЗ

Борис ЗОЛОТАРЕВ,
краевед

«Вязы Ирбиту подарила природа. Северо-восточнее этих мест они не встречаются, это их крайняя точка». Так писала газета «Уральский рабочий». Но вот город Североуральск находится севернее Ирбита почти на 300 километров, а здесь вяз обыкновенный растет. Правда, не роща, а только одно дерево. Но ведь всякий лес, всякая роща начинается с одного дерева.

История североуральского вяза такова.

В доме № 6 по улице Бажова жил садовод-любитель Иван Акимов. Из Московской области он привез саженец вяза высотой полметра и посадил его в палисаднике перед окнами. Деревце долго болело, но в конце концов прижилось на уральской земле, потянулось ввысь.

Когда Акимов вышел на пенсию, он уехал из города, а дом продал столяру местного завода железобетонных изделий А. А. Овсянникову.

— Я долго не знал, что за дерево под окнами, — чистосердечно признается Аркадий Афанасьевич. — Люди останавливались, смотрели и спрашивали вполне серьезно, какие плоды на дереве будут расти...

В нескольких метрах от деревца новосела стояло несколько довольно высоких тополей. Овсянников заметил, что они угнетают свеголюбивый вяз. Два тополя пришлось спилить. Вяз словно того и ждал — быстрее пошел в рост, разветвился.

Сейчас вязу примерно тридцать лет, поднялся выше дома, ствол у земли в диаметре почти двадцать сантиметров. Он хорошо переносит 40—45-градусные морозы.

Почему бы уральским озеленителям не провести опыт в более широком масштабе — скажем, завезти саженец вяза и высадить на городских площадках и улицах, в парках? Вяз подобен дубу, он красив, могуч, величествен и долговечен. От него нет надоедливого пуха, который обильно «выдают» летом тополя. Право же, вяз стал бы настоящим украшением наших городов.

г. Североуральск

«ДУМАЛ, ЧТО ЭТО ФЕРЗЬ...»

Павел КОВЕРДА,
краевед

Триста лет назад в одном из сибирских острогов почти трагически закончилась любительская шахматная партия. За доской сидели служилые люди Марк Хомяков и Андрей Волышников. Увлечшись игрой, Марк произнес, переставляя фигуру: «Думал, что это ферзь, а это царь». И выругался в адрес шахматной фигуры, силы у которой, видно, не доставало для победы в партии.

Это услышали «болельщики». Тимошка Елфимов сообщил Красноярскому воеводе стольнику Григорию Шишкову — о царе, мол, нецензурно выражаются. Шишков донес о происшествии Енисейскому воеводе князю Щербакову. А тот велел пытать Марка, с целью узнать, не организованная ли это оппозиция престолу. Воевода посадил несчастного шахматиста в тюрьму «до указа», т. е. до царского решения.

И, наконец, явилось царское слово: «Великие государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая княгиня Софья Алексеевна, всея великая и малые и белая России самодержцы, сей выписки слушав, указали: того Марка освободить и том из Сибирского приказу в Красноярской г-е воеводе послать свою великих государей грамоту».

Этот эпизод показывает, что доносительство как промысел практиковалось давно. А не перешло оно тогда в эпидемию, быть может, потому, что среди «великих государей» был человек, не униживший себя до возведения в ранг государственного преступления простую оговорку. Этим человеком был будущий император Петр Первый.

Описанный случай опубликовал журнал «Русская старина» под заглавием «Опасная игра».

г. Артемовский

МОЙ собеседник — Юрий Владимирович Цзян Каньчжен — немолод, хотя на вид ему больше сорока не дашь. И не будь он талантливым изобретателем, о нем все равно следовало бы рассказать. Слишком уж необычна его судьба и удивительно дело, которому он посвятил себя всего, без остатка и на родине — в Китае, и в Советском Союзе...

Вначале фортуна была благосклонна к китайскому юноше Каньчжену, сыну директора школы, обвиненного народной властью в связях с гоминдановцами и отправленного «на перевоспитание» в глухой сельский уезд на 30 лет «под надзор населения». Паренек успешно закончил школу и поступил в Китайский Медицинский Университет с тайной мечтой победить рак и другие неизлечимые болезни. Наряду с дисциплинами, предусмотренными учебной программой, Цзян самостоятельно штудировал теорию относительности, квантовую механику, биохимию и биофизику, кибернетику, радиотехнику... Эти ночные бдения над мудренными книгами не прошли даром. В результате родилась гипотеза о связи молекул между собой посредством сверхвысокочастотного (СВЧ) электромагнитного поля, являющегося единым материальным носителем энергии и биологической информации и обеспечивающего их передачу и превращения. Гипотеза открывала возможность глубже познать сущность жизни, исследовать ее тайны, влиять на большой организм с целью выздоровления. Свои мысли 24-летний студент Цзян развивает в «Теории чандао» — теории управления биополями, которую он изложил в объемистой рукописи.

Этот его труд изучали в Академии наук КНР и даже в научном отделе ЦК КПК. Ошибок не нашли, но не обнаружили и экспериментальных доказательств правильности выдвинутой теории. Тогда руководству Университета было предложено создать для талантливого выпускника необходимые условия. И Цзяна принимают на должность ассистента кафедры физиологии, предоставляют в его распоряжение трехэтажную лабораторию — точную копию той, в которой ставил свои опыты в Колтушах великий русский физиолог И. П. Павлов. С 1959 по 1962 год молодой ученый исследовал в своей лаборатории передачу психологической информации между людьми. Попутно, в 1961 году, с помощью СВЧ он получил гибрид курицы и утки. В 1963 году Цзян создал установку био-СВЧ-связи между живыми организмами и, используя этот аппарат, за две недели вылечил мышь, зараженную раком.

5 марта 1963 года, ровно через 10 лет после смерти Сталина, в газете «Шэньянский ветер» вышла

**Евгений
ИЩЕНКО**

РАЗГОВОР

С ВОСТОЧНЫМ ЦЕЛИТЕЛЕМ Цзяном

статья Каньчжена «Чудесные биорадиоволны». В ней автор рассказывал о достигнутом, строил планы будущих исследований. Время, однако, было смутное. Все более набирала обороты «великая культурная революция». Вскоре молодого исследователя публично обвинили в идеализме и ревизионизме, а потом попросту выгнали из лаборатории. Как же иначе, если результаты изысканий «противоречат теории марксизма-ленинизма и идеям великого Мао Цзэ-дуна»? Перед ним разом захлопнулись все двери. Ни о научной, ни о врачебной деятельности не приходилось даже мечтать. Труд чернорабочего и тот был заказан для 32-летнего идеалиста-ревизиониста с университетским дипломом. И Цзян после долгих раздумий решил бежать в Советский Союз.

В октябре 1966 года при попытке перейти на ту, советскую сторону, его задержали китайские пограничники. Цзяну, обвиненному в измене родине, переходе в стан идеологических врагов и активной контрреволюционной деятельности, тем не менее дали всего 4 года тюрьмы. Почему так мало? Ведь по каждому пункту обвинения полагается смертная казнь! Да потому, что все обвинения были голословными, никакими доказательствами суд не располагал. Реальностью была попытка перейти государственную границу, все остальное домыслили ретивые хунвейбины. Потянулись тюремные годы, потом год унижений со стороны безмозглых «воспитателей», заправлявших в Китайском Университете, куда Каньчжена по выходе из тюрьмы определили чистить нужники и кормить свиней.

20 июля 1971 года Цзян запомнил на всю жизнь. Он ушел-таки в СССР, где, как мечталось, будут все условия для занятия наукой во благо народа. Реальность, однако, оказалась куда суровее. Два года ему пришлось проработать в леспромхозе плотником, кочегаром, санитаром. Лишь осенью 1973 года по ходатайству из Москвы его приняли на работу в Хабаровский институт на должность лаборанта. А лаборант этот уже давно не мальчик, и тема, которую он самостоятельно разрабатывает, называется «Борьба с раком при помощи био-СВЧ-связи»... Потом пришлось стать сторожем на комбинате и своими силами, в одиночку строить лабораторию в подвале дома, купленного на сред-

ства, заработанные лечебным иглоукалыванием. А в редкие промежутки свободного времени Цзян читает, думает, ставит необычные опыты. А в результате — «Способ изменения наследственных признаков и устройство для его осуществления», описанные в заявке в Госкомитет по делам изобретений и открытий СССР. Заявку он подал в 1981 году, а лишь в конце февраля 1990 года по ней в Комитете приняли положительное решение. Десять лет ушло на бюрократическую волокиту, на нерво-трепку.

Да, не слишком радушно приняла Цзяна наша страна. Только в августе прошлого года ему после неоднократных просьб и вмешательства центральной печати выдали советский паспорт и разрешили выезжать за пределы Хабаровска. Теперь его, гражданина СССР, уже не пытаются привлечь к уголовной ответственности за врачевание, как не имеющего медицинского диплома (диплом у него отобрали на пограничной заставе, да так и затеряли в архивах).

На своей установке био-СВЧ-связи Юрий Владимирович Цзян Каньчжен вывел сорт кукурузы, облучив ее всходами пшеницы; создал небывалые огурцы, имеющие запах дыни, и подсолнечник с необычно круглыми семечками, отдающими арахисом. Но не практическая селекция сельскохозяйственных культур, а медицина была и остается его главным интересом. Доктор Цзян руководит теперь Хабаровским филиалом отдела общей и клинической патологии института клинической и экспериментальной медицины Сибирского отделения АМН СССР. Он автор еще одного изобретения — способа воздействия на биологически активные точки, который позволяет лечить более сотни болезней. И каких болезней: остеохондроз, эпилепсия, язва желудка, гипертония, стенокардия, астма, последствия травм головного и спинного мозга, шизофрения, детский церебральный паралич...

Метод, на первый взгляд, прост: в так называемые акупунктурные точки тела пациента врач вводит иглы, на которые подается специальный ток — «белый шум». Это приводит к стойкому лечебному эффекту. В клинику виртуоза иглорефлексотерапии больные идут с последней надеждой: уж он-то поможет. И не ошибаются. Особенно много на при-

О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

емах несчастных, страдающих детей и подростков.

Медицинские исследования доктора Цзяна по био-СВЧ-терапии имеют захватывающие дух перспективы: изменение неблагоприятных наследственных признаков, избавление от рака, СПИДа, цирроза печени и других неизлечимых ныне заболеваний, предотвращение возрастных нарушений интеллекта, продление жизни... Вот с таким необычным собеседником и состоялся мой разговор.

— Верите ли вы в бессмертие души? Ведь согласно восточным воззрениям, человеческая душа после гибели своей оболочки переселяется в другое существо.

— Я убежден, что человек живет только один раз. Конечно, было бы очень хорошо, если бы душа была бессмертной. Но я не верю в такую возможность — нет фактов, подтверждающих обратное. Свидетельства лиц, побывавших в состоянии клинической смерти, которые собраны врачом Раймондом Моуди в книге «Жизнь после жизни», ничего не доказывают. Их видения скорее всего связаны с реакцией мозга на нарушение кровоснабжения. Конечно, исследования в этом направлении нужно продолжать.

Добавлю несколько слов о смерти. С помощью своей установки био-СВЧ-связи я экспериментально установил, что после смерти вокруг трупа образуется очень вредное поле. Особенно плохо оно влияет на больных людей. Даже от мертвого кролика исходят, если можно так выразиться, «лучи смерти». Поэтому хоронить умершего следует сразу, не дожидаясь, как того требует христианская традиция, трех дней. Самый лучший способ — сожжение трупа. Можно и закапывать в землю, но в металлическом гробу, который не пропускает вредное излучение.

— В последние годы довольно резко возросло число самоубийств, в том числе среди молодежи. Как вы относитесь к людям, решающим собственными руками покончить счеты с жизнью?

— Я сам дважды пытался покончить с собой в молодости, когда решил, что обстоятельства сильнее меня и мне уже не удастся продолжить дело моей жизни. Четыре года тюрьмы, потом самая черная, отупляющая работа в университетском городке, где у меня некогда была своя лаборатория. Было от чего прийти в отчаяние! И тогда, и позже

я много думал об этом. И пришел к твердому убеждению: на самоубийство решаются люди, у которых нарушены нормальные психологические процессы. Их мозг как бы зациклен на негативных, мучительных мыслях. Они исключают возможность поворота к лучшему, видят все в самых мрачных тонах. В такой ситуации был и я. Но нужно бороться, преодолевать трудности. Тогда и взгляд на жизнь, на перспективы ее продолжения изменится. Здоровая психология не может решиться на такое. Жизнь — великая ценность. Никто не знает, как сложатся жизненные обстоятельства завтра. Нужно не просто надеяться на лучшее, но прилагать все силы к тому, чтобы завтрашний день принес облегчение, стал радостным. Самоубийство — выход для людей, поддавшихся отчаянию, опустивших руки, не верящих в собственные силы. В среде молодых людей таким настроениям нет места. Они должны быть сильными! Они должны жить!

— Давайте перейдем к вещам более оптимистическим. Поговорим о здоровье, о способах его возвращения. Сейчас у всех на слуху такие имена, как Алан Чумака, Кашпировский. Каково ваше мнение — мнение профессионального целителя — об этих врачевателях?

— Лечебный эффект от выступлений Кашпировского и Чумака основан на гипнотическом внушении. Если таким способом лечить не с телевизора, а в индивидуальном порядке, то метод психологического воздействия под гипнозом хорош и эффективен. Лечение под гипнозом — это процесс. Нужно наблюдать за его развитием, за тем, как человек погружается в гипнотическое состояние, как он реагирует на слова психотерапевта, как он выходит из гипноза. Каждый пациент индивидуален, и врач должен это учесть. С экрана телевизора, перед которым сидят миллионы людей, такой учет невозможен. Телевизионное лечение можно сравнить с капитальным ремонтом автомобиля. Механик снял колесо, покопался в двигателе, отвинтил тормозную трубку. А потом ушел. Сможет ли автомобиль самостоятельно восстановиться? Другими словами, тот, кто звел человека в гипнотическое состояние с лечебными целями, тот и должен вывести его из этого состояния, снять отрицательные последствия. А они возможны.

Утверждаю это не голословно.

Лет 30 назад, еще в лаборатории Китайского Университета, я ставил опыты по передаче информации под гипнозом. Гипнозом я владею, но в последние годы не прибегаю к нему. Еще в то время было выяснено, что между людьми устанавливается хорошая психологическая индукция в диапазоне био-СВЧ-волн. Обстоятельства не позволили мне продолжить работу в этом интересном направлении.

— В чем состояли опыты, если, конечно, не секрет?

— Никакого секрета нет. Еще в 1959 году были поставлены такие эксперименты. Представьте себе: в темном боксе сидит человек и, нажимая на кнопку, освещает перед собой какую-нибудь простую геометрическую фигуру: треугольник, крест, круг. Этот человек — «излучатель» информации. В соседнем помещении в гипнотическом состоянии находится другой человек — «приемник», даже не подозревающий, что принимает участие в эксперименте. На листе бумаги он последовательно зарисовывал те геометрические образы, которые почему-то вдруг всплывали в его сознании. Пара испытуемых специально не подбиралась, и тем не менее освещенная фигура и рисунок совпали в 70 % случаев. Не свидетельствует ли это о передаче информации об увиденной фигуре от «излучателя» к «приемнику»? Потом опыты были усложнены. Вместо картонных и деревянных перегородок между помещениями для испытуемых устанавливалась специальная линза, фокусирующая и пропускающая только сверхвысокочастотные биоволны. Степень идентичности рисунков подскочила до 90 %. А главное — почти все загипнотизированные утверждали, что возникающие в мозгу геометрические образы стали чрезвычайно четкими. Всего было сделано около 500 опытов. Любопытные результаты, не правда ли? Но вернемся к Чумаку и Кашпировскому.

Кашпировского нельзя отождествлять с Чумаком. Если первый — профессиональный врач, то второй медицинского образования не имеет и вовсе не так безобиден, как может показаться на первый взгляд. Его заряженная вода — яд в самом прямом смысле этого слова. Воду он советует ставить неподалеку от экрана. Вода при этом получает атомное, рентгеновское и ультрафиолетовое облучение, в ней образуются вредные ионы, которые

могут вызвать или стимулировать развитие раковых опухолей, способствуют мутациям генетических клеток, наследственным изменениям. Выступления Чумака — это врачебное шарлатанство, опасное для людей, обманутых ожиданием чуда, разувевшихся в официальной медицине.

— Ваше возмущение по поводу телевизионных экспериментов над здоровьем наших сограждан я разделяю. А если человек экспериментирует над самим собой?...

— Вы, видимо, слышали, что я поставил эксперимент над самим собой? Да, это верно. Но ведь я никому не навредил, а если и причинил вред, то только своему организму. И себе вредить не хотел, потому 10 лет обдумывал эксперимент, взвешивал, не будет ли опасных последствий? Но обстоятельства заставили поторопиться.

После пожара в моем доме зимой 1983 года и всех связанных с этим тревожений, здоровье сильно пошатнулось, открылась старая язва желудка. Вот я и решил испытать на себе воздействие здорового биополя для регенерации (восстановления) тканей желудка. Поскольку строение хромосом человека и свиньи очень схоже, решил, что в качестве «излучателя» биополя вполне подойдет молодой кабанчик. Подкрепляю мой выбор и то, что свиньи всегда отличаются хорошим аппетитом, едят все подряд, довольно редко болеют.

Я купил на рынке упитанного кабанчика, посадил его в свой аппарат, а сам разместился в соседней комнате подвала. На голову для предосторожности надел специальный экран с сеткой, чтобы не поглотить до уровня чушки, СВЧ-волны биополя «обстреливали» только область желудка. Принял четыре сеанса по 20—30 минут, все подробности эксперимента и свои ощущения тщательно запротоколировал. На первых порах мучила горечь во рту от обильного выделения желчи, но самочувствие намного улучшилось. Желудок теперь не беспокоит, язва, видимо, зарубцевалась.

В 1987 году я поставил второй эксперимент над самим собой — эксперимент по омоложению организма. После него в волосах стало меньше седины, разгладились морщины на лице, стало яснее сознание, ускорились мыслительные процессы. Работать теперь активнее, соображаю живее, даже залысины на лбу частично заросли. Но о сущности этого эксперимента говорить и писать пока преждевременно. В Комитете по делам изобретений и открытий находится на рассмотрении моя заявка. Когда вопрос будет решен, тогда о моем новом методе можно будет рассказать со всеми подробностями.

— Ваши идеи о возможности омолодить человека на 15—20 лет за несколько сеансов кажутся фан-

тастичными. Хотя, глядя на вас, никогда не подумаешь, что вы родились 57 лет назад. Но ведь вы не первый среди ученых, считавших омоложение возможным?

— Да, я не первый, однако ни один из них не предложил использовать для этого оздоровительные силы самого человеческого организма — сверхвысокочастотные био-электромагнитные волны, несущие ценную генетическую информацию. Вспомним историю проблемы. Французский медик Ш. Э. Броун-Секар в целях омоложения предлагал пересадку человеку бараньих половых желез. Советский академик О. В. Лепешинская пропагандировала свой метод борьбы со старением — содовые ванны. Основатель иммунологии И. И. Мечников полагал, что старение человеческого организма наступает вследствие образования в кишечнике токсинов (ядов) и самоотравления ими. В качестве средства нейтрализации ядов он советовал питаться молочнокислыми продуктами. В литературе описана японская семья, достигшая библейского долголетия путем периодического прижигания «точки ста болезней» на теле. Главе семейства перед смертью исполнилось 242 года, его жене — 221 год, старшему сыну — около 200...

— Какие, по вашему мнению, факторы способствуют здоровью и долголетию?

— Таких факторов очень много. Это и наследственная предрасположенность, и благоприятные условия развития человека с момента зарождения до полного формирования. Очень существенное влияние оказывает полноценное питание, которое должно быть не обильным, но разнообразным, чистота атмосферного воздуха, отсутствие резких перепадов температуры, вредных излучений, благоприятные природные и погодные условия — все то, что ученые называют средой обитания. Сейчас экологи стали придавать серьезное значение. Но нельзя сбрасывать со счета и психологический климат в семье, а также во всем обществе, членом которого является человек. Кто получил больше, чем другие, вредных воздействий, тот и жить будет меньше. Кто ведет праздный, бездеятельный образ жизни, тот тоже едва ли может рассчитывать на долголетие.

— Но каковы границы человеческого долголетия? В бессмертие души вы не верите, а в бессмертие тела?

— О бессмертии тела говорить не приходится. А вот о здоровой, активной жизни на протяжении 125—175 лет разговор вполне реален. Основания для таких оптимистических прогнозов дает современная наука. Установлено, что средняя продолжительность жизни млекопитающих животных, к роду которых относится и человек, в 5—7 раз длиннее периода их полного развития. Все

млекопитающие соблюдают этот биологический закон, лишь человек выпадает из стройного ряда. Полностью человеческий организм формируется к 25 годам. Если человек прожил 75 лет (25×3), то он уже считается долгожителем. А если 25×7? Вот это и будет верхняя, биологически оправданная граница продолжительности жизни.

— Расскажите о своем образе жизни.

— Я живу своей работой: как иглотерапевт лечу больных, экспериментирую на своей установке био-СВЧ-связи. Скучать некогда. В 8 часов я уже на работе, а в 20 часов — еще в работе. В течение этого времени — короткий перерыв на обед. Никакой особой диеты не придерживаюсь, ем то же самое, что и все, если удастся, то в одно и то же время. Дома, правда, жена (она русская) иногда балует меня блюдами из китайской кухни.

— А духовная пища?

— Смотрите сами, — доктор Цзян обвел стоящие в его домашнем кабинете книжные полки. В этот самый момент раздался телефонный звонок. Вызывала междугородная. Несчастная мать из Южно-Сахалинска выясняла, когда можно будет привезти на лечение дочь, страдающую припадками. Пока шел этот разговор, я оглядел стеллажи с книгами. Чего на них только не стояло! Солидные фолианты с китайскими иероглифами на корешках я, понятное дело, пропустил, а вот на русских названиях книг задержался. Тут были «Физика микромира», «Генетика», «Молекулярная биология», «Атлас по гистологии и эмбриологии», «Жизнь растений», «Бессознательное», «Системогенез», «Физика космоса», «Гены», «СВЧ-оптика», «Хромосомы человека», «Измерения в электронике», «Большая советская энциклопедия» и даже «Уголовный кодекс РСФСР»!

— И вы это все читаете? — невольно вырвалось у меня.

— Разумеется. А зачем иначе их держать на полках? Книги для того и предназначены, чтобы их читать и перечитывать. Чтобы успешно бороться с болезнями и находить новые способы исцеления человека, продления его жизни, нужно очень много знать. Книги мне и помогают в этом: и все вместе, и каждая по отдельности. Советую и молодым подписчикам «Уральского следопыта» читать побольше умных книг, почаще задумываться над их содержанием, ставить перед собой неразрешимые на сегодняшний день задачи и пытаться их решить. Тогда жизнь и обретет истинный смысл, станет содержательной, целеустремленной. И надеюсь, среди них наверняка окажутся новые Вавилонские, Циолковские, Королевы, Вернадские...

Успехов им на этом трудном пути!

рисунок Е. Сперлиговой

Владислав
Кративич

Крик петуха

Повесть

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ ПОВЕСТИ...

Впрочем, сначала несколько слов о литературной работе вообще. Точнее, об одной ее стороне: то, что читателю представляется новой вещью, для автора — уже обычно пройденный этап.

Много времени «Уральский следопыт» печатал мой роман «Острова и капитаны» (за что я очень благодарен журналу, а также читателям, приславшим свои отзывы). Редко какой журнал наберется мужества печатать на своих страницах произведение такого объема. «Следопыт» храбро пошел на это дело, но оно заняло около трех лет. А для меня эти три года были сроком новой работы. Отдавши дань историческим событиям и современной реальности, я вновь вернулся к любимой фантастике и сел за цикл повестей под общим (пока неточным, условным) названием «Во глубине Великого Кристалла». С давних времен я вынашивал эти сюжеты, и, наверное, потому первые повести были написаны быстро.

Вот тут-то и пришли в противоречие традиция и условия публикации. По традиции мне хотелось, чтобы весь цикл взял для печати «Следопыт». Но в нем тогда шли «Острова...» Ждать? Но как не хочется автору тянуть с печатаньем своих свежих вещей. И потому две повести («Выстрел с монитора» и «Застава на Якорном поле») с конца 1988-го по начало этого года прошли в журнале «Пионер», а еще одна («Гуси-гуси, га-га-га...») — в 1989 году в журнале «Урал».

«Крик петуха» — четвертая повесть из цикла о Кристалле. У нее, как и у трех предыдущих, вполне самостоятельный сюжет. Но все же я упомянул другие повести и журналы на тот случай, если у читателей возникнет желание узнать подробнее о детстве командора Павла Находкина и событиях в городе Реттерхальме, о приключениях незадачливого клерка Корнелия Гласа и десятилетнего Цезаря Лота, о людях из таверны «Проклятое колесо» и о судьбе лицеиста Матвея Радомира по прозвищу Ежики, который подружился с маленьким живым кристаллом Яшкой.

Впрочем, о Яшке другая повесть — «Белый шарик Матроса Вильсона». Я надеюсь увидеть ее тоже на страницах «Уральского следопыта», если у журнала и у читателей не иссякнет терпение...

А в заключение несколько слов вот о чем. События в повестях о Великом Кристалле — самые фантастические. На первый взгляд. Но присмотритесь, прислушайтесь к окружающему. За нынешней тревогой, за шумом политических событий и общественных потрясений мы чаще всего, как бездоказательные сенсации, воспринимаем истории о мальчике, при котором воспламенялись предметы (помните, газеты писали о нем?), о девочке, взглядом поднимающей тяжести, о ребятishках — свидетелях высадки таинственных пришельцев на пригородное поле. О «контактах». О таинственном «полтергейсте»... Интересно. Не очень верится, но шечочет нервы. А может, и правда «что-то есть».

Но если задуматься всерьез... Когда-то для людей стала потрясением открывшаяся истина, что Земля — шар. Потом — что небо это не хрустальный купол, а безбрежный космос с миллионами солнц и планет. Вселенная расширяется — и в пространстве, и в нашем сознании. Не созрело ли время (и не созрели ли мы), когда в наше привычное трехмерное мироздание начинает вламываться еще более широкий, многомерный мир? Не его ли признаки — десанты загадочных летающих аппаратов и необъяснимые явления природы? Не становятся ли первыми носителями качеств этого мира мальчики и девочки, поражающие людей своими необъяснимыми способностями?

Сама по себе такая мысль может натолкнуть на занимательный сюжет, не более. Но меня тревожит вот что: какая судьба у мальчика, при котором все загоралось вокруг? Ничего я о нем больше не читал. Не кончилось ли все трагедией? Так ли уж благосклонны люди к мальчишкам и девочкам, которые, обнаружив в себе способность к чтению мыслей или свободному полету, возможно, просто слегка опередили время? Станут ли люди более счастливыми, открыв для себя просторы многомерного мира? И что в этом мире найдут дети? Им-то во все времена, во всех пространствах, при всей необузданности мирового развития нужны вечные понятия, вечные условия бытия: родной дом, мама, друг...

Впрочем, не только детям.

Владислав КРАПИВИН

(198) Часть 1.

ДАЧНАЯ ЖИЗНЬ ВИТЬКИ МОХОВА

Кригер

1

Первый раз Витька появился в обсерватории «Сфера», когда окончил четвертый класс. Два дня бродил он всюду, раскрыв рот и распахнув глаза. Удивлялся башням, куполам и локаторам, гигантской решетчатой чаше РМП. А еще больше — скалам и дикому шиповнику, густоте окрестного леса, чистоте высокого неба и прозрачности ближнего озера.

На третий день он изложил свое мировосприятие в стихах, которые немедленно были напечатаны в обсерваторской газете «Пятый угол».

Я от счастья чуть не плачу:
Вот приехал я на дачу.
Здравствуй, мой любимый дед,
Здравствуй, мой велосипед!

Буду я на нем кататься,
Буду в озере купаться,
Буду плавать и нырять,
Кверху пузом загорать.

Мне на пузо съедет мошка
И поест меня немножко,
А насыть аппетит,
Снова в небо улетит.

Я обед ей не нарушу:
Мошка тоже хочет кушать.
Я к букашкам всей душой:
Мошки — крошки, я — большой.

Во саду и в огороде
Равновесие в природе.
Ходят куры у куста,
Вот какая красота!

Стихи обрели шумную популярность. Их цитировали по всякому поводу. Толстая лаборантка Вероника Куггель положила их на музыку и пела под гитару. Лишь директор обсерватории Аркадий Ильич Даренский не разделял общего энтузиазма. Во-первых, он вообще смотрел на все явления со здоровой долей скепсиса. Во-вторых, Аркадий Ильич (в силу этой же привычки) углядел в словах «буду я на нем кататься» некоторую двусмысленность. Так ли прост этот внешне симпатичный, но почти незнакомый (и к тому же похожий на отца) десятилетний отпрыск Михаила Мохова?

Кроме того, профессор Даренский придерживался вполне логичного мнения, что специальное научное учреждение закрытого (насколько это возможно в нынешние времена!) профиля отнюдь не должно служить местом дачного отдыха для кого бы то ни было. Пусть это даже родной внук директора обсерватории.

Но, с другой стороны, делать было нечего. Витькина мать активно занималась решением личных проблем. Витькин отец, который числился сотрудником «Сферы», был официально объявлен пребывающим в далекой и длительной командировке, а на самом деле находился неизвестно где. То есть не совсем неизвестно, но... Впрочем, это особый и отдельный разговор... Так или иначе, а кроме «любимого деда» приютить Витьку на каникулы оказалось некому. Это и заявила Аркадию Ильичу дочь Кларисса:

— Можешь ты хоть раз в жизни позаботиться о единственном внуке?

Аркадий Ильич пытался возражать. Единственному внуку, мол, самое место в летнем лагере, а не в обсерватории среди взрослых и занятых важными делами мужиков и теток... Выяснилось, однако, что внук «малость чёкнутый» (видимо, в папочку). В лагерной толпе жизнерадостных и дружных сверстников он сохнет, бледнеет, а по ночам (если верить бдительным воспитательницам) часто не спит, сидит на подоконнике и смотрит «куда-то в небесные пространства». Так было в прошлом году.

— А в этом он вообще уперся, как упрямая коза: «Не поеду, там скучища!»

В довершение слов Кларисса начала всхлипать. Профессор Даренский, в работе своей человек твердый и решительный, в семейных коллизиях таких свойств не проявлял. Ну и вот...

Витька оказался вовсе не похожим на замкнутое одинокое дитя. В обсерватории он со всеми зажил душа в душу. А лучшим его другом сделался младший научный сотрудник Михаил Скицын, по поводу чего дед буркнул: «Рыбак рыбака...»

Замечание деда было не совсем понятным. На Витьку Скицын вовсе не походил. Черный, как головешка, какой-то немного кривобокий, с крупным носом и охидными, сидящими на разном уровне глазами, он был известен как скандалист и автор сумасбродных идей. Временами оказывалось, что идеи не столь уж сумасбродны, а потому и скандалы объяснимы, но слава оставалась.

В отличие от других, Скицын с Витькой не церемонился. То и дело подначивал и критиковал. Так было и со стихами. Скицын заявил, что выражения «обед ей не нарушу» и «насытив аппетит» неграмотные, а в последнем четверостишии — излишняя умильность. Это было уже просто бессовестно! Ведь кто-кто, а уж Мишенька-то лучше всех должен был ощутить ироничность Витькиных виршей.

— Все понимаешь, а цепляешься!

— Ну ладно... — смягчился Скицын. — А врать все равно не стоило. Какие здесь куры? Один петух...

Витька сказал, что сочинял стихи, а не переписывал птичьего двора, и куры — это... как его... поэтический образ.

Скицын сморщился, нос его больше обычного отъехал в сторону.

— «Образ»... Такого красавца поменял на каких-то дохлых абстрактных куриц... Такого рыцаря и героя!

Витька глянул подозрительно: нет ли здесь намека? Не видел ли случайно Скицын, каким скандальным было знакомство с пернатым «героем и рыцарем»?

Петуха звали Кригер.

Безусловно, этот горластый красавец был одной из важных достопримечательностей «Сферы». Приезжавшие сюда иностранцы просили показать «господина Кригера» наряду с новейшим четырехмерным телескопом — преобразователем пространства, построенным группой «Кристалл-2».

Не было в обсерватории человека, который относился бы к «господину Кригеру» безразлично. Поклонники петуха восхищались его внешностью. Перья Кригера отливали всеми оттенками меди, латуни и даже червонного золота. Хвост напоминал оранжево-алый плюмаж рыцарского шлема. Крылья были оторочены бархатисто-траурной каймой, а тяжелая двойная борода и свисавший на сторону гребень словно состояли из прозрачных икринок, каждая из которых была налита гранатовым соком.

Но, по мнению многих, роскошное оперение Кригера не испугало его коварного нрава. Этот разбойник имел привычку подкрадываться издалека, потом налетать с боевым воплем и клевать ноги, а то и спину. Случалось, что он получал отпор, но и тогда не покидал поле боя, а разбежался и повторял атаку.

Однако даже самые лютые недруги Кригера отдавали должное одному его несомненному качеству — пунктуальности. С точностью до десятых долей секунды это уникальное существо оповещало всех о наступлении астрономического полдня и полночи и так же строго отмечало четырехчасовые отрезки суток.

Без сомнения, Кригер считал «Сферу» своим родовым помещением. Он появился на свет здесь — вылупился из кулечного на рынке яйца в самодельном инкубаторе под коробкой терморегулятора базового гироскопа. Выдумка с инкубатором, естественно, принадлежала Скицыну. И, конечно же, Михаил объяснял астрономическую точность Кригера тем, что он родился на осевой линии Кристалла. «А вредность у него от «крестного папы», — не упуская случая добавив Аркадий Ильич Даренский.

В первые дни судьба не сталкивала Витьку и Кригера. Витька слышал петушьи вопли, видел издалека этого медью сверкающего крикуна, однако особо им не интересовался. Кригер Витькой — тоже. Но на четвертый день (уже после стихов в газете) Витька лежал животом на каменном ограждении садового бассейна, беспокоил щепкой ленивых декоративных карасиков и вдруг услышал сзади шумный шелест и топанье. Не успел он оглянуться, как в ногу пониже коленного сгиба воткнулось копые. Или стрела. Витька взвизгнул, кувыркнулся в бассейн, обалдело вскочил по пояс в воде. Кригер — перья и гребень торчком — бил крыльями по ракушечному барьеру. Глядя непримиримо и прицельно.

— Чё надо! — постыдно завопия Витька и в бегстве взбаламутил пятиметровый водоем от края до края. Господин Кригер преодолел то же расстояние на крыльях. Дальше он гнал перепуганного пацаненка по плиточной дорожке между двух заросших подпорных стен, и дорожка эта привела в предательский тупик. Витька ладонями с размаха уперся в железные ворота гаража, обернулся... Кригер не спешил. Топтался в пяти шагах, подметая крыльями пыль. Готовился. Примерялся... Витька беспомощно съежился и, глядя в петушиный оранжевый глаз, жалобно прошептал:

— Не смей, скотина... Нельзя. Не подходи. Между нами это... стенка. Понял? Стен-ка...

— Ко-о... — презрительно сказал Кригер, шумно разбежался... С отчаянного перепуга Витька мысленно грянул перед собой с неба стену из бронзового стекла. И... рыжий бандит шмякнулся о невидимое! Ошеломленно сел на хвост, по-человечески раскинув растопыренные лапы. Икнул.

«Получилось!» — Витька и возликовал, и даже испугался. До сих пор его опыты с гипнозом и внушением терпели провал.

Кригер встал. Пошатался. Шагнул прочь. Оглянулся. Подумал, наверно: не попробовать ли еще?

— Иди, иди, — сказал Витька. И вообразил сидящую рядом, у ноги, лису — большую, зубастую, с густой апельсиновой шерстью. Так вообразил, что лисья шерсть будто по правде защекокала ему ногу. А Кригер, позабыв о гордости, с воплем ударился в бег.

Витька отдышался, огляделся. Не видел ли кто его недавнего малодушья? Кажется, нет... А то ведь не спасся бы он от ехидно-ласковых распросов и подначек, несмотря на свою поэтическую славу.

Он вытряс из-под рубашки трепещущего карасика, отнес его в бассейн. Потом занялся «раной»: вывернув ногу и шею, глянул себе под коленку. Была крупная кровавая точка, была припухшая синева вокруг. Все это рядом с большой, похожей на арбузное семечко родинкой. Может, Кригер и метил в родинку? Принял за жучка или зернышко? «Красивый, а дурень», — подумал Витька уже добродушно, он был человек не злопамятный. У себя в комнате он смазал след от клюва бактерицидной. Тот быстро подсох, но потом иногда еще побаливал. А на ноге осталось темно-пятнышко — будто вторая родинка...

С той поры, встречая Кригера, Витька моментально вспоминал зубастую лису. И мысленно пристраивал ее рядом — как собаку на поводке. Кригер торопливо удалялся. Правда, в этой поспешности уже не было заметной паники. Кригер делал вид, что ему срочно нужно куда-то по важному делу, а мальчишку с лисой он вроде бы и не видит.

Потом лиса сделалась не нужна. Кригер привык обходить Витьку стороной. А если они и оказывались рядом, то смотрели друг на друга без интереса. Словно был между ними молчаливый уговор: сохранять нейтралитет. Скицын, который обожал Кригера, говорил с ноткой разочарования:

— Смотри-ка, не лезет. Чует, чей внук...

Дело в том, что такой же нейтралитет сохранялся между петухом и директором «Сферы». Кригер, видимо, нутром чуял начальство. А профессор Даренский, хотя и не любил «рыжего пирата», но терпел.

2.

Продолжая рассказ о Кригере, следует отметить еще одно его свойство. Крайнее любопытство. Особенно любил он шумные споры. Когда в круглой комнате дискуссионного центра группа «Кристалл-2» наваливалась (во главе со Скицыным) на своих оппонентов, Кригер устривался в проеме открытого окна и слушал, склонив гранатовый гробень. Услыхав особо удачный аргумент или крайне запальчивую фразу, Кригер возбужденно переступал шпористыми лапами и довольно говорил: «Ко-о...»

Любил Кригер и перепалки между директором «Сферы» и его другом профессором д'Эспозито, который месяцами жил в обсерватории — прикипел к проблемам Кристалла. Особых разногласий в объяснении принципов Перехода и теории совмещенных пространств у Аркадия Ильича и Карло д'Эспозито не наблюдалось. Но пылкий старый итальянец был воспитанником иезуитского колледжа, ревностным католиком и все сложности мироздания объяснял изначальной мудростью Творца. Это приводило ярого материалиста Даренского то в горячее негодование, то в состояние холодного ехидства.

Трудно понять, что привлекало Кригера в спорах двух научных светил. Витька, по крайней мере, в них ничего не понимал. И все-таки иногда они (Витька в кресле, в углу дядова кабинета, Кригер на перилах балкона) слушали, как Аркадий Ильич и д'Эспозито у редакторского компьютера препираются по поводу совместной статьи для «Академического вестника».

— Послушай, Карло, а если записать так: «Явление столетней давности, известное под названием «Черемховский эффект» и давшее в наши дни резонанс, адекватный современному фактору типа «эх», свидетельствует, что...»

— А нельзя более по-русски, если уж писать на этом языке?

— Я не Лев Толстой!

— Это да...

— ...Не Лев Толстой! И, кроме того, ученые мужи в Центре иную терминологию все равно не приемлют! Главное — суть! А она в том, что «возникновение резонанса между так называемыми субъективными болевыми точками индивидуума и гипотетическим всеобщим психогенным полем ведет к практически мгновенному изменению пространственно-временной структуры в данном витке Кристалла...»

— «Витке Кристалла!» О Господи... звучит-то до чего дико!

— Не более дико, любезный Карло, чем «о Господи» в устах одного из основателей новой теории пространственно-временных структур...

— Которые, кстати, никоим образом не отрицают участия Творца в их создании и развитии...

1958

— Так и записать? — язвительно спрашивал Аркадий Ильич.

— Это незачем записывать! Это ясно любому разумному человеку!.. А неясно вот что: при чем вообще виток и перестройка структур в «Черемховском эффекте», если там имело место лишь линейное перемещение в одном пространстве?

— А «эх», возникшее в иных гранях почти через век!

— И тем не менее там действовал принцип тривиального линейного вектора, с Мёбиус-вектором не имеющий ничего общего...

— Карло, я тысячу раз просил! Не смей при мне упоминать о Мёбиус-векторе, этой дикой выдумке авантюриста Мохова. Он еще больший мракобес, чем ты, и... Виктор! А ты что здесь торчишь? Неужели кроме моего кабинета нет места, чтобы бездельничать?

— Здесь кресло удобное, — безмятежно отвечал Витька, делая вид, что не слышал упоминания об отце.

— Ступай отсюда...

— Дядя Карло, а вы меня тоже прогоняете, да? — Не ходи куда, Витторио! Сиди здесь... Слушай, как твой дед льет мыльную воду с пузырями на своего старого друга! Сейчас он будет бить меня по лысине футляром от меридианного дубль-гироскопа Кларенса...

— Ко-о... — с удовольствием говорил на балконе Кригер.

— Очень нужна мне твоя глупая лысина, — ворчал Аркадий Ильич. — Виктор, марш гулять!

— Цас... — Витька поудобнее усаживался в кресле. Морщась, трогал под коленкой след петушиного клюва. Слегка болело. Но на Кригера он не злился. Сейчас они были вроде как союзники.

Дед отворачивался от Витьки к дисплею.

— За что мне это наказание!.. Кларисса, конечно, поступила мудро, она всегда была практичная девица. А я — плати по векселям...

— Ну, а... — вполголоса говорил д'Эспозито и замолкал.

— Увы... — так же тихо откликнулся дед.

— Никакой информации?

— Никакой. Даже у Скицына.

— А при чем Скицын? Ведь с ним-то он как раз воевал больше, чем со всеми.

— Ну, знаешь ли... Милые бранятся — только тешатся...

— Гм... А чем он там все-таки занят?

— Ты меня спрашиваешь? Может, он шлет научные отчеты?... Скорее всего, он ничем не занят. Полагает, что сам факт его перехода есть подтверждение всех его дилетантских теорий...

— «Дилетантских»... Помилуй, Аркадио! Ты же сам понимаешь, что...

— Ничего я не хочу понимать! Авантюризм и наука несовместимы!

Витька равнодушно плевал себе на ногу и растирал по ней следы машинной смазки — она осталась после ремонта старенького расхлябанного велосипеда «Кондорито», найденного для директорского внука среди обсерваторского утиля. Взрослые, видимо, думали, что он их разговора не понимает, не догадывается, что речь идет об отце.

О том, что случилось с отцом год назад, все говорили уклончиво. Даже Скицын. И все-таки кое-что Витька знал. Михаил Алексеевич Мохов был одним из сотрудников группы «Кристалл-2», резко ушел в исследованиях в сторону от главной темы и настаивал на практической проверке своих выводов. Ввел понятия пятимерной системы межпространственных координат и Мёбиус-вектора. Все это достаточно ошарашивало всех, кроме младшего научного сотрудника Скицына. Однако и он в чем-то поддерживал Мохова, а в чем-то с ним яростно не соглашался. До крика и хрипоты.

«Аэлита-90»

Дело осложнялось тем, что у Мохова не было диплома физика. Он кончил биологический и философский факультеты. В теории межпространственных полей он пришел, можно сказать, самоучкой. Это и дало повод директору «Сферы» обозвать своего зятя в пылу очередного спора дилетантом. После чего Михаил Мохов исчез, оставив письмо. Что в письме — никто, кроме Аркадия Ильича, не знал. Теперь было известно, что научный сотрудник Мохов поселился на окраине Реттерберга и занимается незапланированными экспериментами на свой страх и риск.

Все это было бы еще ничего, если бы не маленькая деталь: ни в одном из самых укромных уголков «Генерального Атласа Земли» город Реттерберг не значился.

Однако об этом факте говорить в обсерватории было не принято. Витька хорошо чувал, что можно, а что нельзя, и лишних вопросов не задавал. Но, кажется, он удивился меньше других, когда неожиданно-негаданно отец объявился в «Сфере».

Впрочем, открытого удивления не выказал никто. Но все говорили вполголоса и, кажется, ощущали неловкость и виноватость — как в семье, куда вдруг вернулся из далеких нерадостных мест полузабытый и не очень любимый родственник.

Тем не менее сам Михаил Алексеевич смущения не показывал. Суховато раскланывался со встречными. К директору не пошел. Расспросил, где найти сына, и заперся с Витькой в его комнате.

О чем говорили отец с сыном, Витька никому не рассказывал. После беседы старший Мохов исчез — будто растворился. А Витька до вечера ходил один. Пинал на дорожках сосновые шишки, меланхолично и неумело насвистывал. Из деликатности его ни о чем не спрашивали, хотя дед злился, а Скицын млеял от любопытства. Вечером Витька попросился у Скицына к вспомогательному компьютеру четырехмерного преобразователя и до полуночи сидел у стереозкрана. Там же и уснул — на жесткой пластмассовой кушетке. Скицын, вздыхая, сунул ему под голову свой свитер и накрыл Мохова-младшего снятой с окна портьерой.

Экран остался невыключенным. В глубине его висела странная конфигурация из цветных спиралей и пентаграмм. Конфигурацию косо пересекала голубая линия со знаком Генерального меридиана. Скицын присвистнул и с минуту молча стоял над спящим сыном Михаила Алексеевича.

Через два дня Витька Мохов исчез. Утром он укатил на своем «Кондорито» в сторону озера. К обеду не вернулся. К вечеру тоже. Разумеется, дед переполошился. Да и остальные...

Утешало одно — потонуть Мохов-младший не мог. Раз и навсегда Витька обещал деду и Скицыну не купаться в одиночку, а он был человеком слова. Вариант, что директорский внук свернул шею на горных тропинках, по которым любил носиться на дребезжащем велосипеде, тоже отпал: брошенный «Кондорито» нашли в кустах за водокачкой... Заплутал в окрестном лесу? Но не такой уж этот лес безлюдный...

Витька объявился в сумерки, когда Аркадий Ильич пребывал в состоянии тихой паники и собирался вызывать из Центра патрульные и спасательные вертолеты.

— Что за шум? — сказал Витька пренебрежительно, когда к нему подскочили с расспросами и упреками. — Ну, загулял маленько, не рассчитал время...

Однако, увидев подходившего деда, Витька не стал дальше демонстрировать равнодушие и спокойствие. Быстро забрался на решетчатую пятиметровую мачту бета-ретранслятора и встал на перекладине у отражателя. Дело было на площадке у базовой подстанции, при свете шаровых фонарей. Их белое излучение при-

давало происходящему излишне драматический и несколько цирковой эффект.

— Марш вниз, с-стервец, — велел Аркадий Ильич. — Не-а... — сказал Витька с высоты.

— Снять, — металлическим голосом приказал директор. Два аспиранта, мешая друг другу, полезли вверх. Витька, словно канатоходец Тибул в старом фильме, ступил на наклонную проволоку-оттяжку.

— Не смей! — взвизгнул дед.

Но Витька, балансируя, быстро пошел вниз — оттяжка уходила за кусты сирени. На полпути он закачался на одной ноге.

— Господи Иисусе, — громко выдохнул профессор Даренский.

Витька быстро закончил путь и высунул растрепанную голову из листьев.

— Я устал, а вы тут с облавой... Я кушать хочу изо всех сил. Дядя Карло, скажите им...

— Аркадис, ребенок хочет кушать! — немедленно возвысил голос профессор д'Эспозито. — Как вам не стыдно!

— Дайте мне сюда этого... — потребовал Аркадий Ильич. — Я устрою ему ужин... с помощью тех методов, которые применялись в иезуитском колледже к самым беспутным воспитанникам.

— Там не применялось никаких методов! — возмущенным фальцетом завопил д'Эспозито. Он явно отвлекал огонь на себя. — Это гуманное учреждение! У тебя средневековые представления!

— Ну да! Отцы иезуиты и гуманизм...

— Сравнить иезуитский колледж с орденем иезуитов так же нелепо, как грамматику с граммофоном!

— Ты и есть старый граммофон! Болтун! — окончательно потерял академическую выдержку Аркадий Ильич. — Ты мне портишь ребенка! Ты учишь мальчика не слушаться родного деда! Это и есть твоя христианская мораль?

— Ко-о, — осудил профессора д'Эспозито возникший рядом Кригер. Но тот невозмутимо возразил директору:

— Я защищаю Витторио от твоих иезуитских методов воспитания.

— Синьор д'Эспозито! Отныне я поддерживаю с вами лишь официальные отношения.

— Можешь никаких не поддерживать. Только не кричи «Господи Иисусе», если ты такой яркий материалист...

Собравшаяся научная общественность почтительно внимала полемике двух корифеев. Но при последних словах кто-то неосторожно хихикнул. И профессор Даренский печально сказал итальянцу:

— Иди ты знаешь куда...

Профессор д'Эспозито знал. Но пошел в столовую, где рассчитывал найти Витьку и Скицына. Витька, однако, в это время сидел у Скицына в комнате, лопал из банки холодную тушенку и делал вид, что не замечает любопытно-вопрошающих взглядов Михаила. Наконец тот спросил в упор:

— Ну?

— Что? — Витька пальцем подобрал с колен мясные крошки.

— Значит, был?

— Был.

— Ну и... что?

— Что «что»?

— Вообще, — терпеливо сказал Михаил. — Как там?

— Там-то? Всяко...

Скицын явно подавил в себе желание дать жующему собеседнику подзатыльник. И сказал печально:

— Понятно. Беседовать не хочешь... Видно, там тебе уже объясняли, какой я нехороший.

— Не-е, не объясняли этого... Почти... — Витька рывком вытер губы, встал. Обошел сидевшего на табурете Михаила. Неторопливо прыгнул ему на спину, об-

хватил руками и ногами. Пообещал примирительно: — Миш, я все расскажу. Завтра. А сейчас я хочу спать... — Он зевнул прямо в ухо Скицыну.

— Обормот,— пробурчал размягший Михаил и понес непутевого приятеля на диван. Стряхнул Витьку с себя, сдернул с его пыльных побитых ног кроссовки.

Витька сонно сообщил:

— Здесь переночую.

— Иди, умойся хотя бы...

— Не-а...— зевнул Витька.

— Лодырь.

— Ага...

— Ко-о...— сказал с подоконника Кригер.

— Наш петёл везде поспел,— одобрительно заметил Скицын и пояснил: — «Петёл» по-старинному «петух».

Витька опять зевнул:

— Зна-аю... Только не «петёл» а «пéтел»...

— Откуда такая эрудиция?

— От Римского-Заболотова.

Михаил вопросительно возвел брови.

— Ну,— неохотно пояснил Витька,— того... мамино мужа. Он же специалист по всяким старым языкам... Говорят, он добром не кончит.

— За что ты его так? Сам же говорил — хороший мужик...

— Да я о Кригере,— Витька хихикнул. Вывернул шею, глянул на окно. Створки были распахнуты. Кригер, освещенный лампой, стоял на подоконнике, словно бронзовый. За ним было черное небо и очень яркие звезды.

— Вчера мы разговаривали, я и... папа...— Слово «папа» Витька проговорил с чуть заметной запинкой, но и с легким вызовом.— Ну, и он... Кригер то есть... также вот сел на подоконник, подслушивает. Папа и говорит: «Эта птица погибнет от собственного любопытства».

— Ко-о,— презрительно сказал Кригер. И канул в ночь. Внизу раздались крики: там, в кустах сирени, видимо, целовались аспирант Боря и толстая лаборантка Вероника Куггель...

3.

Пророчество Мохова-старшего исполнилось. Правда, не в те дни, а зимой, когда группа «Кристалл-2» отважилась на первый опытный прокол пространства. До максимальной концентрации энергополя оставалось полминуты, все уже были в укрытии, по бетону экспериментальной площадки мела сухая поэмка, вот тут и возник нежданно-негаданно господин Кригер. Прямо между метровыми блестящими пластинами контактов УСП — установки совмещенных полей.

— Убрать идиота! — завопил в бункере руководитель группы Румянцев.— Кыш, скотина!...— Динамики разнесли над «Сферой» этот вопль. Но в тот же миг шарахнуло разрядом, над площадкой возник и растаял обрывок летнего пейзажа с березками, а красавец Кригер бесследно растворился в небытие.

По мнению большинства (так и записали в протоколе), любопытного «петела» разнесло на атомы. Но скорбевший Скицын утверждал, что силою многомерных полей отважный Кригер перенесен в иные пространства и сейчас обитает в надзвездных мирах. Это не спасло его, Скицына, от крупного нагоняя со стороны Румянцева («Смотреть надо было за своим горлопаном!»), Румянцев же схватил выговор от директора, а сам профессор Даренский имел объяснение с Центром, ибо всеми было однозначно признано, что эксперимент провалился. Нового теперь ждать и ждать, потому что у Центра энергии не допросишься, а свои накопители «дырзавы, как ржавые чайники».

Скицын в память о Кригере вырубил из листовой латуни метровую фигуру петуха и прибил ее высоко на кирпичной стене вспомогательной подстанции.

(160)

Витька о всех зимних событиях узнал лишь следующим летом, когда вновь осчастливил деда своим появлением. Гибель Кригера Витьку искренне огорчила. Несколько минут он задумчиво стоял у стены с блестящим петушиным силуэтом. В щель между кирпичами воткнул ветку цветущего шиповника.

Да и потом не раз, проходя мимо подстанции, Витька замедлял шаг и смотрел на латунную Кригера со смесью удивления и печали.

...Но что его привело «к петуху» в тот пасмурный день, Витька так никогда и не понял. Случай? Предчувствие какое-то, интуиция? Тревога?

Тревога вообще-то была растворена в воздухе. Вместе с электричеством. С утра было душно, и над зелеными горами собирались обещающие грозу тучи. Сизый налет от них даже ложился на белые купола обсерваторских башен. Витька малость побаивался грозы, особенно если она заставала его на открытом месте. Но сейчас он стоял на площадке перед стеной с петухом и словно чего-то ждал. Вдали, над поросшими дубняком склонами, глухо грохнуло. Стало совсем сумрачно. Только латунь Кригера светилась, будто отражала невидимый фонарь. Странно это было. Ой, что-то здесь не то...

Витька поддернул свои пятнистые шорты, которые сшила ему из плащ-палаточной ткани Вероника Куггель, потрогал под коленкой «кригерову точку» (осталась навсегда и опять побаливала), почесал ногу о ногу. Этими будничными движениями он хотел прогнать непонятную нервную слабость. И все смотрел на металлического петуха.

Самый длинный зубец петушиного гребня был отогнут от кирпича и светился особенно ярко. Вдруг на нем вспыхнул огонек, похожий на пламя свечки. Вырос, превратился в желто-лиловый мохнатый шарик. Размером — с крупный абрикос. Кажется, он быстро-быстро вертелся.

«Шаровая молния,— ахнул про себя Витька.— А землянения нет...»

В таких случаях лучше не шевелиться. И Витька не двигался. И не отрывал глаз от бледно светящегося шарика. А тот... приподнялся над зубцом и медленно двинулся к Витьке. По линии его взгляда — как по струне.

Витька драпать не стал. Не смог. И даже не зажмурился. Только слабо поднял перед собой левую руку с полусогнутыми пальцами. Так в нехорошем сне защищаются от всяких страхов. Шарик повисел над рукой, отбросил несколько искорок и... медленно сел к Витьке на гиб указательного пальца.

И — странное дело: ощутив ласковое, как тополиный пух, касание, Витька перестал бояться. Во-первых, он почувал нутром, что это не обычная шаровая молния, а нечто иное. Сгусток неведомых каких-то полей, энергий и сил (здесь, на Генеральном меридиане, может быть всякое). Во-вторых, ему стало ясно, что шарик понимает и чувствует его, Витьку. И не хочет ему плохого. Наоборот, он даже готов слушаться мальчишку, как доверчивая птаха. И он, правда, послушался, когда Витька попросил его пересечь с пальца на оттопыренный локоть... А на суставе, где раньше чернела засохшая болячка, осталась пятнышко чистой здоровой кожи. Розовой, незагорелой.

«Дела-а», — осторожно обрадовался Витька. И глазами попросил шарик пройти от локтя до запястья. И шарик прошелся, смазывая царапины, ссадины и коросточки. Было ничуть не горячо, только слегка щекотало кожу и торчком вставали незаметные волоски.

— Ну, ты даешь,— сказал Витька шарик, будто приятелю. Подставил под него ладонь. Изогнулся, вывернул ногу, перенес шарик под коленку, где след кригерового клюва набухал опять красным бугорком. Шарик в несколько секунд залечил надоевшую болячку.

«Азита-90»

ку, убрал ее начисто. А заодно — и похожую на арбузное семечко родинку.

Родинку Витька пожалел — своя все-таки, привычная. Но потеря была невелика, а открытие — замечательное. Не хуже, чем путь в Реттерберг.

— Ты теперь всегда будешь жить у меня? — шепотом спросил Витька.

«Не-а...» — словно сказал шарик. Вытянулся в светлую полоску и пропал.

Витька опечалился. Побрел задумчиво прочь. Но потом его будто подтолкнуло. Он вытянул вверх палец, напряг в себе какие-то неведомые электрические жилки. И шарик-молния, возникнув из воздуха, сел ему на ногу. Это был уже другой шарик — поярче и покрупнее, но такой же дружеский и послушный.

Через несколько дней Витька умел вызывать маленькие шаровые молнии (или не молнии?), когда вздувается. Легче всего это выходило перед грозой, но если постараться — получалось при любой погоде. Бывало, лежит он где-нибудь на лужайке, закинув нога на ногу, а на оттопыренном большом пальце ступни вертится и стреляет искорками электрическое яблоко...

Один раз Витька похвалился своими новыми способностями перед Скициным. Но когда Михаил поманил шарик себе на ладонь, тот желтой стрелой метнулся в сторону и с грохотом разнес аппарат внутренней связи. Запахло изоляцией и озоном.

— Ну тебя на фиг, — сказал Скицин. — Ты, Витторио, допрыгаешься... По крайней мере, помалкивай об этом. У других все равно не получится, это только твоё.

И Витька помалкивал. Но еще одному человеку он решил доверить свою тайну. Люсе...

Люсины плечи — худые и беззащитно-незагорелые — всегда были исцарапаны колючками и ветками. Если снимать царاپины шариком, то можно как бы случайно коснуться ладонью плеча и тоненькой ключицы, над которой проклюнулась голубая дрожащая жилка. При тайной мысли об этом Витька переставал дышать от ласкового замиранья.

Люся была дочка здешнего лесничего. Их дом стоял в двух километрах от южной кромки кратера, где лежала гигантская чаша РМП — радара межпространственных полей. В прошлом году Витька с Люсей не встречался и даже не знал про нее, а в начале этого лета увиделись они в лесу. Ну, сперва, конечно, смущенно косились друг на друга, потом разговорились. А через пару дней сделались друзьями.

Хотя «друзья» — здесь неточное слово. При Люсе Витька становился кротким и радостно-послушным, а она при нем — сдержанно-строгой и рассудительной. Каждое утро Витька являлся к ее крыльцу, как на службу, готовый выполнить любой приказ. И только если слышал «извини, Витя, я сегодня занята», со вздохом возвращался в обсерваторию.

Однажды Скицин с досадой и даже некоторой ревностью сказал профессору д'Эспозито:

— Что он нашел в этой пятнистой швабре?

Люся и правда была не красавица. Костлявое бледное существо одиннадцати лет. Жидкие растрепанные хвостики бесцветных волос, перехваченные резиновыми колечками от аптечных пузырьков. А лицо... Такие лица принято сравнивать с перепелиными яйцами. Избитое сравнение, но лучшего не придумаешь. Продолговато-овальное, с равномерной россыпью коричневых веснушек.

А среди этой россыпи — бледно-зеленые не улыбающиеся глаза. Они-то, видно, и завораживали Витьку.

Но Карло д'Эспозито видел причину в другом. Он сказал Скицину серьезно и со знанием дела:

— Микель, тут не столько первая влюбленность в девочку, сколько рыцарский дух Витторио. Его душе необходима Прекрасная Дама...

Михаил хмыкнул.

— А кроме того... — задумчиво сказал д'Эспозито.

— Что?

— Мне кажется... мальчику не хватает мамы, хотя она у него и есть... А в каждой девочке дремлет материнское начало. Вспомните, как она вчера пробирала его за неряшливость и вытаскивала из волос у него репьи...

— А он таял, — вздохнул Скицин.

...Конечно, Люся сперва перепугалась, увидев шаровую молнию. Витька терпеливо уговаривал. Для убедительности храбро рассадил о ствол дуба костяшки пальцев и тут же залечил.

— Но это же свежие ссадины, — нерешительно сопротивлялась Люся. — А у меня все засохшие, старые.

— И старые берет! — Витька брякнулся в траву, задрал ногу. — Видишь, раньше прошлогодняя болячка была, а теперь где... Даже родинку слизнуло.

— Да? — вдруг оживилась Люся. — Значит, тогда и... веснушки может? — У нее покраснели уши и даже плечи сделались розовыми.

Витька сел (шарик вертелся у него над коленкой). Помогал. Насупился. И впервые заспорил с Люсей:

— Не-е... Не надо.

— Но ты же сам говоришь — не опасно.

— Да не в этом дело...

— Думаешь, не получится?

— Да пойми же ты, — тихо и отчаянно сказал Витька. — Если убрать веснушки, что останется! У тебя в них вся красота!

Он тут же перепугался: кажется, сказал не то. Но Люся... она не рассердилась. Потупилась, дернула себя за хвостик волос.

— Ох уж, красота...

— Ну, честное же слово! — обрадованно поклонялся Витька.

— Ладно... — Она шевельнула плечом с тонким крылышком безрукавого платья. — Убирай царепины...

Потом Люся уехала к родственникам в город Теплый Порт. На остаток лета. И Витька — один на поляне у старого дуба — откровенно и долго плакал: себя-то чего стыдиться. Так, с полосками на щеках и вернулся в обсерваторию. Михаил сказал прямо:

— Не убивайся. Следующим летом увидитесь опять.

— Это же вечность, — вздохнул Витька. — И вообще... через год будет уже не то...

Летом следующего года Люся уезжала куда-то с матерью, а потом отъехала в крымском лагере. С Витькой они увиделись только в начале августа.

Витька оказался прав — было уже не то.

Люся не была теперь маленькой, костлявой и растрепанной. Волосы стали гуще, и пышные хвостики их перехватывались не резинками, а зажимами в виде божьих коровок. Такие же божьи коровки висели на мочках ушей — клипсы. Видимо, Люся понимала, что эти пятнистые жучки идут ее веснушчатому лицу. Впрочем, веснушки были не очень заметны на крымском загаре.

— Наконец-то загорела по-человечески, — усмехнулся Витька, когда они встретились на южной кромке РМП. — И вообще...

— Что? — спросила Люся и потупилась.

Она выросла за год, обогнала Витьку на полголовы. Казалось бы, еще больше должна поглядывать на него свысока. Но и Витька был сейчас не такой, как раньше. Ростом, правда, остался почти прежний, а в душе... Во-первых, то ли одиннадцать с половиной, то ли почти тринадцать лет. Разница! Во-вторых, он хлебнул всяких событий в Реттерберге, владел теперь двумя языками Западной Федерации, знал жутковатую тайну прямого перехода, бывал у Башни, а в июне Рэм Погорский дал им с Цезарем тяжелые сначки — медных петушков.

Их отливали из нетускнеющей меди в стране, которой владел верховный князь Юр-Танка...

Ничего такого не знала Люся. На значок, что оттягивал Витькину рубашку, глянула мельком, не спросила, откуда такой. Ее больше занимали свои бусы и брошки. И одевалась она теперь не в потрепанные платица или комбинезоны, а так, будто с утра на праздник собирается...

В прошлом году, когда купались в озере, Люся была совсем как пацаненок, плавала в одних мальчишечьих трусиках, а в этом году Витька увидел на ней поперек груди полоску с двумя плоскими матерчатыми кружками. И опять снисходительно хмыкнул. Однако Люся не обижалась на его снисходительность, а то и на командирский тон. Ей, кажется, нравилось, что роли поменялись. Это порой удивляло Витьку. Он сам понять не мог: лучше стало или хуже?

Впрочем, как бы там ни было, а все равно дружба сохранилась, и это уже хорошо.

И утром того дня, когда они собрались в Иттадаг, настроение у Витьки было вполне лучезарное.

Детские песенки

1

В какие-то очень древние времена в ложбину среди горных складок Яртышского отрога грянулся небесный камень. Во много тысяч пудов. Ахнул так, что кратер сохранился до наших дней. В восемнадцатом веке один из открывателей здешних мест, побывавший в котловине с отрядом казаков, писал в бергколлегию:

«...А ямища сия зело обширна, кругла и склонами крута. Во глубину, ежели до уровня земли по отвесу, не менее сотни сажен, а в ширину будет более полуверсты, так что с края до края не докричишься. От верху по самую глущь заросла низким дубом, можжевельником и всячим стлаником и травами, кои по невежеству в ботанической науке назвать не умею...»

Не так давно (в год, когда родился Витька Мохов) горные бульдозеры хорошенько расчистили кратер и придали ему форму параболической чаши. Затем грузовые дирижабли уложили на склоны концентрические кольца из титановых желобов метрового диаметра. Сверху протянули через них радиусы — от центральной площадки до верхней кромки кратера. Так и возник знаменитый среди межпространственников Радар МП.

Гигантская решетчатая антенна была неподвижна. Ни вращать ее, ни менять угол не требовалось: совмещенные поля многомерных пространств, по официальной теории МП, излучали сигналы независимо от трехмерных координат.

Рядом с чашей РМП выросла обсерватория — с башнями, куполами, антеннами, жилыми коттеджами и прочим хозяйством. В пяти километрах от нее лежал поселок Ново-Яртыш — тысяч пять жителей, школа, больница, кино, станция информатория, вокзал местной железнодорожной ветки, администрация заповедника. Ибо вся Яртышская котловина считалась заповедной зоной.

Говорили, что здесь второй Крым. Витька считал, что это не так. Во-первых, близко нет моря, во-вторых, горы не такие острые. Но что-то было и в самом деле, как в Крыму, у коттеджей росли кипарисы. В апреле зацвела миндаль. И небо, если только не случилось грозы, всегда было безоблачным и чистым. Впрочем, последнее обстоятельство сотрудники «Сферы» не считали особенно важным. Несмотря на обилие телескопов, астрономией здесь занимались далеко не в первую очередь.

(162)

Наверно, правильнее было бы назвать обсерваторию не «Сферой», а «Кристаллом». Но название пошло от РМП, который напоминал внутренность зеленого полушария, выстланного серебристой радиальной сетью. Все равно неточно. Надо бы уж тогда — «Полусфера»... Витька думал об этом каждый раз, когда оказывался на краю гигантской антенной чаши...

К желобу номер пятьдесят девять Витька пробрался тайным путем, сквозь заросли у фундамента главного рефлектора. Солнце уже высоко стояло над заросшими дубняком склонами. Высушило кусты и травы, рассеяло туман. Однако в чаще сохранилась еще росистая влага. Витькина рубашка промокла, к лицу и ногам липли прошлогодние листики мелкой акации.

Отплываваясь, Витька выбрался к высокому бетонному парапету, который опоясывал весь РМП. Подтянулся, лег животом на край, потом встал на этой кольцевой стене, сложенной из блоков метровой ширины. Вздохнул и засмеялся от простора и света. Рядом переливчато свистела какая-то птица, а вся великанская чаша антенны была наполнена стрекотом кузнечиков. И запахом скошенной травы. Густой клевер и ромашки среди титановых колец и радиусов косили вручную полуголые практиканты зоотехнической службы заповедника. Солнце вспыхивало на лезвиях кос.

Верхний конец радиального желоба вделан был в парапет на одном уровне с бетоном (рядом — эмалевая табличка с числом 59). Первые несколько метров титановая отшлифованная полутруба уходила вниз почти отвесно. Витька потоптался, вздохнул, как всегда, перед «стартом». Впрочем, это — лишь две секунды. А на третьей он подпрыгнул, выкинул вперед ноги и ухнул в желоб.

Жуть падения ударила по сердцу. Почти как в тяжкие секунды прямого перехода. Свистел воздух, свистел по одежде металл. Но почти сразу Витьку прижала к титановому лотку центробежная сила. Несло его все еще очень быстро, но он уже не летел, а ехал. Наклон желоба уменьшался. Стараясь не чиркнуть о металл икрами и голыми локтями, Витька принял сидячее положение.

Витькины старенькие пятнистые шорты уже порядком обветшали, и недавно Вероника Куггелль украсила их сзади большой кожаной заплатой. Это было очень удобно для велосипеда и для таких вот «поездок». (Скицын ехидничал, что еще и для того момента, когда у деда «окончательно и полностью лопнет всякое терпение»).

Желоб звенел, воздух шумел, а навстречу Витьке... мчалась тележка-робот! Двухметровая черепаха с длинными, похожими на растопыренные крылья локаторами. То есть мчался сам Витька, а набитая нейросхемами черепаха мирно ползла, цепляя шестеренками зубчики на краях титанового лотка. Но не все ли равно!

Откуда она здесь, на радиусе № 59! Святые Хранители...

Откинувшись назад, можно пролететь под плоским днищем. Но за тележкой всегда тянется контактный шуп — толстенный конец кабеля с метелкой из медной проволоки! Доигрался, мальчик! Сейчас тебя этот хвост в свинцовой оплетке разделает надвое, как седлку...

Все эти мысли — в один крошечный миг. А потом — как он успел?! — удар правой ногой по скользящему металлу, тело швырнуло влево, темное брюхо робота чиркнуло по волосам, кабель свистнул рядом. Медной метелкой огрело по ступне, сорвало кроссовку. Витьку опять вынесло в середину желоба, перевернуло на живот. Так он и ехал — неловко растопырившись, обжигая о гладкий титан колени и перепуганно глядя на удаляющуюся тележку. Ехал все тише и,

«Аэлига-90»

наконец, уперся в край центральной площадки ногами — левой кроссовкой и правой босой ступней.

Витька полежал, глядя вверх, вдоль желоба. Тележка была уже высоко и казалась маленькой. Полосатой своей черно-желтой раскраской и полупрозрачными крылышками она издавала напоминала пчелу. Их так и называли — «пчелы»... «У, с-скотина, — мысленно сказал ей Витька. — Чуть мокрое место не оставила...» — Он передернулся, представив, как это могло быть. Чудом ведь извернулся. Видимо, сказалось умение водить уланский диск, там всюю вертишься, тренировочка...

К носу медленно подъехал сорванный кабелем башмак. Он был цел, только поцарапан. Витька сел, взялся за ступню. Кожа сбоку разодрана, будто когтистой лапой. Ладно, сейчас не до лечения. Он стал натягивать кроссовку. Царапины не болели, но сильно болела пятка. В перепуганные от страха и досады мысли вдруг влезла не к месту (или к месту?) детская песенка — из тех, что не одобряют взрослые. На мотив замедленной лезгинки: «Укусила пчелка собачку за больное место... гм... за пятку. Вот какая вышла подначка, надо будет ставить заплатку...»

Он усмехнулся: «Пчелка...» Глянул опять на тележку через плечо. «Откуда ты взялась на этом желобе?» Вот что самое непонятное и даже... страшное: откуда?

Задача тележек-роботов была улавливать пространственные связи и конфигурации, которые мгновенно и без системы возникали в точках совмещения многомерных полей. У каждой «пчелы» — свой закрепленный на схеме путь. Ходили они только по четным радиусам, да и то не по всем. А тут...

Ну ладно, перенесли зачем-то. Но ведь любой человек в «Сфере» знает, что Витька пользуется пятьдесят девятым, когда надо пересечь РМП по прямой. Конечно, это запрещено «категорически, раз и навсегда, а то больше ноги твоей не будет в обсерватории», но он же все равно катается, и всем это известно. И должны же были сказать: «Витька, не вздумай больше сгигать по пятьдесят девятому, ставим «пчелу», расшибешь башку...»

А кто поставил? Почему именно на пятьдесят девятый? Как нарочно...

Нарочно!

Обдало холодком — как в тесных улочках у Цитадели, когда рядом свистят и проносятся уланские патрули, а ты сидишь в заросшей белоцветом каменной щели, и рядом у щеки дышит Цезарь, а под рубашкой катаются колючие шарики страха. Потому что опасность — всерьез...

«Хотя Цезаренок-то ничего не боится, кроме прямого перехода... Господи, а я чего боюсь? Здесь-то! Какие-то шляпы намудрили с тележкой, вот и все... Но кто?»

Теперь он крепко разозлился. И, как всегда, страх от злости пропал. Витька вскочил, забрался на центральную площадку. Прихрамывая, пошел по гулким титановым листам. Сверху этот блестящий, диаметром в двадцать метров, круг кажется небольшой тарелкой. И Витька знал, что он в своей темно-синей рубашке — как одинокая муха на этой тарелке. Все равно кто-нибудь заметит и наябедничает деду. Но сейчас Витьке было наплевать.

По желобу номер два подошла к площадке тележка. Толкнулась о край буфером-контактом, приготовилась ехать обратно. Витька прыгнул ей на выпуклую черно-желтую спину, в тень алюминиевого крыла. Лег животом, уперся ногами в страховочную скобу. Откинул крышку аппарата контрольной связи. С размаха вдавил девятую кнопку.

— «Кристалл-два», дежурная бригада, — отозвался динамик девичьим голосом.

— Скицына позови! — рявкнул Витька в черную воронку микрофона.

[163]

«Аэлига-90»

— Ты, Витенька, поздоровался бы сначала...
— Скицына давай! Мне по делу, срочно!
— Совсем ты, Витка, охамел,— обиделся голос, но крикнул в сторону:— Их величество Витторио Первий требуют Михаила Петровича! Категорически!

— Чего тебе?— сказал Михаил через две секунды.— Пожар?

— Какие дураки посадили «пчелу» на пятьдесят девятой радиус?— со звоном сказал Витка.

Скицын сразу же понял:

— Ты живой?

— А ты видел перепуганных покойников?

— Целый?

— По счастливой случайности...

— Холера тебя носит! Смотреть надо, когда сигашь вниз башкой!

— На пятьдесят девятом смотреть? Там сроду ничего не было!

— А сейчас откуда?

— Это я тебя спрашиваю...— сказал Витка. Его опять накрыло запоздалым страхом. Тележка между тем бодро ехала вверх. Скицын проговорил:

— Ничего я не знаю... Зачем переносить «пчелу»? Да и все бы про это слышали. Разве такое сделаешь незаметно? Полторы тонны...

«А в самом деле...— подумал Витка.— А может, ночью? Бесшумным грузовым дирижаблем? Но зачем?»

— Слушай, ты, наверно, перепутал радиусы! Вечно носишься не глядя...

— Сам ты...— устало сказал Витка.

— Ты сейчас где?

— Где надо...

— Дуй домой, будем разбираться.

— Ну уж фиг!— Витка приободрился. Он словно перелил свою тревогу Скицыну и освободился от неприятного груза.— Дома я буду только вечером, потому что иду с Люсей в Итта-даг.

— Куда-куда? Опять в ту преисподнюю?

Витка захлопнул крышку и мстительно хмыкнул, представив, какой тарарам сейчас поднимется в «Сфере». И какую нахлобучку получают «новаторы», пересадившие «пчелу». Если... Если только... Да ну, чушь какая лезет в голову! Разозлившись на себя, он трахнул кулаком по спине ровно гудящей «пчелы». Потом подумал, что и самому ему не миновать вечером крупной нахлобучки. Это была мысль о привычном, и она успокоила Витку.

Тележка ползла вверх уже очень круто, Витка теперь не лежал, а стоял на скобе, держась за крышку. А когда оставалось до края метров десять, он сильно толкнулся ногами, махнул через край желоба и упал в чашу орешника. Потом, цепляясь за ветки, вылез наверх. Морщась от боли в пятке, залез на парашет. И сразу увидел, как от лесной опушки идет сквозь заросли иван-чая Люся.

Сразу все отодвинулось назад — «пчела», спор со Скицыным, глупый страх. Было утро, солнце, дорога. Витка прыгнул, пошел навстречу.

2

— Здравствуй,— сказал он, и Люся засветилась:

— Здравствуй... Ух, какой ты взьерошенный.

Витка ответил без насмешки:

— Зато ты красивая за двоих.

Она была в отглаженной теннисной юбочке, в желтой блузке с белыми горошинами и белым галстучком. На длинных ногах новенькие желтые гольфы и белые сандалетки. И улыбалась — зубы крупные и круглые, как те же горошины на блузке.

— Будто в парк собралась. Обдерешься ведь...

— А сам-то! Руки-ноги тоже...

— Меня никакие колючки не берут.

(164)

— А меня, что ли, берут? Забыл, что я дочь лесничего?

Он сказал примирительно:

— Лесная фея... Ладно, пошли.

— Напрямик через лес?

— А другой дороги и нет.

— Ох уж!

— Я серьезно говорю... Прямо по меридиану.

— Значит, строго на север? Или на юг?

— Ох, да не по тому меридиану. Вот так...— Витка ладонью рубанул перед собой.— По гироскопу. Люся вздохнула. Ничего, мол, я в этих делах все равно не понимаю...

Они перешли по пояс в траве поляну, пробрались через густой орешник опушки и оказались в полумраке под плотной широколиственной крышей. Здесь, в заповеднике, Витка до сих пор не знал всех названий деревьев. Лес был южный, среди могучих дубов и вязов стояли желтовато-серые, без коры, великаны с кружевными листьями. Их голые стволы сплетали мохнатыми канатами лианы с желтыми звездочками цветов. Чиркал по коленкам узорчатый густой папоротник и какие-то громадные ландыши. Воздух был, как в прохладной гулкой аптеке,— с валерьянкой и мятой. Кто-то шелестел и юрко шастал под ногами. Но змеи здесь не водились, шагать можно было без опаски. Люся сказала вроде бы насмешливо, но со скрытой робостью:

— Все-то ты, Витенька, сочиняешь. Говоришь, всего пять километров идти... Я тут всю округу знаю, нет такого места. И папа говорит, что нету никакого Итта-дага.

Витка прошелся по лежащему стволу — заросшему и трухлявому. Оглянулся через плечо.

— Как же нет, если мы туда идем? Просто название я сам придумал. «Итта» — это... ну, по имени одного марсианского племени. А «даг» значит «горы», «предгорья»... Говорят, в древности сюда добирались кавказские племена. Может, от них там и развалины...

— Сюда? Кавказские?

Витка прыгнул со ствола, усмехнулся:

— Ерстка...

— Что?

— Слово такое... Означает: «Может, было, а может, нет...»

— Это по какому? По-реттербергски?

— Что? — развеселился он. — Вполне по-русски... А ты же говорила, что не веришь ни в какой Реттерберг.

— Но ты-то веришь... Ай!

— Предупреждал ведь, что обдерешься. Под ноги не глядишь...

— Пусти...— Люся легко перескочила мшистую, спрятанную в папоротнике корягу. — Просто я с тобой заболталась...

— Эн ганг найт цаиг унд найт аогенданг,— назидательно сказал Витка на северном наречии Вест-Федерации...— Что означает...

— Да знаю! «На пути не мели языком, чтоб под глазом не быть с синяком»...

— Ух ты! — изумился Витка.— Откуда?

Она ответила с покровительственной ноткой, совсем как в прошлом году:

— Радость моя, зимой, когда ты грызешь науки в своем Ново-Томске, я, по-твоему, где? Здесь, в Яртышском интернате. А твои «эмигранты» где? Здесь же... От них и научилась.

— Но ведь... Их же, говорят, всех по домам разобрали,— неловко сказал Витка.

— Не всех... Да и учатся-то все равно они там, вместе... Уж будто бы ты не знал!

Витка неопределенно повел плечом.

Было дело, в прошлом августе он вывел своим путем из Южной Пищевой слободы семерых мальчишек и шестерых девчонок — маленьких арестантов

какой-то подлой тюремной школы. Кир, хозяин «Прокло- лотога колеса», сказал — надо. Отец тоже. Витька то- да еще понятия не имел ни о Якорном Поле, ни о Башне, но как поступать в таких случаях, знал не хуже Пограничников... Скандал, правда, случился немалый, и Витька всерьез поверил, что дед надерет ему уши, как «в старые добрые времена»... Но в скором вре- мени дело замяли, тем более что ребятам все равно деваться было некуда... Потом Витьке и в голову не приходило, что кто-то будет об этом случае говорить и напоминать.

Он пожал плечами: нашла, мол, о чем разговари- вать. Люся поджала губы: сам начал, не я. Тут они вышли на конную тропу. Навстречу проскакали на ло- шадях без седел трое практикантов из учебного цент- ра заповедника. Помахали руками.

Тропа вывела из леса в ложбину с луговой тра- вой и шапками кустарника. Воздух трепетал от кузне- чиков и птичьего пересвиста. Сразу обдало солнцем. Прошли шагов двести среди высокой сурепки и белых зонтичных соцветий. С заросшего дубняком склона бежал среди кустов ручей. Вернее, даже речка — ши- риной метра три. Вода была темная, но очень прозрач- ная, видны все камушки.

— Перескочишь? — без всякой задней мысли спро- сил Витька. Люся покосилась и, насупившись, стала расстегивать сандалетки.

— Стой...— Витька присел, храбро ухватил ее за спину и под колени и, выгибаясь от тяжести, ступил в ручей.

— Ай... Сумасшедший!.. Утопишь ведь...

— Ага...— И хотя ноги сводило от холода (вода- то из горного родника), нарочно затоптался посреди речки, будто теряет равновесие. Ах, как здорово она завизжала и вцепилась в него... А на берегу опять ска- зала:

— Сумасшедший.

И он опять сказал:

— Ага...

Взяли влево, стали подниматься по склону, к за- рослям. Люся, наконец, обратила внимание:

— Ты почему хромаешь?

— А... Укусила пчелка за пятку...

— В прошлом году ты был гораздо серьезнее...

— Ну и что? С возрастом все глупеют...

Началась чаща дубняка, склон стал круче. Ветки хватили за плечи. Под рубашку Витьке скатился твер- дый желудь.

— Тут тропинка, только ее не видно... Руку давай.

Она послушно дала руку, но вдруг спросила:

— Вить... А Дину ты тоже носил на руках?

— Кого? — искренне удивился он.

— Ну, Дину Ясвицкую... которую ты с теми ребя- тами привел.

— С чего ты взяла?

— Она говорила... Ты ее нес от платформы...

— Святые Хранители! Состав стоял полминуты, насыпь высокая, дождь, скользко, они продрогли. Я и один их парнишка хватили всех на руки без разбора, тащили вниз... Я даже не помню, как кого зовут!

Он говорил правду. Он помог этим ребятам и счита- л, что дело сделано. Потом он с ними почти не встре- чался. Потому что... потому что разные он и они, это было ясно сразу. Конечно, они хорошие люди, особен- но старший (Антон, кажется), но... Витьке неловко было от их какой-то сдавленности, прижатости. Наверно, по- том все у них наладилось. Теперь им хорошо, это главное. А для Витьки важны были не те, кого он вывел от туда. Важен был тот, кто там остался.

«Цезареныш...»

Никогда Витька вслух так его не называл. Ого, ска- жи-ка такое! Но издалека-то, в мыслях, можно. И Вить- ка заулыбался от наплыва радостной ласковости. И конечно, тут же толкнулось беспокойство: как он там?

(165)

А у Люси было свое на уме. И когда выбрались из дубняка к черной, горячей от солнца сланцевой осыпи, Люся отдышалась и спросила, будто слегка дурчилась:

— Вить, а ты раньше с девчонками дружил по-на- стоящему?

Он уточнил серьезно:

— Кроме тебя?

— Ну...

Тогда он глянул краем глаза и сказал покаянно:

— Что скрывать, было. В давнем детстве...

— Правда?

— Ага... Ее звали Зинаида.

3

Все ее, семилетнюю, так и звали, полным именем. И ребята, и взрослые. Несмотря на миловидное личи- ко и роскошные ресницы, была она храбрая, самостоя- тельная и твердо знала, что дети ничуть не глупее учи- телей и родителей. А иногда и умнее... Витька же в ту пору был нерешительный мамин мальчик, и что нашла в нем Зинаида, навсегда осталось непонятым.

Если бы ей просто нравилось командовать Вить- кой, тогда ясно. Однако Зинаида не помыкала маль- чишкой, как иные капризные примадонны. Она стар- ательно тянула Витьку «до своего уровня». Учила — серьезно, без насмешек — давать сдачи обидчикам, не бояться лазать по деревьям и прыгать в крапиву, спо- рить с учительницей, свистеть сквозь дырку от зуба и делать вид, что тебе весело, если на самом деле страшно. Может, ей нравилось, что он такой доверчи- вый и послушный? Нет, что послушный, не нравилось. Однажды она вскипела:

— Ну что ты такая тютя! Мигаешь и молчишь! Хоть бы подрался со мной!

— Зачем? — тихо спросил Витька.

— Ну нельзя же быть таким синеглазым облизан- ным теленком!

«Синеглазый облизанный теленок» — это показалось оскорбительным. Витька подумал, вздохнул и стукнул. Она обрадованно треснула его по носу. Неведомые до- селе чувства освободили в крайне обиженном перво- класснике Мохове какие-то пружины: он коротко, без слов, взревел и кинулся в бой. И они подрались бур- но и от души. В школьном буфете. И были достав- лены в кабинет директорши, где после всяких грозных слов и поучений последовал приказ — мириться! Но мириться при директорше они не стали и покинули кабинет, показав друг другу кулаки.

Мир был заключен позже, после уроков — креп- кой и радостной. Зинаида храбро чмокнула Витьку в щеку и велела ему сделать с ней то же самое. И там, в уголке школьного весеннего сквера, по циклолотку в рыхлом снегу, они обещали друг другу «быть как сестра и брат».

С той поры Зинаида смотрела на Витьку, как на равного. Но все же она была умудреннее в разных житейских делах. Чтобы Витька не отставал в разви- тии, она по-дружески посвящала его во всякие тайны. Так Витька узнал, например, что далеко не все мла- денцы вырастают в пробирках в Институте охраны раннего детства. Наоборот, случается это довольно редко, а чаще всего они при известных обстоятельствах заводятся в маминых животах, откуда и появляются на свет.

Витька поверил Зинаиде, но, потрясенный этим сообщением, решил уточнить подробности у мамы. И был большой крик, «чтобы ты больше не смел близ- ко подходить к этой испорченной девчонке!» И, мало того, мама пошла к учительнице. А учительница, погля- дев на бледного Витьку и потом на маму, доверитель- но спросила:

— А что, он у вас в самом деле пробирочный? Мама увлекла несчастного Витьку за руку из учи-

«Зинаида-90»

тельской почти по воздуху и заявила, что переводит его в другую школу.

И вот тут послушный и воспитанный мальчик Витя впервые устроил бунт. И объявил голодовку. Конечно, это был запрещенный прием. Но безотказный. Того, что «ребенок ничего не ест», мама боялась больше, чем всех испорченных девочек на свете.

— Изверг... Кто мог подумать, что в тихом омуте вырастет такое чудовище? Впрочем, понятно, в кого...

Тот, «в кого» было у Витьки все нехорошее, уже тогда жил отдельно от семьи. То в университетском поселке, то в «Сфере»...

Так или иначе, Витька выиграл сражение. И даже не поехал в летний лагерь, чтобы в каникулы быть с Зинаидой.

Они жили недалеко друг от друга, играли на пустыре позади остановленной стройки химкомбината. Иногда с ребятами, иногда вдвоем. Друг с другом им ни разу не было скучно. Даже если совсем нечего делать, можно просто сидеть в оконном проеме недостроенного цеха, качать ногами, болтать о чем-нибудь или петь всякие песни. А была еще такая забава: вытаскивать две гибкие доски из оставленного на стройке штабеля, вставят их одним концом в щели между бетонными блоками в метре от земли, а на другой конец прыгают сами — каждый на свою доску. И качаются, летают вверх-вниз друг перед другом. И хохочут. Или опять поют. Надо сказать, у Зинаиды был голос чистый и звонкий, да и у Витьки хороший дискант...

И вот так они однажды качались и пели. И поскольку была вокруг солнечная пустота и полная независимость от всяких запретов, пели они песню о Жучке, известную всем с детского возраста. Вдохновенно и трогательно:

Укусила пчелка собачку
За больное место...

Далее без церемоний называлось пострадавшее собачкино место и описывались мучения Жучки, атакованной вероломным насекомым. Ясные детские голоса выводили в тишине почившей стройки:

Стала Жучка охать и плакать...
«Как же я теперь буду...»

Но тут Витькин дискант осекся. И Зинаида в солидном варианте закончила куплет, повествующий о горестных сомнениях многострадального животного. Ибо она качалась спиной к тропинке и не видела возникших там прохожих.

Прохожие эти были полный очкастый дядька и Витькина мама.

— Атас... — пискнул, наконец, Витька.

Зинаида по-балетному повернулась на носочке, сканнула в лебеду, сделала Витькиной маме и незнакомцу книксен:

— Здравствуйте... Витечка, я пойду, вечером поговорим, как дела.

Это не было малодушием и дезертирством. Это был реальный учет обстановки: помочь Витьке она все равно не могла и своим присутствием лишь сильнее раздосадовала бы его маму.

— Та-ак... — сказала мама. — Иди сюда. — И поскольку Витька стоял, как прибитый гвоздем, подошла сама. — Вот он, полюбуется, Адам Феликсович... Я же говорила, что искать его следует на пустырях и помойках. Но я, по правде говоря, не ожидала, что он уже освоил такой... помойный репертуар... — В голосе мамы что-то стеклянно подрагивало...

— Да помилуйте, Кларисса Аркадьевна! — весело возгласил мамин спутник. — Это же детское устное творчество, оно корнями уходит в эпоху феодализма! Целый пласт нашей фольклористики, пока еще почти не тронутый...

— Ах, пласт... — Красивая интеллигентная мама выдернула стебель чертополоха и верхушкой огрела пещца по ногам, а козлем по шее (за шиворот посыпались крошки).

(166)

— Кларочка, что ты делаешь! — Широкий Адам Феликсович быстро заслонил Витьку. Покрасневшая мама сказала:

— Одно к другому. Пусть и воспитательные приемы уходят корнями в феодализм... — Она выпустила чертополох и отряхнула пальцы. — Жаль, что сбегала эта красавица... Чтобы я ее рядом с тобой больше не видела! Предупреждаю последний раз!

— Не буду обедать, — быстро сказал Витька из-за локтя Адама Феликсовича.

— На здоровье! Можешь заодно не завтракать и не ужинать...

— И не буду... — сообщил Витька менее уверенно. — И... помру.

— Не успеешь. Отправившись в круглогодичный интернат, где из тебя быстренько сделают человека.

Витька заложил руки за спину и наклонил голову.

— Это при живых-то родителях?

— Одному родителю до тебя нет дела, а второго... меня то есть... ты скоро вгонишь в гроб!

Витька был уже искушен кое в каких жизненных ситуациях. Посмотрел на маминого знакомого, на маму.

— Понятно... Значит, третий — лишний, да?

— Виктор!

Адам Феликсович ухватил Витьку за плечи, прижал спиной к своему круглому животу, который весело колыхался.

— Кларочка! Этот гениальный ребенок попадет в интернат только через мой труп! А сделать из меня труп не так-то легко.

...Вечером Зинаида спросила:

— Думаешь, поженятся?

— Факт.

— Ну и дела... Знаешь, Вить, ты им не мешай. Пусть...

— Да я и не мешаю, пока... А дальше видно будет...

— А отец-то навещает?

— Ага... нечасто. Почему-то он всегда грустный какой-то.

— А чего ему веселиться, — сказала мудрая Зинаида.

Новый мамин муж Адам Феликсович Римский-Заболотов и Витька зажили вполне по-дружески. Не то чтобы Адам очень нравился Витьке, однако нравилось то, что он не лезет в отцы и воспитатели. Ко всем жизненным сложностям отчим относился легко и без «лишних мудростей». Такой подход не всегда устраивал маму, но это уже другой вопрос. Зато дружить с Зинаидой она больше не запрещала. Да и недолгий срок отпустила этой дружбе судьба.

Осенью Зинаидиною отца перевели в какой-то НИИ в Харьков, и она уехала вместе с родителями. Ну, погустили оба, попереписывались немного, несколько раз говорили по видеку. А потом... жизнь есть жизнь, у каждого своя. Но, конечно, Витька был рад всегда, что на восьмом году этой жизни повстречалась ему Зинаида. Да и та, наверно, была рада...

— Дружил, — вздохнул Витька. — Только это у-у-у когда было... Осторожно! — Он дернул Люсю за руку. Сверху со стуком ехала маленькая лавина сланцевых плиток. — Тут глядеть надо.

— Я здесь, оказывается, и не бывала ни разу.

Склоны были теперь безлесными. Осыпь кончилась, справа и слева торчали скалы, похожие на громадные серые клыки. Между ними сновали какие-то пестрые птички с хохолками. Перекликались: «Черр... черр...» Скоро скалы — темные, ребристые — обступили со всех сторон. Этакий гигантский «сад камней». Люся смотрела уже с беспечностью:

— Вот странно. Будто и не рядом с домом, а где-то... Это и есть Итта-даг?

— Не совсем еще. Но близко...

— Жарко. Жаль, фляжку не взяли.

— Здесь рядом родник.

Скоро скалы выстроились в два ряда. Казалось, что Люся и Витька идут между развалинами крепостных стен. Слева в толще дикого известняка вдруг видна стала искусственная кладка — стенка из желтоватых пористых камней, а в ней маленькая сводчатая ниша. Там из каменного желоба падала стеклянная струйка.

Люся радостно взвизгнула, прыгнула вперед, подставляла ковшиком ладони. Уткнулась в них губами. Потом повернула к Витьке мокрое веселое лицо:

— Холодная какая... — Смахнула на него брызги с ладоней, засмеялась.

Витька тоже напился. От ледяной воды ломило руки и зубы.

Люся присела на плоский камень.

— Отдохнем чуть-чуть, ладно?

Витька спиной прислонился к теплому известняку. Сказал снисходительно:

— А говорила — не обдерешься. Вон дырки-то...

Люсины желтые гольфы были порваны в нескольких местах.

— Подумаешь... — равнодушно отозвалась она. «Устала», — с беспокойством понял Витька.

— Ой... — Люся вдруг потянулась к травяному кустику с мелкими желтовато-белыми цветами. — Я таких не видела.

— Не рви! — вскрикнул Витька.

— Я не рву, что ты. Просто смотрю...

Витька объяснил, будто извиняясь:

— Они редкие.

— Реликт?

— Не реликт, но все равно редкие. Только здесь растут... — Он сел перед кустиком на корточки. Листья были мелкие, как зеленые чешуйки. У каждого цветка пять лепестков, каждый лепесток — будто крошечная растопыренная ладошка. Витька сказал:

— Они называются «андрюшки».

— Почему? — Люся, кажется, повеселела.

— Ну... так. Бывают васильки, анютины глазки, а эти — андрюшки.

— Ты, наверно, это сам придумал. Как Итта-даг...

— Не-а...

«Андрюшек» придумал Цезарь. Ранним летом Витька выпросил его у родителей на два дня и привел сюда. Это случилось единственный раз, потому что путь через Окружную Пищевую не близкий, а прямого перехода Цезарь не знал. И знать не хотел, боялся. Однажды он виновато и прямо признался в этом Витьке.

До той поры Витьке было известно, что Цезарь Лот боится в жизни лишь одного: что опять арестуют мать и отца. Но после судебной реформы и отмены обязательных индексов не так-то просто было в Западной Федерации кого-то арестовать. Особенно всем известного штурмана Лота.

...Витька выпрямился.

— Люсь, может, пойдём? Недалеко уже. Скоро остатки крепости, там в фундаменте щель и подземный ход...

— Ой...

— Не бойсь, — дурашливо сказал Витька,

Храм без купола

1

Каменный коридор был высокий, но тесный, не шире метра. Он полого уходил вниз, под толщу горного склона. Почти сразу стало темно. Витька вынул из нагрудного кармана плоский фонарик-зеркальце. Эта штука работала без батареи, от тепла руки. Слой по-

(167) хожих на бисер микролампочек давал рассеянный, но яркий свет. «Зеркальце» Витька держал в левой руке, а правой взял Люсю за холодные пальцы. Она молчала.

Стены и ствол были грубо выбиты в камне, но пол устилали ровные плиты. Кое-где даже со следами стершегося узора. Было сухо и чисто, словно только что подмели. И запах — словно не в подземелье, а от камней, согретых солнцем.

Но скоро стало прохладно. Люся передернула плечами. Вниз повели крупные, плохо отесанные ступени. Витька знал — их шестнадцать. Потом опять пошел наклонный туннель.

Дыхание слышалось громко, а слова, наоборот, почему-то вязли в глухоте коридора. Люся сказала виновато:

— Мне под землей всегда не по себе... Кажется, будто она оседет и навалится.

— Тыщу лет не оседала, а теперь вдруг, как нарочно, да? — очень бодро и насмешливо отозвался Витька.

— Вить, а кто это вырыл?

— Точно не известно... То есть вообще ничего не известно.

— А ученые-то что говорят?

— А они ничего не знают про это. Не добрались сюда.

— Почему? Это же совсем рядом!

— А то, что рядом, их мало волнует, — уклончиво сказал Витька. — Потрошат и атомы, и галактики, а простых вещей до сих пор не знают.

— Каких, например?

— Ну... например, почему человеку ни с того ни с сего бывает то весело, то грустно... Или почему сосульки вкуснее мороженого.

— Да ну тебя, я серьезно...

— А я, думаешь, нет?

— Ай!.. — Люся дернулась назад. Из глубины коридора кто-то смотрел широко расставленными глазами.

— Не бойся, — Витька потянул ее вперед. Коридор уперся в стену. На стене была мозаика — большой портрет старого человека с прямыми седыми волосами. Человек положил узловатые пальцы на широкую перекладину меча, подбородком уперся в головку рукояти и устало, но пристально смотрел на подошедших. Белки его глаз были выложены из кусочков перламутровых раковин и белели свежо и чисто. А зрачки — глубокие и грустные. Глаза — в темных впадинах, да и все лицо темное... Местами тускло-цветные камешки мозаики осыпались, одна щека совсем исчезла. От этого лицо казалось еще печальнее. Но суровости в нем не было.

— Это кто? — прошептала Люся.

— Наверное, один из Хранителей...

— Кто?

— Это... ну, понимаешь, есть такие легенды всякие, истории... О людях, которые спасали и защищали других людей. В общем, о тех, кто всю свою жизнь этому отдали. В некоторых странах они считаются как святые, им даже храмы строят.

— Никогда не слыхала...

— Услышишь... если захочешь...

Каким-то нехорошим получился этот ответ — с излишней важностью и хмуростью. И Витька сказал уже иначе, веселее:

— Скорей всего это портрет Первого Командора. Он жил в древности на каком-то средиземном острове. Он считается главным Хранителем детей... Вот, значит, и нас с тобой. Годится?

Люся отозвалась без улыбки:

— Какой-то... неласковый... Но все равно интересно.

— Здесь еще в тыщу раз интереснее будет! Пошли!

Слева был прямоугольный проход. И опять не-

сколько ступеней вниз. И там — большая квадратная комната.

— Ох... — выдохнула Люся, и это «ох» разнеслось под высоким сводчатым потолком.

Здесь не было полного мрака. В полукруглые, прорезанные у потолка окна проникал желтоватый рассеянный свет — словно много раз отраженные и потерявшие силу солнечные лучи.

— Вить, откуда это? — Люся недоуменно смотрела вверх. — Мы же под землей!

Он сказал как можно беззаботнее:

— Я тоже думал: откуда? Потом догадался. Наверх идут каналы, они выложены стеклом или перламутром от раковин. И получают световоды. Древние строители много хитростей знали...

Витька придумал это объяснение на ходу. Едва ли были какие-то каналы. И откуда свет — неясно. Витьку, однако, эта неясность не пугала, он видел и не такое. А Люся боится непонятного, пусть думает, что световоды. Пока...

— Смотри, сколько тут всего! — Зеркальцем-фонариком Витька повел по стенам. Сумрачные фрески расцветали на свету. Переплетенные деревья, белые птицы, размахнувшиеся на полстены крылья; вздыбленные кони, воины среди зубцов крепостной стены. И лица — старые и совсем детские (но все равно неулыбчивые)...

— А вот опять Хранитель...

Высокий безбородый старик — с тем же мечом, что на первой мозаике, в темно-вишневом плаще, стоял среди сумрака и созвездий. Прямой, со сжатым ртом. Одной рукой опирался на меч без ножен, другую выкинул над собой — ладонью вверх и вперед. Он будто останавливал какую-то идущую из пространства опасность.

Старик защищал не себя, он держал руку над мальчишкой.

Мальчик — худенький, с проступившими под кожей ребрами — был беззащитен в своей наготе, как бледно-желтый росток на крошке гранитного обрыва. Но он не боялся. Он верил в оберегающую силу Хранителя. Он, в отличие от всех других, кто здесь был на стенах, даже слегка улыбался. Лицо мальчишки было запрокинуто. Встав на цыпочки, он тянулся вверх и пальцами сплетал над головой свои ладони. Словно прикрывался от невидимых лучей и в то же время стремился им навстречу.

— Красиво... сделано, — скованно сказала Люся. И Витька догадался: ей неловко при нем смотреть на голого мальчишку, хоть это и картина.

Кое-где кусочки мозаики вывалились, и тело мальчика словно пробито было кубическими пулями. Но он все равно был беззаботный и живой.

— Гляди на его руки, — быстро сказал Витька. — Видишь, как они соединяются? Одна ладонь вверх, другая вниз. Это символ кольца Мёбиуса.

— Да?

— Да... Древний знак соединенных пространств.

— Красиво, — опять сказала она. И добавила, помолчав: — Древние люди были настоящие мастера, верно?

— Еще бы! Они уже тогда знали, что здесь Меридиан. Поэтому и поставили обсерваторию.

— Я думала, это храм.

— И храм, и обсерватория... Пойдем. — Он потянул ее за руку, уловив еле ощутимое сопротивление. Впрочем, тут же она шагнула следом.

За коротким коридором было еще одно помещение. Вот уж действительно храм! Большой восьмиугольный зал. Точнее, квадратный, но со срезанными углами — четыре стены широкие и четыре узкие. В узких были прорезаны окна-щели, в них тоже сочился отраженный от камней свет. Широкое, как желтое одеяло, пятно от фонарика опять пошло по стенам, выхватывая лица, крылья, лошадиные головы и складки одежды.

Потом в нише у самого пола заблестели громадные стеклянные колбы. Разбитые.

— Здесь были большие песочные часы...

— Жаль, что разбились, — послушно сказала Люся. — А там что?

В другой нише отражала желтые блики метровая медная дуга с делениями, а рядом лежало черное, видимо, чугунное колесо.

— По-моему, это старинный гироскоп... — Витька хотел еще объяснить, почему он так думает и что такое гироскоп на Генеральном меридиане.

— А-а... — сказала Люся и посмотрела вверх. Витька повел туда фонариком. Стены, сужаясь, переходили в сводчатый потолок. Однако в центре храма потолка не было — пространство уходило вверх широкой цилиндрической пустотой. Как в церкви с круглой башней, увенчанной куполом. Но от края зала, от стены, всю внутренность башни и купола было не разглядеть. Видны были только нижние края узких окон, в которые шел все тот же нерешительный полусвет.

— Высотища, — вздохнула Люся.

— Да. Теперь идем, — Витька решительно повел ее к центру. — Смотри под ноги, не записнь.

Посреди храма поднимался круглый постамент из камня. Высотой Витьке до колен. Или телескоп здесь когда-то стоял, или, может, статуя Хранителя... Витька вспрыгнул, потянул Люсю. Она ойкнула: оказывается, шла с закрытыми глазами.

— Теперь смотри вверх.

Витька ожидал, что она вскрикнет. Или хотя бы охнет негромко. Но она только прижалась к его плечу. Помолчала и спросила шепотом:

— Вить, а как это сделано?

Он слегка отодвинулся.

— Это не сделано. Это по правде...

2

Купола не было. Вместо него — небо. Высокое, густо-черное, как в середине августовской ночи. С россыпью переливчатых далеких звезд.

Далеких — но по-разному. Одни виднелись просто далеко, другие — в страшной космической глубине. Некоторые, казалось, вот-вот взорвутся от избытка своего белого или голубого света. Но таких было не очень много. Больше — просто ярких. И не очень яркие были. И совсем крошечные искорки, они еле проклевывались сквозь великое пространство космоса. А всех вместе — громадное множество. Кое-где клочками светлого дыма висели звездные туманности...

— Но мы же под землей... — тихо, потерянно сказала Люся.

— Ну... мы-то да... А храм уходит вверх. Сама видишь, какая высота.

— Но сейчас же день...

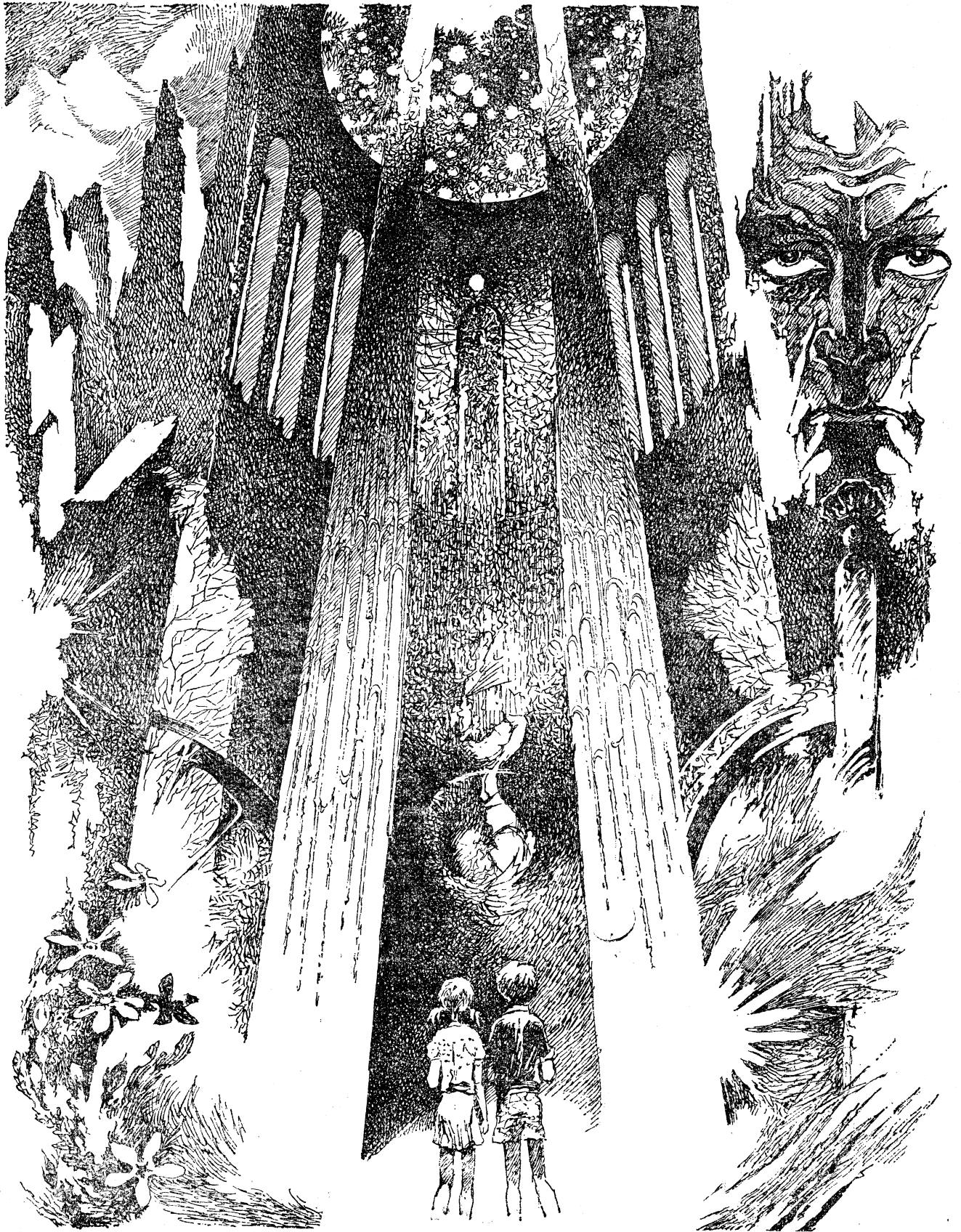
В окна-щели по-прежнему сочился неясный свет очень далекого отраженного солнца. А над этими окнами — чернота ночи и праздничный блеск созвездий.

— Видишь ли... — Витька подавил в себе неожиданный толчок досады. — Это... наверно, эффект колодца. Слышала, что со дна колодца можно увидеть звезды?

— Кажется, слышала... Но здесь же не колодец. Вон как широко...

— Ну и все равно... Сама видишь.

Конечно, про колодец — это ерунда. Ни другим, ни себе Витька не мог бы объяснить, почему здесь видно звездное небо. По силам ли ему, пацану-шестикласснику, разобратся во всем, что происходит на стыках граней Кристалла и в витках многомерного Со-предела? Но кое о чем рассказать он все-таки мог. Про Генеральный меридиан, про споры о Мёбиус-векторе, который указывает путь с грани на грань. И про сам Кристалл Вселенной, где каждая из бесчисленных граней — целый мир. А главное — про переходы из

одного такого мира в другие. Туда, где живут друзья. Пограничники...

Он и хотел рассказать про это. Еще недавно хотел. Когда шли сюда...

А что мешает сейчас? Да ничего... только... Почему она такая сделалась?

— Ты боишься? Люсь...

— Я? — сказала она чуть удивленно. Не опуская лица, мотнула головой. — Нисколько.

И не должна. Ведь локальный барьер у осыпи она прошла, не моргнула. Скицын, и тот застрял при первом разе, а она даже не заметила...

Люся по-прежнему смотрела вверх. Потом, не опуская лица, шагнула вперед, соскочила с постамента, села, все так же глядя в небо. Сказала тихо:

— Смотри-ка, они движутся...

— Конечно! — обрадованно отозвался Витька. Сел рядом. Осторожно, почти незаметно звездное небо перемещалось в черном круге. Справа налево. — Гляди, сейчас появится... пятнышко такое... Вон, у синей большой звезды!

— Вижу... Это что, спутник?

— Какой же спутник! Приглядишься внимательно. Оно как завиток, спираль... Видишь?

— Кажется, да.

— Это галактика Гельки Травушкина.

— Кого?

— Мальчик был такой... В дальних краях. Он однажды порвал темпоральную петлю, чтобы спасти друзей...

— Что порвал?

— Ну, кольцо времени. Есть такое физическое понятие. Он для этого взорвал рельсы на мосту. И сорвался, упал.

— Разбился?

— Он... понимаешь, он ударился о планету. И родилась новая галактика.

— Это легенда?

Витька повел плечом.

— Какая же легенда... если галактика вот она...

— А этот мальчик... он, значит, погиб?

— Наверно, он ожил в этой, в своей галактике. Она же его. Так Юкки говорит...

— Кто?

— Мальчик один, путешественник. Он ходит по всем... дорогам, знает кучу историй.

— Как он ходит по дорогам? Один?

— Иногда один, иногда с сестренкой.

— А кто их отпускает путешествовать?

— А кого они спрашивают! — вырвалось у Витьки.

Люся вздохнула. Зябко шевельнула плечами, хотя было не холодно. Витька понял, что ей кажется, будто сверху дышит сам Космос. Она согнулась, натянула до отказа гольфы — так, что они закрыли колени, потом попыталась натянуть сильнее и белую измятую юбочку. Поежилась опять, ухватила себя за локти.

Вот тут бы взять ее ладонями за плечи, придвинуть к себе. Ну, честное слово, без всяких мыслей о любви и объятиях и о всякой чуши, просто чтобы ей стало теплее от его рук. Не посмел. Почему? Сгрел ведь недавно в охапку и перетащил через ручей без всяких церемоний. А сейчас... Нет, ему мешала не мальчишеская робость, а что-то иное. То же, что мешало начать разговор о пространствах и Пограничниках...

Витька положил себе фонарик на колено — чтобы не гас без тепла. Стащил через голову рубашку, накинул Люсе на спину, как плащ, рукавами вперед. Тяжелый медный петушок царпанул ему ладонь.

— Вить... — вдруг вздохнула Люся. — Я за тебя боюсь.

— Да брось ты, мне не холодно, у меня еще майка.

— Я не про то...

— А про что она? Ведь он же ничего еще ей не

рассказал. Почему-то опять вспомнилась «пчела». И мохнатый шарик страха прокатился по спине. Витька спрятал тревогу под мурой шуткой:

— Разве я тебя за этим сюда привел?

Она промолчала, но будто спросила: «А зачем?»

Гелькина галактика уже ушла за край круга. Теперь в его центре висела маленькая, с аккуратным хвостиком комета...

— Посмотри, — сказал Витька с последней надеждой.

— Да... Забавная такая. Как на картинке.

— Я не про комету. Просто на звезды посмотри. Подольше... Похожи на что-нибудь?

Она смотрела целую минуту. Старательно.

— На огоньки. На искры... Они же разные...

Цезарь, тот увидел почти сразу. Если глядеть пристально, скоро многие звезды делались похожими на далекие-далекие светящиеся окна. Такие, как в маленьких домах, на окраине старого города. С переплетом в виде буквы Т...

Но сейчас Витька смотреть не стал. Все равно свои глаза другому не подаришь... Он решительно взял Люсю за кисти рук.

— Пойдем... Ух, замерзла-то, вся в гусиной коже.

Она не спорила. Только с какой-то мыслью свела брови и прикусила губу.

Вверх шли быстро и поднялись очень скоро. День ошарашил их своим жаром и светом. Люся зажмурилась, заулыбалась. Бросила на траву рубашку. Витька поднял, отцепил петушка. Скрутил рубашку жгутом, подпоясался. Значок приколот к майке, а фонарик стал заталкивать в карман на шортах.

— Откуда он такой? — спросила Люся с виноватой ноткой. — Никогда раньше не видела.

— Так... подарок.

Фонарик подарил Цезарь, здесь таких не делали.

— Знаешь, Вить, было очень интересно... — нерешительно сказала Люся. — Только я ужасно боюсь подземелий. Даже в погреб стараюсь не лазить лишний раз.

— Ничего. Все уже позади, — хмыкнул Витька.

— Может, ты жалеешь, что взял меня сюда? Или боишься, что разболтаю?

— Ни капельки, — искренне сказал он. Потому что знал: никто без него не найдет сюда дорогу. — Ладно, пошли...

— Ой, а ты опять хромаешь.

Нога снова болела.

— Ерунда. Я же говорю: стукнулся пяткой...

— Может, вылечишь ее... своим шариком?

— Неохота возиться. Почти не больно, дохромаю до дома.

— Дорога-то все-таки длинная...

Витька поморщился, Люся замолчала.

Наверно, она думала, что он злится или обижается. А он — ни то, ни другое. Просто было скучно. Так бывает иногда среди затянувшейся игры. Вдруг понимаешь — все надоело. Кругом по-прежнему бегают, шумят, веселятся, а тебе уже не хочется. И знаешь — сегодня больше ничего интересного не будет. Лишь пустой вечер перед сном...

Чтобы спрятать эту скуку, Витька сказал бодро:

— Длинной дороги не бойся! Я ведь хитрый. Сейчас перевалим через горку, а там шоссе и автобусы, через Яртыш идут. Остановка у самой «Сферы».

— Ой... а почему сюда не поехали на автобусе?

— Для пущей романтики. Чтобы путешествие...

Не объяснять же теперь, что такое локальный барьер и почему в Итта-даг можно пройти лишь у осыпи...

«Горка» оказалась ничего себе, забирались минут двадцать. Опять через дубяк и всякие колючки. Люся еще больше обтрепала юбочку и блузку. Но лезла за Витькой послушно и неумоимо.

Для спуска нашли удобную тропинку. И скоро стоя-

(170)

«Аэлита-90»

ли на обочине теплой от солнца бетонки, рядом с решетчатым павильоном автобусной остановки «Солнечные часы».

Сами часы видны были через дорогу. Низкий гранитный доколь, на нем трехметровый наклонный круг с медными ликами солнца и месяца, черные числа и блестящий, как меч, треугольный перпендикуляр из нержавеющей стали. Тень от него лежала между цифрами 4 и 5.

— Смотри-ка, уже половина пятого! То-то я такая голодная!

— Часы неправильно поставлены,— глядя вдоль тракта, сказал Витька.— Сейчас ровно четыре. То есть шестнадцать.

— Ох уж! Откуда ты знаешь?

Витька кивнул и молча показал зеркальце. Под бисерным слоем микролампочек светилось красное чуть размытое число 15.59 и прыгали, торопясь к ногам, секундные цифры.

— Подумаешь,— притворяясь беззаботно-упрямой, зевнула Люся.— Может, как раз у тебя неправильно. Элементы сели...

— Здесь нет элементов... Не веришь мне, поверь петуху. Петухи всегда в четыре часа пополудни орут. Слышишь?

— Не слышу...

— Да ты что! Вон там, за деревьями!

Из-за росших вдоль тракта разлапистых кленов, от какого-то недалекого поселка долетел отчетливый петушиный крик.

— Не слышу,— снова сказала Люся.

Петух опять веселым штопором ввинтил в воздух свой сигнал.

В воздух? Или...

Люська же вот не слышит...

А может, и правда снова удрал от Филиппа, сидит под колоколом и орет на всю... на весь Кристалл?

А если не удрал? Если — нарочно?

Черт, здесь никогда ничего не узнаешь. То ли дело в Реттерберге...

«Ты врешь,— сердито сказал себе Витька.— Тебе просто хочется туда. Раньше обещанного срока... Дед опять будет ругаться, а отец скажет: «Какая тебя муха укусила...»

«Ага, укусила... Пчелка за пятку...» И сразу — жуть воспоминания: летящая навстречу машина тележки, рубящий пространство кабель... А если все это связано? Петух, «пчела», непонятный страх?

Витька зажмурился, вздохнул, словно вновь пропуская над собой стремительную тяжесть робота.

«Да при чем здесь «пчела»? Это же просто дурацкий случай... У тебя, Витторио, кислое настроение, потому что не получился там, в храме, разговор. А к такому настроению все дурацкие мысли и страхи клеятся...»

А петух, еле слышно, далеко, но все еще кричал. «Но я же боюсь не за себя,— понял Витька. И посмотрел на Люсю.— И не за нее. Она здесь тоже ни при чем...»

— Люсь, часики все-таки точные,— сказал он твердо.— Хочешь на память? На, держи...— Он вложил зеркальце ей в ладонь. Да, это был подарок Цезаря, а подарки отдавать другим не полагается, но сейчас ничего другого Витька придумать не мог. Чем-то надо было заглядеть вину перед Люсей. Ведь то, что он сделает через минуту, будет плохо. Обидно для нее, непонятно.

Она смотрела и радостно, и неуверенно:

— А... почему? Я же...

— Надо,— вздохнул он. Желто-красный автобус из трех сцепок уже подкатывал, шипел тормозами.

Витька потянул Люсю к сложившейся в гармошку двери, пропустил вперед, подтолкнул:

— Давай...— И сам отскочил назад.— Сойдешь у «Сферы», забеги к Скицину, скажи: Витька уехал на два дня. Миша поймет...

Люся испугалась по-настоящему:

— Куда ты?

— Срочно надо. Потом объясню.

Она качнулась к нему из двери. Но он вскинул скрепленные ладони: «Все! Решено!»

И дверь шумно задвинулась, и автобус зашипел, приседая на шинах и набирая ход. И ушел, оставив мальчишку в пустоте жаркого дня. Петуха уже не было слышно, зато в траве у обочины ободрающе трещали кузнечики.

Витька прищуренно глянул через дорогу. Правее солнечных часов деревья словно таяли, размывались в воздухе. В открывшемся дымчатом пространстве косо торчал угол зеленоватого трехэтажного дома с квадратной башенкой над карнизом.

«Значит, правильно. Все, как надо...»

Этот дом с обшарпанной штукатуркой, ржавым флажком-флюгером на шпилье башенки и мятой трубой водостока возникал везде, где Витьку наступало неодолимое желание оказаться там. И Витька знал, что позади дома, за разваленным каменным забором идет по ложбине грузовая рельсовая линия, которая потом выходит на Окружную Пищевую. Надо только дожидаться состава, который на подъеме «пых-пых», догнать заднюю платформу...

Стараясь не ступать на большую пятку, Витька перебежал горячий бетон, потом жесткую траву обочины. С размаха уперся ладонями в зеленую штукатурку. Отдышался, посмотрел назад. Не было тракта, часов и остановки. Были старые дома Рыночного пригорода, кирпичная башня церкви Смирненных искателей. Пыльные заросли стрелолиста.

У мусорного контейнера сидел мирный окраинный пес клочковатой реттербергской породы. Взглядом спрашивал: «Ты мне что-нибудь дашь?»

Витька развел руками:

— Извини, сам лопать хочу, да ничего нет.

Пес извинил. Помахал хвостом. Негромко, далеко еще, прогудел грузовой локомотив.

Пробитое стекло

1

Товарный состав неспешно ехал по высокой насыпи через болотистую равнину. Над круглыми грудками кустов, над камышами и зеркальцами воды сновали темно-серые птички. Может быть, кулики?.. Витька сидел на порожнем ящике у левого борта платформы. Эта задняя открытая платформа была пуста, лишь перекатывалась туда-сюда гулька жестяная канистра.

Слева и впереди открывался Реттерберг. Белые с разноцветными крышами коттеджи предместий, за ними блестящее на солнце стеклянное многоэтажье. Зеленая гора со старинной крепостью, иглы антенных вышек, маленькие на фоне небоскребов колокольни и средневековые башни...

Болото кончилось, потянулся луг. Насыпь стала делать плавный поворот, путь пошел на подъем. Состав сильно замедлил ход. Витька перебрался на подножку и прыгнул. Съехал на кожаной заплате по ровной траве откоса. И пошел через луг, путаясь кроссовками в низком клевере и раздвигая стебли высокого пряника — похожего на иван-чай, но с белыми цветами, которые разбрасывали густую пахучую пыльцу. Летали бабочки, что-то звенело в траве.

...После судебной реформы, скоропалительно проведенной правительством Западной Федерации, после всеобщей амнистии и отмены обязательных биоиндексов отец перебрался из таверны «Проколотое колесо» в Плоский квартал — старое предместье, которое треугольным мысом «втыкалось» в луговые окрестности Реттерберга на юго-западе.

Зачем он переехал? Кто его знает. Может, не хо-

тел осложнять жизнь Киру, хозяину «Колеса». Может, что-то вышло между ними (хотя едва ли: Кир на отца чуть не молился). Может, отцу и правда удобнее работать на новом месте? Хотя чем удобнее-то? Квартира маленькая, на верхнем этаже пыльного двухэтажного дома — комната да кухня. И делать все приходится самому, а в «Колесе» Анда помогала, дочка хозяйская. И безопаснее там было. Отец говорит: «Какая сейчас может быть опасность? Реформа же! Вот и уланский корпус передали в ведение муниципалитетов. И экран у меня к тому же...»

Экран — это конечно. Могучее защитное поле силового генератора с принципом действия, который неизвестен здешним властям и ученым деятелям. Да ведь на него энергии не напасешься...

Луг закончился, Витька прошел через квартал дощатых домишек с огородами и пленочными теплицами. Это были остатки знаменитого раньше «Деревянного пояса», где обитал всякий сомнительный люд. Местные пацаны с неулыбчивыми лицами играли на немощной дороге в «банки-обручи». На Витьку смотрели без дружелюбия, но не приставали. Знали уже.

Потом потянулась Сухоречная улица с дешевыми кино, мастерскими и магазинчиками в первых этажах старых домов, чахлый сквер с громким названием «Сад принцессы Анны», а за сквером оказался угловой дом, где и жил Михаил Алексеевич Мохов — эмигрант, частный экспериментатор, паспорт-браслет номер такой-то, индекса не имеет.

Вход был отдельный — на узкую деревянную лестницу. Витька, слегка нервничая, набрал на двери сложный семизначный код плюс еще две цифры — свой позывной — чтобы отец не кричал через динамик «кого там несет?»

На лестнице пахло пылью давно не мытых ступеней. Дверь в комнату была приоткрыта. Отец оглянулся на шаги. Он сидел у обширного (и очень старого) стола, заваленного пленками, программными дисками и бумагами. На столе горела желтая лампа, окно было завешено черной шторой, в дырку на ней пробивался колючий лучик.

— Ну-с, — без особой ласковости произнес Мохов-старший. — Ваше сиятельство явилось. Как всегда, раньше графика... Чем обязан?

Витька скинул кроссовки. Сел на узкую кровать, привалился спиной к штукатурке. Поставил пятки на край жесткой постели (в правой опять толкнулась боль). Обнял белые от пылицы прятника колени, взглянул из-за них на отца. Тот, как обычно, всклокочен и небрит. Густо-густо, гораздо заметнее, чем раньше, блестит в щетине седина.

— Ну... чего прискакал-то? — спросил отец уже мягче.

— Соскучился, — сказал Витька тихо, но с вызовом.

— Уж будто бы... — пробубнил отец. И отвернулся к столу. Витька вздохнул, подошел. Взял отца за плечи, грудью прилег на его костлявую спину. Почесал ухо о его колючую щеку. Прежде чем отец к этому как-то отнесся, шагнул в сторону. Взял наугад со стола листок с отпечатанными строчками. Забормотал с понимающим видом:

— «Соединение пространств и возникновение эффекта перехода вовсе не есть результат деформации Кристалла и предвестие всеобщего космического краха, как то пытаются представить нам господа из Института философии. Это, наоборот, логическое следствие развития Вселенной, которая в результате своего совершенствования обретает новые формы и свойства... Логично то, что первыми носителями этих свойств в человеческом сообществе являются дети, не отягощенные консерватизмом и так называемым «житейским здравомыслием»...»

— Ну и как? Все понятно? — ехидно поинтересовался отец.

— Ага... Только ерстка,

(172)

— Что-что?

Витька хихикнул:

— Такое новое слово. Центр требует, чтобы в отчетах, когда объясняют всякие новые явления, было написано: «Если рассматривать с точки зрения теории Кристалла». Сокращенно: ЕРСТК, «ерстка»... Скицын теперь чуть что, сразу говорит: «Ерстку вам в поясницу»...

При имени Скицына Мохов-старший демонстративно поморщился. Мохов-младший демонстративно этого не заметил. И посоветовал:

— Вот и здесь напиши «ерстка». На всякий случай. Михаил Алексеевич почти искренне вскипел:

— При чем тут я? Ты что, считаешь, это моя статья?! Такая ахинея! Это бредятина некоего Корнелия Гласа, который усматривает спасение мира только в будущих поколениях... В таких шалопаях, как ты...

— Ну и что? — Витька дурашливо крутнулся перед отцом на пятке (скривился). — Можно и спасти... А Корнелий Глас — это который привел тогда в «Колесо» ребятам, а сам с ними не пошел? Он теперь командор? — Витька потянул новый лист.

— Никаких командоров нет, это чушь... И не лапай бумагу!

— Жалко, что ли?

— Не жалко, а незачем голову забивать. Все равно не поймешь.

— Ох уж... Скицын всегда дает читать отчеты. И ничего, разбираюсь...

— Ха! — сказал Михаил Алексеевич и хлопнул себя по коленям. — Он разбирается я!.. На том, на вашем уровне это не мудрено! Велика наука! Там все, даже твой ненаглядный Скицын, строят базисную теорию на дедсадовской схеме пространства-времени, где время есть четвертое измерение! Хотя даже первокурснику должно быть ясно, что время не есть измерение в прямом смысле. А четвертым, пятым, десятым измерениями являются многовариантности развития, возрастающие по степеням, равным... Тыфу... Ладно, вырастешь — поймешь...

— Я и сейчас кое-что понимаю, — тихо сказал Витька. — Может, по-своему только...

— Понимаешь? Прекрасно! — Мохов-старший оттолкнул стул, скакнул к панели большого, во всю стену, нейрокompьютера. — Возьмем простейший вариант. Многовариантность одного явления — горизонтальная ось. Бесконечность самих явлений — вертикальная... А, черт, опять заедает включение...

Витька украдкой зевнул. Зевок, однако, был замечен Моховым-старшим. Тот угас.

— Ладно... Если ты в чем-то и разбираешься, толку от этого...

— Па-а... — скучновато и осторожно сказал Витька. — Я и Скицына про это спрашивал, и Румянцева, и деда... Вообще, какой от этого толк? Ну, от всех изучений?..

— От науки?! — негромко взревел отец.

— Ну, ты не злишь. Ты объясни. Зачем, если...

— А, понимаю! Зачем нужны научные теории, исследования и всякая возня «взрослых мудрецов», если вы с приятелями без всякой науки шастаете по Со-пределью? Так?

Витька повел плечом.

— Ты похож на обезьяну... — печально сказал отец. — Да-да, на обезьяну в джунглях, которая нашла оставленный там космическими пришельцами белковый синтезатор. Научилась давить на кнопки, и синтезатор выдает ей бананы. И она радуется, угощает других... Ну и что? Подвинет эта находка обезьянье общество в развитии? Освоят макаки устройство прибора, научатся сами делать синтезаторы? Вступят в контакт с пришельцами?

— Спасибо за «обезьяну», — Витька снова устроился на кровати. Отец развернулся к нему со стулом.

— На здоровье... Кстати, ты думаешь, вы многого

«Азита-90»

достигли? Ну, побывали в нескольких точках соседних граней. Полуостров, Поле, Луговой поселок... Это, кстати, лишь горизонтальная ось. Разные (и даже не очень разные) варианты развития одной цивилизации. Одинаковая культура, почти один уровень техники, сходные сюжеты мифов. И глупости человеческие одинаковы...

— А княжество? — сказал Витька.

— Ну... и что? Думаешь, другая ось? Просто каприз температурной петли. Возможно, этот князь — наш давний предок... Вернее, не наш, а, судя по этническим особенностям, твоего приятеля Радомира.

Витька вспомнил Матвея Радомира по прозвищу Ежики... Какой он приятель? Они с этим пацаном виделись всего два раза... Хороший, конечно, парнишка. Главное, что счастливый. Случилось, что у него выслали в другое пространство мать, объявили ее умершей, а Матиуша заперли в спецшколу. А он не поверил, что мама погибла, пробился к ней, нашел. И вернулись они в свой дом, а враги их получили сполна... Или не сполна? Про это всякое говорят. Но главное, что у Ежики опять есть дом и мама...

Ты чего это, Витька? Что вдруг так скребнуло по глазам?

Он опять спрятал лицо за поднятые коленки. Сказал глуховато:

— Я же вовсе не про то говорю... Совсем не про то... Я про тебя.

Молчали они с отцом с отцом с отцом. Потом отец проговорил неохотно, почти боязливо:

— То есть... Что значит про меня? Мы про Юр-Танку, по-моему...

— Про тебя... Ведь все это можно изучать и там. У нас... Там сейчас такие новые блоки поставили. Уловители...

— Ах, уловители... Отец заерзал. — Может, кому-то хочется и меня уловить? А зачем, скажи на милость, я там нужен? Опять слушать обвинения в дилетантстве?..

— Да вовсе нет! Наоборот, все говорят, что...

— Говорить там умеют... Пойми, если бы даже я хотел вернуться, я должен сначала закончить работу здесь. Иметь результаты... Вернуться т у д а без ничего? Хорошо бы я выглядел!

— Ты о себе думаешь... — уже сквозь зажатые слезы сказал Витька.

— А о ком я должен думать? О Скицыне? О твоём любимом деду? Но он...

— Обо мне... — еле слышно проговорил Витька.

— Ну... — сразу увял отец. — В каком, собственно, смысле? Мы что, редко видимся? По-моему, ты и так... тут...

— Я же не могу быть здесь все время. Сам говорить — чужая страна... И вообще...

— А зачем все время-то? Ну, повидались и... Собственно, искусственная какая-то проблема. Нет, я в самом деле...

— Ты не понимаешь, — выдохнул Витька. — Мне почти тринадцать... А детство, говорят, всего до четырнадцати. Ну, может, до пятнадцати, кто как растет. А я... так и не жил нормально... Чтобы окно светилось...

— Какое окно? — тихо спросил отец.

— Простое... Вот когда ребята на улице играют и уже вечер, и отовсюду их зовут... кричат с балконов: «Иди домой, поздно уже!» И вот они идут, и каждый смотрит на свое окошко...

Отец, слушая, как-то механически покачивал головой. Она то заслоняла, то открывала дырку в шторе: колючий лучик угасал и вспыхивал... Потом отец сказал скванно:

— Я не понимаю. Разве... у тебя дома что-то не так? Адам к тебе плохо относится?

— Он ко мне отлично относится. И к маме... — Витька запнулся, лбом лег на колени.

— Тогда какое же здесь «но»? — с ненастоящим

(173) раздражением спросил Мохов-старший. — Ты же явно не договорил.

Витька молчал.

— Кажется, я понимаю, Мама не так относится к Адаму... Но тебе-то, собственно, что?

Витька поднял лицо.

— Она... они то разьезжаются, то опять... Все время как на вокзале...

— Послушай, Виктор. При всех обстоятельствах жаловаться на мать это последнее дело...

— А я не на нее, — хриповато сказал Витька. — Я вообще... Жаловаться, конечно, ни на кого нельзя. На тебя тоже...

— Да на меня жалуйся сколько угодно! — почти обрадовался Михаил Алексеевич. — Хотя маме, хоть деду, хоть Святым Хранителям!.. Я знаю, что я никудышный отец, я кругом виноват и толку от меня никакого... Ну и тем более! Какая тебе со мной жизнь? Я холостяк, бобыль по натуре, я не то что о сыне, о себе заботиться не умею...

— Я бы тебе яичницу жарил... — шепотом сказал Витька. — С помидорами. Ты любишь...

— Ну... аргумент... Отец старательно засопел.

— Ага... И чай вечером. Ты приходишь из лаборатории, а я...

— Есть обстоятельства, из-за которых я никак не могу уйти отсюда... Кстати, о яичнице! Небось, лопать хочешь, а?

— Хочу, — безрадостно сказал Витька.

— Не дуйся, и пошли на кухню.

2

Кухня была маленькая. А с тех пор, как Витька побывал здесь последний раз, в ней стало вообще не повернуться. Все углы, простенки и свободное пространство на полу были заставлены черными кубиками энергосборников, серебристыми импульсаторами и дополнительными нейроблоками. И еще всякими аппаратами, в которых Витька ни бум-бум.

Отец по-журавлиному шагнул через ящик с кабелями к холодильнику, дернул дверцу.

— Гм... Ни яиц, ни помидоров... Слушай, консервированная каша с говядиной есть. Хочешь?

— Не все ли равно...

— Отлично! Сейчас разогреем, пообедаем...

«Вернее, поужинаем», — сердито подумал Витька, время Реттерберга отставало от времени «Сферы» на три часа, но уже и здесь вечерело.

Отец сказал:

— Ты тут не болтайся, я один управлюсь. Иди в комнату... Только не поднимай шторы, у машины левый нейроблок закапризничал, свет он, видите ли, не переносит, псих такой...

Витька послушно ушел.

В комнате он потоптался, поморгал. Глаза все еще были мокрые. С дошкольных лет Витька знал примету: если вытирать слезы рукой — значит, они будут еще. А платка в карманах, конечно, не водилось. Витька подошел к окну, взялся за край мягкой ворсистой шторы. Она была туго натянута, закреплена внизу, Витька потянул край к лицу. Сверху сорвался, зацепил его по плечу и грохнул об пол гулкий цилиндрический карниз. В окно ударило вечернее солнце.

Отец перепуганно ворвался в комнату.

— Ведь я же просил!.. Я ее только сегодня повесил, временно, не закрепил еще, а ты...

Витька держался за плечо. Штора на полу, как живая, дергалась и уползала в щель карнизной трубы. Но Витька не смотрел на нее. Смотрел на стекло.

— Что это?

— Где?

— Вот это, — со звоном сказал Витька.

(174)

— Не видишь, что ли, дырка...— бормотнул Моховстарший.

Дырка была диаметром с копейку. Ровная, матовая по краям, с маленькими, как паучьи лапки, трещинками. И отец понимал, что Витьке известно, как получаются такие дырки. И что от объяснений теперь никуда не деться. Витька молчал и ждал. И, кажется, даже слышно было, как звенят в нем нервные жилки.

— Чепуха... Давно это, на той неделе еще,— хмуро сказал отец.— Меня дома не было... Говорят, в квартале случилась перепалка: уланы и кто-то еще. Может, со своими же схватились, с теми, кто не хочет подчиняться муниципальной власти, такое иногда бывает тут... Вот и влетела случайная...

— А защита? Поле?!

— Я же говорю — не было меня! А когда уйду, поле убираю, переключая на энергосборники. Не хватает же на все-то... Ну, ты чего нос повесил?

Витька, ослабевший и поникший, опять забрался на кровать. Есть уже не хотелось. Он сказал унылым шепотом:

— Зачем ты только перебрался сюда из «Колеса»...

— Здесь удобнее... И сколько можно жить на хлебником!

Витька знал, что отец нахлебником не был. Он им там, в «Колесе», ого-го сколько помогал! Может, ушел потому, что не хотел больше связываться с подпольем?.. Нет, он, конечно, не трус. Но он всегда говорил, что не его это дело — лезть в споры внутри чужой страны. Особенно, когда занят наукой...

— Куда вляпало-то? — хмуро спросил Витька.

— А! Под потолок... Снизу же палили. Пробило старый конденсорный блок, я сразу выкинул...

Витька снова прошелся глазами по нагромождению приборов.

— Зачем тебе столько всего?

— Ну зачем... Во-первых, координация граней. Во-вторых, коплю энергию, вечная проблема. Без нее что? Пшик, а не импульс...

— А что за импульс?

— Что-то... Прокोल! Должен же я, наконец, доказать, что это технически возможно! Своими силами! Не ползание через локальные барьеры, а связь через прямой канал между гранями!

Витька незаметно пожал плечами.

И отец сразу понял, о чем он думает:

— Знаю, ты опять о ваших фокусах. Но невозможно же строить теорию на уровне мальчишеской игры в догонялки-пряталки...

— А что даст этот твой импульс? — неохотно сказал Витька.— Ну, как это будет все выглядеть? В натуре?

— Это... Ай!

Из кухни понесло горелым. Отец метнулся туда. Витька хотел тоже... и передумал. Скакнул к пульту, надавил красный клавиш.

— Это ты, Витя? — дружеским баритоном спросил отцовский нейрокомпьютер.— Привет.

— Привет, Гектор... Тихо. Отвечай на дисплее. Что такое эксперимент с импульсом?

На экране зажегся вопрос:

«Имеется в виду опыт с кодовым названием «Разбитое зеркало?»»

— Почему «Зеркало»?.. Я не знаю... Ну, наверно, да...

Побежали зеленые строчки:

«Разбитое стекло» — опыт, в результате которого с помощью энергетического импульса возникает связь между заданными точками двух параллельных пространств и становится возможным перенос из точки А в точку В материального тела. К сожалению, на данном уровне разработки возможен так называемый зеркальный эффект, который в случае нехватки энергии может

стать единственным реальным результатом эксперимента. Именно так это...»

Раздались шаги отца. Витька даванул отключение, мигом устроился на кровати. Отец вошел, держа за краешки алюминиевую тарелку. Глянул на пульт, на Витьку.

— Шпионили, сударь?

— А чего... Нельзя, что ли, с Гектором поболтать?

— Ну-ну... Ладно, ешь. Подгорело немного, но, по-моему, съедобно.

У стола было не пристроиться. Витька, сидя на кровати, взял тарелку на колени. Взвизгнул, быстро поставил на одеяло: алюминиевое дно было горячим насквозь.

— Я рад, что ты повеселел,— заметил отец.

— Издеваешься, да? — Витька подул на колени, подобрал с одеяла в рот крошки, начал жевать подгоревшую гречку с жилками говядины.— Даже посуда у тебя не домашняя, а как у туристов... А я бы тебе нормальные тарелки купил. С цветочками...

— Опять ты...

— Па-а... А перенос материального тела в точку «бэ»... Значит, ты сам перенесся бы?

— Гм... — сказал Мохов-старший.— Не исключено.

— А если там что-нибудь не так? Вдруг заблудился бы?

— В родных местах не заблудишься...

— Ой... Значит, ты на «Сферу» импульс нацеливаешь?

— Ешь, не болтай...

— Эт-то хорошо! — Витька глотнул полную ложку горелой крупы, даже не поморщился.— Правильно... А обратно как? Прежним путем, по рельсам? Ой... или не надо обратно?

— Ешь!! — гаркнул отец.

— Ладно... А что такое зеркальный эффект?

— Все тебе надо знать... — Отцу, видать, было неловко за неожиданный вскрик.— Такое явление... — Он хмыкнул.— Когда окружающее пространство в точке достижения импульса меняется, как в зеркале... Например, нос твоего дорогого Скицина оказался бы скобоченным не влево, как обычно, а вправо...

— А зачем это?

— Да ни за чем. Побочный эффект.

— А нельзя послать пол-импульса, чтобы нос выправился? Не вправо, а по центру сделался?

— Не имеет смысла,— поддержал юмор отец.— Это же всего на несколько секунд. Потом все возвращается на круги своя...

«Возвращается» — это слово он сказал неосторожно. «Все возвращается, кроме тебя», — подумалось Витьке, и он взглядом выдал эту мысль. Отец нервно сунул в карманы острые кулаки, отвернулся к окну с пробоиной. Сказал, не оглядываясь:

— Мама правильно говорила: ты весь в меня... И оба мы — эгоисты.

— Почему это?!

— Видишь ли... думаем прежде всего о себе. Ты говоришь: возвращайся, мне с тобой будет лучше. А я: мне лучше здесь...

— Я думаю о тебе... сумрачно и дерзко сказал Витька.— Тебя здесь уробят.

— Не говори чушь... А если, скажем, поселились бы мы с тобой в «Сфере»? Или еще где-нибудь в тех краях... А дальше? Ты будешь по-прежнему шастать сюда, уже бесконтрольный и беспризорный. Все равно ведь не проживешь без своего ненаглядного Цезаря... А я буду изводиться из-за тебя больше, чем сейчас.

«Будто я сейчас «контрольный» и «призорный», — усмехнулся про себя Витька.

— Чего из-за меня изводиться-то, — пробурчал он.— Ты же знаешь, я от любой беды иду в один миг...

Конечно, и отец, и сам Витька знали, что это неправда. Не от всякой опасности спасет прямой пере-

ход. Даже если Витька один. А если с Цезаренком...

— Поражаюсь, что ты до сих пор не звонишь ему,— сухо сказал отец, словно уловил Витькины мысли. «В самом деле! Что это я!..»

Витька отодвинул тарелку. Прогнул к пульта.

— Не через компьютер! — рявкнул отец.— Что за мода дергать машину по пустякам! В передней телефон...

В темной и тесной, как чулан, прихожей висел старомодный дисковый аппарат. Диск ржаво попискивал при вращении. «Т-техника...» Наконец загудело, шелкнуло в наушнике. И ясный голос:

— Дом штурмана Лота...

— Чезаре!

— Витька! Ты здесь?

— Ага... Сбегаем, ладно?

— Давай скорее!

Великие Хранители, все-таки хорошо жить на свете!

— Па-а! Я к Цезарю!

— Ясно. И, конечно, до ночи...

— Я позвоню тебе...

— Я к тому, что ночью меня не будет. Надо в «Колесе» побывать, и вообще... дела всякие.

— Ну вот! Кто из нас «шастает»!

— Придешь, сразу включи защиту. Разогреешь ужин, поешь и ложись. На звонки не отвечай. И Гектора вруби. Если надо, я свяжусь через него...

— Да я лучше переночую у Цезаря!

— Но без фокусов...

— А ты... тоже.

— Ох, распустил я тебя.

— Ага... Алло, Чек! Я мчусь! Что? Конечно, там же!.. Слушай, тебе не кажется, что сегодня орал пехух?.. Да?.. Тогда я еще быстрей!

Театр в верхнем парке

1

Встретились они, как всегда, на станции монорельса в квартале «Синяя деревня». Витька увидел Цезаря издалека. На открытой платформе среди пестроты пассажира мелькал светлый, почти белый ровно подстриженный шар волос (из-за этой прически голова у Чека всегда казалась чересчур большой). Они протолкались навстречу друг другу, чуть улынулись, широко отвели правые руки и звонко вляпали ладонь в ладонь. Потом Цезарь почему-то вздохнул и тихонько боднул Витьку в плечо упругой, густо-щетиистой своей шевелюрой. Ему это удалось легко, потому что ростом Цезарь как раз чуть повыше Витькиного плеча. Витька затеплел от этой совсем дитячей доверчивой ласки. Отвел глаза.

Он всегда был счастлив при встрече с Цезарем, оба они радовались. Но радовались, кажется, неодинаково. Чек — откровенно и ясно, весь он был, как на ладони. А Витька не мог отвязаться от скрытого смущения и тайной виноватости. Дело в том, что Чек был уверен: они дружат на равных. И Витьке приходилось притворяться, что это так. А в душе-то он относился к Цезаренку как к младшему, которого надо защищать и оберегать. Впрочем, это одна сторона. А другая... Бывает, что друг меньше по годам, слабее по силам, а ты понимаешь, насколько он крепче духом и яснее душой. И ты благодарен ему за то, что он выбрал в самые лучшие друзья именно тебя.

— Подумать только, год назад Витька смотрел на него со скрытой неприязнью и досадой!

Они видели друг друга, когда Витька навещался к отцу в «Проколотое колесо». Незнакомый пацаненок не понравился ему сразу. Большеголовый, тонконогий, «кобзьянистый» какой-то, с твердыми скулами на неулыбчивом лице. Держался он со взрослой вежливостью и очень отгороженно. «Подумаешь, принц в

изгнании», — подумал Витька с недовольной усмешкой. Потому что, несмотря на всю некрасивость, было в мальчишке что-то... такое вот, как у юного дворянина...

— Здравствуй, — говорил ему Витька при встречах так же, как и другим. Ни разу ни на капельку не показал, что мальчишка ему не нравится. Мало ли кто кому не нравится! Ведь ничего плохого этот пацан ему не сделал. Это во-первых. Во-вторых, он все-таки младше года на полтора или два. А кроме того, мальчишка, видать, успел хлебнуть в жизни всякого. Иначе не был бы с родителями здесь, в таверне, Витька знал, что в «Колесе» не живут просто так. Здесь укрываются.

Почему прячется в таверне семья Лотов и что с этими людьми случилось, Витька не спрашивал. Лишь вопросы были здесь не в обычае. В благоустроенном государстве Западная Федерация почти всякому гражданину с рождения был привит излучающий биологический индекс — несмываемый, нестираемый. Чутькие локаторы Системы Всеобщей Координации заботливо следили за каждым носителем индекса в течение всей его жизни. А компьютеры Юридической службы постоянно оценивали эту жизнь с точки зрения самых мудрых и беспристрастных в мире законов. Укрыться от этой мудрости, беспристрастности и всепроникающего наблюдения можно было лишь в нескольких убежищах. Одним из них была таверна «Проколотое колесо». Владелец «Колеса» Кир считался старым и добросовестным осведомителем корпуса уланов. А скрытые в подвалах могучие энергоаккумуляторы обеспечивали излучение поля, которое защищало обитателей таверны от локаторов и заодно стирало проבלески подозрений в мозгах ревностных стражей порядка.

Разные люди приходили в таверну. У некоторых отвисали карманы от тяжелых пистолетов «дум-дум». Иногда о чем-то говорили с отцом. Отец после таких бесед был хмурый и молчаливый. Не хотел он вмешиваться в эти дела. Но людям с пистолетами помогал. Потому что и его самого в свое время приютил и укрыл от властей Вест-Федерации маленький, круглый, добродушный Кир.

Дважды случалось, что Кир и отец просили переправить людей туда. Витька понимающе кивал. Оба раза это были усталые неразговорчивые мужчины. Когда товарный поезд уходил с Окружной Пищевой на прямую линию перехода, они разбирали свои пистолеты и по частям швыряли с катившейся платформы. Потом недалеко от «Сферы» прыгали с поезда вместе с Витькой, молча жали ему руку и уходили... Никто в «Сфере» не знал об этом. Кроме Скицына. А Скицын сказал однажды: «Ничего, Витторио, так надо. Там, у себя, им бы не выжить...»

Затем случилась история с тринадцатью беглецами из тюремной спецшколы. Тут без шума не обошлось. Но в конце концов сошло Витьке и это.

А Цезарь Лот покидать родные края не собирался. Как узнал наконец Витька, этот мальчишка был из той же спецшколы, но отказался уходить через грань, потому что искал родителей. И вот, выходит, нашел...

Однажды Анда, дочь Кира, сказала:

— Витенька, папа-мама Цезаря уехали, комната их занята, пусть Цезарь переночует с тобой... И свет у себя не включайте, ладно? Так надо...

Витька пожал плечами: надо — значит, надо. Когда он оставался в таверне на ночь, то спал обычно в узкой, похожей на коридор тесовой комнатке, бывшей кладовке. Мебели не было, только у торцової стены стоял сколоченный из плах широченный топчан. Для Цезаря принесли раскладушку. Легли в темноте, за окнами стояла непроницаемая августовская ночь. Лишь изредка мигал на недалекой грузовой станции прожектор. Из открытой форточки несло запахом увядающей лебеды и нагретых за день шпал.

Цезарь дышал тихо, но раскладушка была старая и ржаво пицала при малейшем шевелении.

(176)

— Извини, пожалуйста, — вдруг сказал Цезарь. — Я, кажется, мешаю тебе. Такая скрипучая кровать...

— Не мешаешь. Скрипи на здоровье, — отозвался Витька. Он думал, что до сентября три дня. Завтра возвращаться в «Сферу», послезавтра — в Ново-Томск, и здесь он окажется снова не раньше зимних каникул.

— Извини, — опять сказал Цезарь. — У тебя нет фонарика?

«Вот не спится человеку...»

— Нет... — буркнул Витька. Цезарь как-то очень-очень притих. Даже раскладушка словно затаила дыхание, Витьку царапнуло: «Зачем я с ним так?»

— Если надо не очень ярко, я могу посветить...

Он поднял мизинец, привычно вобрав клетками кожи электрическое щекотание воздуха, согнал покалывающие токи к ногтю, сказал: «Гори...» Маленькая шаровая молния послушно и мирно засветилась над пальцем. Витька, будто жонглер, понес шарик на мизинец к Цезарю. Тот сел навстречу. Витька увидел, что он смотрит на шарик без удивления. Это Витьку слегка разочаровало.

— Ну, где светить?

Цезарь повел голым плечом. На коже чернела маленькая бусина.

— Клещ присосался. Даже не знаю когда. Только сейчас нащупал.

— У, зверюга... — сказал Витька наклонившись. Клещ был местной породы, водился в сорняках городских окраин. Пакостный и заразный. — Это зловредная тварь, так просто не вытащить.

— Ну уж... — отозвался Цезарь, и впервые в его голосе прозвучала еле заметная снисходительность. — Вылезет как миленький. — Он придвинул к набухшему клещу прямую, будто зеркальце, ладонь, пошептал что-то. Бусинка шевельнулась, задергалась, вытаскивая из кожи крошечные лапки. Скатила Цезарю на колени, потом на простыню. Он брезгливо взял клеща на помусоленный палец, шагнул к черному окну, встал на подоконник, щелчком сбросил «зверюгу» в форточку. Прыгнул на пол и сказал Витьке:

— Большое спасибо.

— Подожди. Небось, он в тебя всякую дрянь занес. Давай облучим шариком. Лучше всякой прививки будет... Ты этой штуки не бойся.

— Уверю тебя, я ничуть не боюсь. — Цезарь подставил плечо. Витька почти коснулся светлым шариком припухшей на месте укуса кожи. И пока излучение убивало в крови Цезаря всякую заразу, Витька смотрел на ровный, недавно заросший рубец. Он розовел на руке у самого плеча. Слово Цезаря обожгло раскаленной проволокой. Не надо было спрашивать, но Витька не удержался:

— Где тебя так?

Цезарь ответил без охоты, но и без промедления:

— Чиркнуло тогда, в машине...

Наверно, он думал, что Витьке известна его история. А тот не знал ни про машину, ни про все другое. Но спрашивать не стал. Чем «чиркнуло», можно и так догадаться. Витька поежился, сказал неловко:

— Если хочешь, можно сгладить.

— Спасибо, но нет смысла. Все уже прошло, не болит.

Витька не настаивал. Может, рубец дорог Цезарю как память о приключениях. Дело хозяйское.

Цезарь, словно извиняясь за отказ, проговорил:

— Я про эти твои шарики уже слышал. От Анды. Я знаю, ты Виктор, который увел ребяту...

Витька шагнул назад, послал шарик в угол под потолок. Вернулся на топчан. Сказал оттуда:

— Не Виктор, а Витька. В любом случае...

— Извини, пожалуйста.

— Что ты все время извиняешься?

Цезарь опять заскрипел раскладушкой.

— Видишь ли... Мне показалось, что мои слова тебе неприятны.

— Ни в малейшей степени...— Витька спохватился, что передразнивает Цезаря. Прикусил язык, откинулся на подушку.

Желтый светящийся шарик проплыл под потолком и скользнул в форточку.

— Снова темно...— тихо сказал Цезарь. Кажется, не Витьке, а себе. И раскладушка скрипнула от его вдоха. Часто, в каком-то нехорошем ритме, стучал на дальнем пути поезд. Мелькнул прожектор, и еще глуше стала темнота. Где-то хлопнули негромко и безобидно два выстрела. Ржавого скрипа больше не было, зато проступило в тишине осторожное дыхание Цезаря. Какое-то чересчур затаенное, и Витька... да, он, кажется, понял. И сказал прямо, без всякой насмешки:

— Ты что, боишься спать в темноте?

Раскладушка завязжала без обиды, а скорее, радостно.

— Видишь ли,— тут же откликнулся Цезарь.— Я вообще-то этого никогда не боюсь. Но сегодня... должен признаться, мне не по себе.

— Бери постель и шагай сюда.

Цезарь послушался. Без лишней торопливости, но сразу.

— Лезь за меня, к стенке. Места много, скрипа никакого. А если что...— Он хотел сказать «а если что случится, я рядом». Но резко устыдился почему-то. Однако Цезарь, кажется, понял. Быстро и без суеты он устроился у стены, задышал ровно и благодарно. Прошептал:

— Спасибо. Здесь прекрасно.

«Чудо ты волосатое»,— с каким-то непривычным ощущением подумал Витька. Впервые он чувствовал себя кем-то вроде защитника и покровителя.

Цезарь сказал нерешительно:

— Может случиться, что я толкну тебя во сне...

— Лягайся хоть всю ночь. Я сплю как убитый.

— Спокойной ночи, Вик... Витька.

— Угу...— пробормотал он в подушку. И в самом деле стал быстро засыпать.

Сны его, однако, не были спокойными. Сначала он бежал по скользким стеклянным ступеням— вниз, вниз, потом сорвался, ухнул в мерцающую искрами пустоту. Пустота стала плоской, выгнулась, гибко соединилась в кольцо Мёбиуса. Кольцо лопнуло, разлетелось черными бабочками. Он оказался на утрамбованной, горячей от солнца глинистой площадке среди желтых скал под белесым знойным небом. Площадка, скалы и небо раскололись бесшумной черной трещиной, и Витька обреченно ухнул в эту пустоту и летел, летел, умирая от жутки падения, пока не оказался на подсолнуховом поле. Не успел он обрадоваться покою и громадным цветам, как цветы эти размазались в желтые полосы, спутали его густым серпантинном, сплелись в кокон, и в этом коконе тугая сила опять швырнула его в пропасть. Витька рвался, разрывал ленты, а они вдруг исчезли, и открывшаяся абсолютная пустота, в которой он повис, была страшнее всего на свете. Он висел в центре этой пустоты и в то же время падал, падал, падал, смутно понимая, что необходимо нащупать глазами и мозгом какую-то нить, скрестить ее с другой, найти в точке пересечения желтый узелок-горошину (которая в то же время— светящееся окошко), зацепиться за нее сознанием, остановить ужас падения...

Он не знал еще, что эти сны— первый сигнал о возможности прямого перехода. Что скоро клетки его тела, его нервы не во сне, а наяву научатся отыскивать среди граней мироздания межпространственные щели, и он уже сам, добровольно, будет кидаться в этот страх чудовищного полета из одного мира в другой. В страхе, от которого нельзя избавиться и к которому нельзя привыкнуть...

И той ночью он метался и вскрикивал во сне, пока не понял, что все кончилось. Он с невероятным облегчением упал на заросшую ромашками поляну, пере-

вернулся на спину и стал смотреть на облака в очень синем небе. Потом облака исчезли. Витька понял, что лежит на топчане и что уже утро, а над его головой— маленькая ладонь с растопыренными пальцами.

Это была рука Цезаря. Он сидел, склонившись над Витькой, и словно прикрывал его от кого-то.

— Извини...— Он убрал руку.— Ты так беспокойно спал. Я решил помочь немного...

— Умеешь,— весело сказал Витька с неожиданным предчувствием чего-то хорошего.— Спасибо. Только не извиняйся так часто.

Цезарь как-то неожиданно по-простецки шмыгнул носом и вздохнул:

— Ладно... Будем вставать?

— Ага... Только подвинься, ты мою простыню прижал.

— Изв... Ой!— Цезарь испуганно округлил глаза и вдруг улыбнулся. И его жесткое некрасивое лицо от улыбки стало... тут сразу не скажешь словами. Совсем другим оно сделалось: по-настоящему мальчишечьим, доверчивым, мягким, веселым. Таким, каким бывает, наверно, у самого лучшего друга. И Витька не сдержал радостного толчка, похожего на внезапное счастье открытие. Он засмеялся, ухватил Цезаря за плечи, опрокинул на подушку, взьерошил ему густую щетину прически. И получил веселого тумака! И они с хохотом покатались с лежанки на половицы, комкая простыни и колотя друг друга ногами. И над ними стоял прибежавший на шум Кир, качал головой:

— Какие дети!.. Вставать надо, кушать надо. Витка, хватит. Витка, домой собираться надо.

— Фиг!

В то же утро Витька смотался в «Сферу» и дал в Ново-Томск телеграмму, что задерживается у отца на неделю. И на первом товарище умчался назад, предоставив деду и матери выяснять по телефону отношения и подробности. А родная школа в Ново-Томске проживет несколько дней и без шестиклассника Мохова...

Эта неделя была полностью счастливой. Отец не ругал Витьку за самовольное продление каникул. К Цезарю вернулись из столицы родители— с хорошими новостями: следственная электронная машина признала невиновными их самих и тех людей, которые помогли им вырваться из Лебена. Раненый Корнелий Глас из тюремной больницы был переведен в частный госпиталь. Водителя машины Рибалтера амнистировали «в силу нестандартности обстоятельств». Люди, у которых по неизвестным причинам исчезли индексы, больше не объявлялись вне закона.

Витька и Цезарь целыми днями мотались по громадному Реттербергу, хотя в городе не было полного спокойствия: носились по улицам патрули, кого-то догоняли, кто-то даже отстреливался... Зато было в Реттерберге где гулять и что посмотреть. А вечером, на глухом и скрытом от глаз пустыре за насыпью Витька учил Цезаря ездить на мотодиске, который он месяц назад угнал у зазевавшегося улана.

По ночам они разговаривали. Про книжки, про Кристалл, про обнаруженную на Марсе цивилизацию иттов, про построение многопространственных континумов, про старинных коллекционных солдатиков из олова. Про всякие свои дела и приключения в той жизни, когда они еще не знали друг друга. Витька рассказал даже про Люсю. О том, каким горьким было расставание с ней, Цезарь понял это без ревности. Одно дело девчонки, другое— мужская дружба.

Но расставание с Цезарем, когда прошла неделя, оказалось не менее печальным. Цезарь, отводя мокрые глаза, спросил тихо:

— А раньше, чем зимой, тебе сюда никак нельзя? Витьке не хватило духа сказать, что никак. Пробормотал «посмотрим».

И главное— не напишешь, не позвонишь. В другой-то мир, в другое пространство, которое вроде и

[178] рядом и которого в то же время будто и нет совсем...

Нет?

Он изводился в своем Ново-Томске сентябрь и половину октября, а сны с ощущением провала и падения были все чаще. И... ну, не дурак же он, Витька Мохов, понял в конце концов, что это такое. Так же, как понял год назад первую премудрость перехода через локальный барьер, потом через грань... Правда, тогда помогал отец, а сейчас...

А сейчас никто не поможет. Просто некому. Скицын рассчитал однажды, что прямой переход возможен теоретически. Даже вопреки принципу Мёбиус-вектора. Но расчет одно, а на самом деле... Однако снилось уже не раз, как это бывает.

«И ты, Витенька, знаешь, как это можно попробовать. И просто-напросто боишься».

Не неудачи он боялся, а, наоборот,— неистребимой жути, которая охватывает в межпространственном вакууме (значит, есть такой?). И все же... кто-то должен. Когда-то должен... Там Цезарь. И если получится, путь к нему будет занимать несколько секунд... Да, но каких секунд!.. И все равно...

А может, не так уж страшно? Зажмуриваешься, появляется в сознании тонкая зеленоватая нить, потом еще несколько — со светящимися узелками на перекрестках. Их не видишь, а скорее чувствуешь. Потом возникает за светлым пятнышком одного узелка ощущение того места, куда ты стремишься. Например, путевая насыпь, покрытая красными листьями увядшей лебеды. Недалеко от таверны... Это очень близко. И в то же время чудовищно далеко в бесконечной глубине черной щели между неудержимо скользкими невидимыми плоскостями. И надо пересилить себя, зажать в себе ужас, шагнуть вниз, в падение...

...— Ай, Витка! Ты почему здесь? Почему голый?

Он сидел в лебедь у насыпи, в одних трусах, взмокший, со всхлипами в горле. Несколько минут назад у себя в Ново-Томске он, выключив будильник, делал зарядку, машинально мехал руками, а мысли об этом жали все сильнее, сильнее. И, крикнув, он прыгнул на стул, а с него шагнул... в пустоту. Не во сне, по правде...

— Ой, Витка, что скажет Алексеич! — Кир подхватил его на руки. Витька измученно улыбнулся:

— Получилось...

— Что получилось? Вот папа даст тебе «получилось!»

— А у вас тут еще тепло... Кир, а где Цезарь?

— Вот папа даст тебе Цезаря...

Параютисты привыкают. Прыгуны с трамплина привыкают. Каскадеры, говорят, тоже привыкают к страху высоты и падения. А к этому привыкнуть было нельзя. Ужас был неотъемлемой частью, самим содержанием межпространственного вакуума. Бесконечные секунды, проведенные в нем, выкручивали душу тоскливым томлением... И все же не раз и не два решался Витька на такое. Осенью, зимой, весной... И потом все-таки казалось уже не так страшно...

А наградой были дни с Цезарем.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

ЖИВЕМ МЫ В РЕАЛЬНОМ МИРЕ...

Владимир МИХАЙЛОВ

В прошлогоднем № 8, продолжая наши коллективные интервью с писателями-фантастами, мы предложили читателям задавать вопросы автору многих известных книг писателю Владимиру Михайлову. Полученные письма мы передали Владимиру Дмитриевичу — и вот теперь публикуем его ответы...

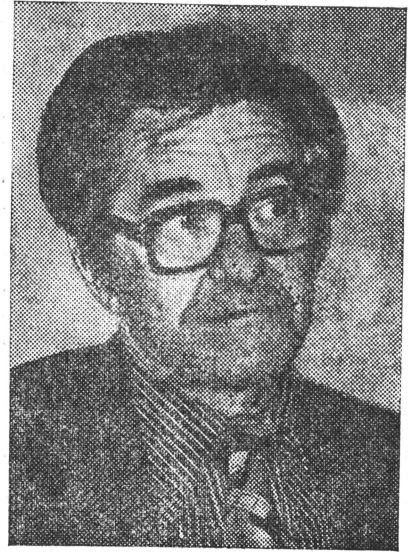
На заданные вопросы пытаюсь ответить, идя от частного к общему, от малого — к большому. И потому начну с самого себя.

Меня не раз спрашивали, как и почему я стал писать фантастику, и я честно пытался на это ответить. Говорил и о том, что всю жизнь любил читать фантастику, и о том, что в двенадцать лет вместе с еще тремя сверстниками вдруг «заболел» проблемами, как тогда говорились, межпланетных путешествий (тогда мало кто думал об этом всерьез, было начало 1942 года, и шла жестокая война), а также о роли случая: однажды мне заказали фантастический рассказ, я начал писать его — и с тех пор вот уже три десятка лет ничего другого не пишу. Или почти ничего. Вот такие ответы я честно давал. И лишь совсем недавно подумал: а почему, собственно, об этом спрашивают? Разве у поэта, например, спрашивают — почему он пишет стихи, а не прозу? Не спрашивают, потому что как бы подразумевается: уж так он, поэт, устроен. Я думаю, что это относится ко всем: не только к поэтам, но и к самым разным прозаикам, и драматургам, и сатирикам... И не только к литераторам, и — шире — не только к людям искусства, это относится вообще ко всякому творчеству: и научному, и техническому в том числе. Так человек устроен, что есть в его жизни, как правило, одно какое-то дело, которое привлекает его больше всего, и поддается ему лучше других дел, и приносит самое большое внутреннее удовлетворение. И если у человека есть хоть какая-то возможность этим заниматься, он так и делает, и если может в этом деле стать не любителем, а профессионалом — чего ему еще желать? Я писал в свое время и стихи, и сатирические рассказы, и «серьезную» прозу — и все это было не то, а вот фантастика оказалась тем самым.

Так что теперь отвечаю кратко: так уж я устроен.

Ну и, понятно, если вы занимаетесь каким-то делом по призванию, для вас уже не столь важно — выгодно ли им заниматься или нет, дает ли фантастика писателю какие-то преимущества, или приносит одни лишь осложнения. Да пусть от нее были бы одни лишь беды — все равно, для человека, поступающего по призванию, его дело останется самым лучшим, часто — единственным.

Конечно, живем мы в реальном мире, и для того, чтобы в нем жить, нужно не только писать, но и печататься, издаваться, зарабатывать на жизнь и так далее. В этом смысле до последнего времени фантастика была достаточно «невьгодной» — но об этом читатели знают не хуже нас: принадлежит к «литературе повышенного спроса», издавалась она, невзирая на это, очень скупо, считанными издательствами, нередко — малыми тиражами, а у официальной (невольной приходится употреблять такое определение) критики не пользовалась никаким вниманием; ну, это и сегодня в общем так. Теперь фантастику пустили издавать и государственные, и кооперативные издательства: она приносит несомненную прибыль. Авторы почувствовали некоторое облегчение. Но и здесь тоже своя диалектика: далеко не все издатели обладают нужным вкусом, и не все думают прежде всего о качестве литературы; поэтому на гребне поднимающейся волны, помимо вещей несомненно хороших, возникает немало и графоманской, и просто халтурной продукции. К чему это может привести? Возможны, мне кажется, два варианта. Первый, желаемый: читатель, до сих пор хватавший все, что выходило под рубрикой фантастики, начнет лучше отличать настоящее от фальшивки; но может получиться и наоборот: масса халтуры дискредитирует сам этот вид литературы и либо отобьет у читателя вкус к фантастике вообще, либо испортит его, и это будет очень, очень плохо, потому что вкус к литературе, к искусству не существует в человеке как нечто изолированное от всего остального, и в конечном итоге каков вкус — таков человек. А от того, каков человек, зависит буквально все на свете.

Наверное, от этого вопроса легче всего перейти к другому: какие меры необходимы и возможны для развития издательского дела в области фантастики. Думаю, что сейчас на этот вопрос ответит любой: нужна бумага и полиграфические мощности. Нужен рынок с его постоянной конкуренцией. Нужна фантастическая периодика, потому что без нее не разовьется как серьезное литературное явление критика фантастики и такая отрасль литературной науки, как фантастиковедение. А для роста фантастики они необходимы. Сейчас, когда это пишется, еще не принят Закон о печати, но когда вы будете читать эти строки, он уже, наверное, начнет действовать, и политико-административных препятствий станет, видимо, меньше, но экономические будут играть определяющую роль. Возникнет, я думаю, еще какое-то количество кооперативных и частных издательств, будут выходить журналы, часть их быстро угаснет, не выдержав конкуренции, другая часть будет расти и расширяться, в конечном итоге через несколько лет останутся два-три, и они, вернее всего, будут представлять различные мнения, различные группировки авторов фантастики и их читателей.

Хорошо ли существование таких группировок? Хорошо или плохо, но они есть и будут существовать, потому что существовали в литературе, в искусстве всегда, и без этого, надо полагать, не обойтись. В принципе даже хорошо: как писал Галич, «если все шагают в ногу, мост обрушивается». Плохо другое: когда борьба мнений перестает быть литературной и становится игрой без правил, пере-

ходит в другие плоскости. Такое уже не раз бывало в нашей истории, и хотелось бы, чтобы не повторилось. Можно любить «молодогвардейских» авторов, и можно не любить; но доказывать свою правоту, мне кажется, позволительно только одним способом: писать так, как считаешь нужным, решать же в конечном итоге будет даже не критика (она тоже пристрастна, как и всякое искусство), а читатель.

Вот тут, мне кажется, и возникает главный сегодняшний вопрос: как писать. Если оглянуться, можно без труда установить, что наиболее значительная, самая серьезная часть нашей фантастики во все последние годы — полтора-два десятилетия — отнеслась к фантастике социальной, и не только к утопической, сколько наоборот, к антиутопической. Хотя четкого рубежа между ними я не вижу, и классическая утопия, начиная с Мора, с нашей сегодняшней точки зрения относится едва ли не к антиутопии, потому что рисует общество, которое сегодня точнее всего характеризуется как казарменное. Если брать утопию и антиутопию в самом общем виде, то утопия должна говорить о том, чего следует достигнуть, антиутопия же — о том, чего на этом пути достижения следует избегать. Значит, утопия дает поневоле общую картину, антиутопия может оперировать и частностями. Утопия, и не только классическая, но, если вдуматься, то и наша современная, может давать — и дает — картину без обращения к ее первоначальным источникам; жизнь Утопии у Мора никак не соотносилась с жизнью современной ему Англии, а общество «Туманности Андромеды» вряд ли брало начало в современности Ефремова — и нашей, разумеется. То есть утопия может не иметь корней, антиутопия же, напротив, только экстраполирует то, что реально существует сегодня, доводит до логического конца или до абсурда (что часто одно и то же). Но нас сегодня больше всего и интересует именно экстраполяция сегодняшних событий, причем не в области научных достижений или технических находок, — это играет роль подчиненную, — но прежде всего в развитии общества, в определении его движения. Это определяет предмет современной фантастики: пути развития человека и человечества, с исходной точкой в нынешнем дне.

Это, однако, лишь половина ответа на половину вопроса. Другая половина заключается в том, как писать. До сих пор, до появления гласности, мы знали: наше преимущество в том, что мы можем, используя изобразительные средства фантастики, говорить читателю то, что иными способами — напрямую — сказать ему было нельзя. Это определяло и предмет, и метод, и тай-

ственность — непремный атрибут фантастики — часто служила лишь для перевода понятий с языка политики на язык искусства; в этом счастливо сочетались требования эстетические и гражданственные. Но теперь это уже не нужно, и процессы, которые у нас происходили то на другом конце Галактики, то в среде чисто условной, теперь можно описывать своими словами, и это активно совершается публицистами, а фантастам тут делать вроде бы больше нечего.

То есть, если мы хотим, чтобы фантастика не стала целиком и полностью средством приятного времяпрепровождения (что само по себе тоже нужно, но не исключительно, да и не каждому это по вкусу), но продолжала бы нести какую-то философию и подсказывать определенный образ действий, она должна найти свой современный язык. Думаю, что самая весомая (хотя и не самая многочисленная) часть фантастики пойдет именно в направлении таких поисков. Ясно одно: она должна по-прежнему говорить о том, что болит. Это вовсе не исключает существования фантастики развлекательной, но просто должным образом расставляет акценты. И я с радостью вижу, что не только среди фантастов моего поколения, но и среди молодых писателей те, кто представляется мне наиболее одаренными и зрелыми, идут именно в этом направлении. Как Андрей Лазарчук, Ирина Тиблова (Сергиевская).

Будет ли такая фантастика как-то воспитывать читателя на примерах положительных героев? Признаюсь сразу: не знаю, что такое положительный герой. Если это — человек, наделенный одними лишь позитивными качествами, то таких, думаю, не бывает в жизни, а значит не должно быть и в литературе, поскольку основной предмет ее исследования — человек, а исследовать надо то, что реально существует. Дистиллированная вода не утоляет жажды, ее можно заливать в аккумулятор — но только в смеси с серной кислотой. Это — мертвая вода. Так же мертв и созданный по рецептам положительный герой. Думаю, что положительность или отрицательность героя определяется только его деятельностью: если он стоит за дело, которое мы считаем правым, — пожалуйста, назовем его положительным, хотя точнее будет говорить не о положительном герое, а о положительной деятельности героя. Так что от фантастов требуется, я думаю, создавать не положительных героев, но живых, то есть наделенных качествами и того, и другого знака, как оно и бывает в жизни. Насколько мы с этим справляемся? Боюсь, что мы слишком долго принавали приоритет фантастической

идеи над идеей человека в наших произведениях и понесли при этом определенные потери. Так или иначе — вряд ли ошибусь, сказав, что в нашей (да и не только в нашей) фантастике пока еще не возникло своих мушкетеров — то есть персонажей чьи несомненные и не скрываемые недостатки не мешают им оставаться обаятельными на протяжении вот уже полутора столетий. Заметьте: мы ведь на их стороне не потому, что сочувствуем их делу, но потому, что сочувствуем им самим, хотя по логике должно было быть наоборот. Но почему сочувствуем им? Потому, быть может, что дела, которые они совершают, заставляют их проявлять лучшие, а не худшие их качества? Это предположение опять-таки возвращает нас к неизбежности социальной темы в фантастике.

Хотя, конечно, не только герой может привлечь читателя к хорошей книге. Литература — явление гигантское, и в ней могут быть всякие варианты. Например, одна из любимых моих книг — «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле — вряд ли может похвастаться полнокровными, как иногда говорится, героями; зато — полнокровием раскованной мысли, не создающей идолов, но их испровергающей. Иногда спрашивают о моих любимых писателях; боюсь, что таких у меня нет или почти нет; уважаемые — да, Салтыков-Щедрин, например, великого уважения достоин, или Томас Манн, да многие; а любимые у меня — книги, а не авторы. Допустим, одна из любимых — «Кола Брюньон» Р. Роллана, но большие его вещи я воспринимаю очень спокойно — значит не писатель любимый, а книга. Самым общим образом я смог бы определить свои пристрастия так: люблю книги с умными и по возможности добрыми персонажами; по возможности — потому, что второе качество возникает (в литературе) реже, стесняемся мы, что ли? Поэтому, кстати, люблю многие вещи Дикенса, хотя многим он и кажется нынче старомодным. А вот в фантастике... затрудняюсь сказать. Все-таки не хватает нам человеческой проникновенности. Есть не так уж мало книг фантастических, к которым еще и еще возвращаюсь; но, кажется, не по любви все-таки; профессионально интересно, да, но это — другое чувство. Бывает ведь в жизни так, что учишься у одних, общаешься с друзьями, а любишь — третьих. Вот так у меня с книгами. Чтение фантастики для меня — форма общения с их авторами; я много лет прожил и проработал в Риге практически без всяких контактов даже с нашими же советскими коллегами, не говоря уже об иностранных. По стеснительности, возможно, да и не люблю вертеться вокруг людей известных, и не любил никогда. И считаю, что главное, что человек хочет сказать,

он и говорит в своих книгах. Наверное, это неправильно: не каждый, далеко не каждый способен выложиться в книгах до конца. Но — привык за столько лет, а отвыкать, пожалуй, уже некогда. Переписываться тоже ни с кем не переписываюсь — наверное, потому, что терпеть не могу писать и очень жалею, что иным путем в наших условиях нельзя сделать книгу. В литературной работе для меня самое приятное — думать о будущей вещи, представлять ее себе все яснее и яснее; писать же — неизбежная принудительная работа. Какие уж тут письма...

Поэтому я искренне жалею, что не могу похвастаться какими-либо контактами с представителями внеземных цивилизаций. Может быть, они, представители эти, и научили бы обходиться без этого нудного процесса. Нет, это вовсе не значит, что я отрицаю саму возможность и даже наличие таких контактов. Однако, если они и существуют, то, по моему убеждению, не так, как это обычно представляется, — встретились, поприветствовали друг друга по обычаю каждый — своей планеты, сели (легли, взлетели и т. д.) и стали общаться — фонетически, теплелатентически или еще как-нибудь... Думаю, что с нами общаться могут те, кто более развит (инициатива общения с менее развитыми должна бы исходить от нас), а у них наверняка есть другие способы: просто вложить вам в голову некую идею, так, чтобы вы и не заподозрили, что она не сама собой у вас возникла... Но об этом я уже писал однажды и не буду повторяться.

Теперь, мне кажется, я ответил на часть заданных мне вопросов — на те, которые носили более общий характер; и еще кое-что добавил, о чем меня вовсе не спрашивали, но что мне хотелось, пользуясь случаем, сказать. Другая часть вопросов более конкретна. Попытаюсь ответить на них.

Моя оценка серии «БСФ» в «Молодой гвардии», и почему меня в ней не издают. Вряд ли я могу сказать что-нибудь об этой серии: читаю в ней только тех авторов, которых знаю по другим изданиям. Издаются ведь в этой серии и Г. Гуревич, и О. Ларионова, и С. Гансовский, и А. Шалимов, А. Балабуха, даже Кир Булычев как-то издался. Что касается других, то последние годы я их не читаю: по-моему, художественных открытий там не возникает, а время дорого, и приходится фантастику читать уже с выбором. Что касается меня самого, то одна книга в этой серии у меня вышла — давно, в 1971 году. Еще раз я предложил туда одну свою повесть лет через десять и получил ответ научного консультанта (или редактора, не помню уже), что представления редакции о том, как будет выглядеть

человек будущего, расходятся с моими. Я невольно снял шляпу перед людьми, знающими, как будет выглядеть человек будущего — сам я об этом и представления не имею, и не пытаюсь понять: тут дай Бог со своими современниками разобраться; во всяком случае, с тех пор я их не беспокою. У издателя есть право не издавать, у автора — не предлагать.

Тут, однако, меня просят высказать и более конкретные мнения об отдельных писателях: Стругацких, Казанцеве, В. Щербакове.

Я не критик, и оценка моя — дело, так сказать, лично мое, как говорится — дело вкуса; я ее выскажу, но не думаю, что здесь надо детально аргументировать. А. и Б. Стругацких ценю очень высоко, потому что они художники, и то, что они написали — литература, и немалая, и в ней философ не противоречит художнику, как это порой можно заметить у И. Ефремова. В. А. Казанцеве я художника не вижу, хотя масштаб его замыслов, безусловно, производит впечатление, но ведь литература — не столько замысел, сколько уровень его выполнения. Впрочем, «Пылающий остров» в предвоенной фантастике был, наряду с «Тайной двух океанов» Гр. Адамова (и останется в истории НФ), явлением едва ли не самым заметным; но если Стругацкие, начав, шли по восходящей, то Казанцев — наоборот. Творчество В. Щербакова оценить затрудняюсь. В моем представлении творчество — нечто, протяженное во времени и значительное по объему. В данном случае можно говорить не о творчестве, а об отдельных книгах. Не берусь судить о качестве фантастических или философских идей; литературный же уровень их представляется мне весьма средним. Но все, как говорится, впереди.

С этим вопросом граничит и еще один: не думаю ли я, что надо смелить редакцию фантастики в «Молодой гвардии».

Да нет, не думаю. Зачем ее менять? Об этом можно было говорить, пока она была, фактически, монополистом в фантастике, и уровень издаваемой фантастики в очень многом зависел от этой редакции. Но сейчас, когда монополия эта, по сути дела, кончилась — зачем лишняя суета? Сама жизнь заставит, когда придет время. Главное — что сейчас есть иные издательские возможности, и чем дальше, тем, надеюсь, их будет становиться больше. Опять-таки — решит читатель.

Что же касается того, что редакция эта, как сказано в одном из писем, искажает традиции Ефремова, печатая не самых лучших авторов (там, правда, сказано несколько резко) и незаслуженно причисляя их к «школе Ефремова», то я не совсем понимаю, что такое школа Ефремо-

ва. Роль самого И. А. Ефремова в развитии советской фантастики переоценить трудно, мы от него, по сути дела, ведем наше новое летоисчисление, он был человеком, возникшим в нужное время и в нужном месте. И, безусловно, местом этим оказалась редакция приключений и фантастики «Молодой гвардии» — только не нынешняя, а та, ныне уже легендарная редакция. Однако создал ли он свою школу? Далеко не уверен. Обидного в этом ничего нет, вот и Горький своей школы не создал, писатели куда больше учились у Толстого и Достоевского — даже современники Горького. И у нас, думаю, куда больше учатся у тех же Стругацких. По уже названной выше причине: они — большие художники. Ефремов же был в большей степени мыслителем, но это далеко не одно и то же. Я хочу сказать, что надо сперва бесспорно сформулировать признаки этой школы, а потом уже судить, кто в нее вхож, а кто — нет. Жонглировать же именами — дело бесполезное. Кстати сказать, Аристотель, как все мы помним, был величайшим ученым своего времени — но его авторитетом потом сотни лет сдерживали развитие науки, ибо развитие неизбежно «отменяло» какие-то из провозглашенных ученым истин. Но Аристотель-то в этом не виноват...

Среди заданных вопросов есть один о состоянии прибалтийской фантастики и о том, как отражаются на ней процессы в Прибалтике. Я думаю, что не отражаются никак — по той причине, что не существует такого явления: прибалтийская фантастика. Есть отдельные авторы отдельных произведений. Если же иметь в виду фантастику русских авторов, проживающих в Прибалтике, скажем, те сборники, что издавались в Риге, то на них процессы эти повлияли плохо: нет бумаги, нет и желания, видимо, развивать книгопечатание на русском языке. Это я и по себе знаю. Относительно будущего этих сборников можно только гадать, мне оно представляется печальным. Что делать? в прибалтийских проблемах это не самая важная, хотя нас и непосредственно затрагивает.

Что же касается моего ухода из «Даугавы» — есть и такой вопрос, — то и он, я думаю, связан с этими процессами, и был, так сказать, одной из первых ласточек. Из «Даугавы» я не сам ушел, меня заставили уйти, и вовсе не только из-за фантастики. Тут кстати будет заметить, что пренебрежительное отношение к фантастической литературе не делает чести его носителю, но свидетельствует о дремучем литературном провинциализме — независимо от того, мыслит ли так где-нибудь на окраине или в самом что ни на есть центре. К счастью, фантастика от

этих мнений не очень-то зависит как целое (хотя в частности, конечно, и страдает); она достаточно уверенно все дальше входит и в «главное русло» литературы, коли уж и Ч. Айматов ее использует, и Алесь Адамович вдруг пишет повесть целиком в фантастическом ключе... Волны от возникновения латиноамериканской прозы, органично сращивающей фантастическое и реалистическое начала, дошли, пусть не сразу, и до нас — да у нас и у самих было это, от Гоголя до Булгакова, и в Европе были и Гофман, и Кафка. Процесс этот — двусторонний, реалистика и фантастика взаимно оплодотворяют друг друга, и в ближайшие десятилетия путь развития прозы лежит, думаю, именно в этом направлении.

Еще несколько вопросов, которые, пожалуй, трудно привести в систему.

Мое отношение к движению КЛФ? В целом положительное. Хорошо, когда люди объединяются не в шайку, а в клуб, и целью не ставят нанесение вреда другим людям. Бесформенность этого движения? Ну, какие-то формы оно так или иначе принимает, но не дай Бог — заформализовать его, одеть в мундир и опять потребовать, чтобы все шагали в ногу. Люди-то, к счастью, все разные. Кто-то хочет только доставать книги и читать — но разве этого мало? Своего рода литературная потребкооперация — ну и что же? В любом случае это ведь не только чтение, это и какие-то формы обмена мнениями, и какие-то виды

дискуссий, и мнения, и отклики — нет, это очень немало. А кто хочет больше — делает больше. Кто-то занимается хозяйственной деятельностью, кто-то — в той или иной форме — издательской, пусть сперва и на уровне фэнзинов; пусть и не все даст со временем плоды — но так и не бывает, чтобы все без исключения зерна взошли. Я думаю — не надо корректировать, это ведь значит — поставить себя в положение людей, которые лучше других знают, что этим другим нужно — но известно, к чему это приводит. Самое большее, по-моему, что надо делать — это предлагать свои варианты, но не обижаться, если предложения эти кем-то и не будут приняты.

Что, помимо чтения фантастики, является — или должно являться — отличительными чертами фэна? Честное слово, не знаю. Я бы пожелал одного: быть порядочными людьми. А остальное — по возможности.

Что касается создания Всесоюзной Ассоциации НФ — не знаю, чем она должна быть. Я думаю, что определенные организации нам нужны, и какие-то соображения по этому поводу у меня есть. Но в каждом отдельном случае надо определить, каковы цели и состав каждой такой организации. Одно название ни о чем еще не говорит. Так что на этот вопрос мне ответить трудно. Создать можно что угодно — только зачем? Начинать надо с этого.

Нет ли желания возглавить общесоюзный журнал фантастики и от кого зависит создание этого журна-

ла? Зависит теперь в основном от нас самих. Нечто подобное мы сейчас пытаемся осуществить в рамках ВО КЛФ, а другие люди в других местах делают такие же попытки. Как я уже сказал выше, у кого-то получится, у кого-то — нет... Возглавить? Сейчас хочется этого меньше, чем раньше. Просто я посмотрел на календарь и понял, что мне уже немало лет. И приходится все более отсекал от себя то, что не является самым необходимым. Так что не знаю. Может быть, успею, но может и так статься, что постараюсь вложить все оставшееся в те замыслы, которые хочется реализовать в книгах. В общем, как говорят в футболе — игра покажет. В принципе заниматься такими делами, как издательская и журналистская деятельность, сейчас самое время тем, кому от тридцати до сорока: они не только начать успеют, но и, как говорится, пожать плоды. А нам приходится серьезно рассчитывать силы: мы уже начали понимать, что болеют не только наши бабушки.

Пока, правда, пытаюсь заниматься и делами ВО КЛФ, среди которых журнал — одно из главных. Но на столе лежит повесть, у которой еще нет названия, но есть уже около сотни страниц. Хотелось бы к лету ее закончить, а к осени, пусть вчерне — еще одну, которая сейчас всю разворачивается в воображении. А уже потом, завершив один большой перевод, который на мне висит, засесть за большой роман, о котором пока очень приятно думать...

ДРУЗЬЯ ФАНТАСТИКИ ИЗ СССР!

Болгарский журнал «Фантастика, Эвристика, Прогностика» выходит уже три года и у него много поклонников в СССР.

МЫ ИЩЕМ ИЗДАТЕЛЬСТВО ИЛИ КООПЕРАТИВ для выхода журнала на русском языке на взаимовыгодных условиях.

Журнал «ФЭП» награжден международной премией «Еврокона-89». Он выходит 4 раза в год. У него 36 богато иллюстрированных страниц формата $\frac{1}{8}$ из 60/90 см.

**Адрес для деловых контактов:
Болгария, 1040, София, бул. «Ал. Стамболийски», № 11,
тел. 873196.**

**ПРОСТО
ОСЕНЬ**

Радуга красок. В день разом полыхнули разодетые золотыми монетами березовые леса, перелески, колки. Яркой бордовой одежкой накрылись заросли черемушника. Выстроились на покосных лугах сытые, плотные башни стогов. Завели свои хороводы возле пней опять. Посветлела в лесных речушках вода. Подолгу, до обеда, не просыхают утренние росы. Все чаще над лесными увалами, над логами висит густой туман. Шуршат, будто разговаривая меж собою, падая, листья, устилают лесные дорожки и тропинки. Приятно хрустит под лезвием ножа рыжик, и тут же словно маленькое солнышко в огненном ореоле покажется на срезе ножки гриба. А запах, запах какой!

Сколько таких вот осеней прошло, пролетело, осталось позади! Да насколько не больше и не меньше, чем прожил ты лет. И все они твои.

Окно

Простое окно, как правило, делается из дерева и стекла. И значит нет в нем ничего особенного. И все же окну рознь. Одно дело, когда глядит оно своим стеклянным глазом на шумные пыльные улицы городского квартала, где почти круглые сутки движение, трамваи, троллейбусы, автомобили.

Другое дело, если смотрит окно в сад, посаженный и ухоженный своими руками: румянятся на ветках яблоки, наливаются соком ботва моркови... Сад, а за ним лес, березовый, сосновый, еловый... Радостно глядеть из такого окошка.

Не всякий хозяин даже сельского дома или дачи может похвастаться таким вот волшебным окном, как у нашего знакомого Юрия Васильевича. Его могло и не быть, если бы не настойчивость будущего хозяина. Чуть ли не всем миром мастерили ему избушку. Друзья да приятели, просто знакомые помогали, кто делом, кто просто советом. И дело спорилось. Росли стены, потолок и крыша, но стоило только вставить окно в проем, оставленный в стене, как глянули в него уголок сада и яркая, вся в красках осень. И стал этот обычный наш уральский пейзаж по-особому дорог хозяину домика.

Ему показалось, что от его окна взяла начало сама осень, повела через сад и отправилась гулять в лес, что поднимается в гору.

Земля не может утомить

Так уж нередко случается: живет на земле человек, ходит по ней, красоту мира вокруг углядит не с детства, а лишь спустя долгие годы. Винить таких людей нельзя, не в чем. Городская суета, будни, учеба да работа, жилье где-нибудь на пятом-десятом этаже ограничили его мир.

Где, когда коснешься ты, человек, земли? Привычка к такому образу жизни заставляет с годами двигаться подобно маятнику часов. И бежит, неумолимо бежит время, не остановить его.

Вот и у моего знакомого так легко проскользнули годы, словно по чистому льду, в городской суете, в работе, в спорах. А тут вдруг, на тебе, взял да и резко сбросил скорость, тормознул, перевел дыхание, оглянулся вокруг. Красота-то какая!

Тишина. Рядом лес, озеро и земля под ногами не городская, твердая, а мягкая, садовая и лесная. Осень гуляет в округе, пахнет землей. А ты идешь по ней, и так легко на душе, во всем теле. Такая земля не может утомить ни в работе на ней самой, ни когда ты идешь по ней, отмеряя, подобно годам, свои собственные километры.

Дождь

Не правда ли, только при одном упоминании этого слова невольно представляешь серое хмурое небо, лужи, грязь, сырость. Но еще есть дождь совсем другой, необычный, зовут его в народе «сухой». И всяк его может видеть, восхищаться им, не только по осени.

Припоминаю одну не очень далекую осень, когда возводили мы с Юрием Васильевичем, как он говорил, избушку. Работаем, работаем, а в перерывах идем в лес по грибы.

Опят в тот год было — пропасть! И несли, и везли их из леса с утра до вечера. Отведали и мы ближних грибов, что у озера и в его окрестностях росли в изобилии. Но хотелось еще и дальних, тех, что должны быть нетронутыми, по-особому маленькими, крепкими и ядреными. И однажды, подумав, отправились мы ранним утром за Вязовское болото.

Болото это не такое уж мокрое, но ужасно кочковатое. Потому-то перебрались мы через него не напрямую, а по зимнику. Как миновали сырое место, тропка, петляя, провела нас ельником на открытое покосное место. Приустав от перехода, не присели — растянулись под кронами могучих сосен. И взору открылись покосные луга, залитые ярким огнем солнца.

Небывалая, разноцветная осень гуляла по лесу. Вокруг нас не покрывал, а шел настоящий густой золотой дождь, шумный, бойкий, говорливый. И можно было дотронуться, поймать, подержать в руке «каплю», которая в отличие от дождевой не ускользала, не испарялась, не терялась в траве.

Мы лежали под соснами, а вокруг шумел листопадный дождь. Краски всех цветов и оттенков гуляли по земле и в воздухе.

Листопад. Это дело не шуточное. Сыплются на землю листья — значит идет подготовка к зиме, к холодам.

Яблоки

Узенькая тропинка проходит под самым окном и ведет к калитке. Откроешь ее, пройдешь улицей и попадешь в березовую рощу. Там осень.

Сегодня можно было и поспать, да утро не дает. Сквозь плотные шторы вижу, как встает оно, ясное, свежее. Какой там сон!

Глянул в окно на сад и на дорожку, что ведет к калитке. Вот тебе на! Будто снег покрыл тропинку.

Блестит, переливается иней на траве, а среди всего этого утреннего наряда светятся на тропке огоньки. Откуда они взялись? Да это же яблоки, сброшенные ветреной ночью. Упали на мягкую дорожку и притаились до утра, до света. А как взошло солнце, заявили они о себе, заиграли ярко-огненными боками.

Увидев такое, не выдержал, вышел в сад, поднял несколько штук. Слово не яблоки взял я с земли, а ледышки. Разсм ошутила моя теплая ладонь прохладу, которую принесло с собой утро осеннего дня.

Занес яблоки в теплую избушку, выложил на стол. И они тут же покрылись мелкими капельками росы. Точь-в-точь как теплым летом.

Ветер

Глубокая ночь стояла за окном. Но не спалось. И не от того, что не хотелось. Нет. Там на дворе было неспокойно. Ветер буйствовал в ночи, носился невидимкой по саду, гремел крышей, стучал в окно домика. Порою он затихал, набирая сил, и пуше прежнего гудел в ночи.

Задремал я только под утро. И то ненадолго. Разбудила тишина. В окно смотрело пасмурное небо. Затопил печь, взял ведро и пошел на колодец.

Сквозь плотный брезент туч с трудом проглядывало солнце. Вчера еще такое яркое, сегодня оно глядело из гущи облаков невесело. Но все-таки, что там ни говори, сила солнца велика. Его луч отыскал себе путь в облаках и мигом залил светом гору, поросшую березняком.

И все, кто мог, увидели, что натворил ночной буян-ветер. От листьев, что еще вчера вечером бойко шумели на ветках берез, не осталось и следа... Все они крепко усти- лали лесную землю. Зато разом открылись дали.

Олег КАПОРЕЙКО

НА ГРАНИ
ФАНТАСТИКИ

С КАШПИРОВСКИМ — ПО БИОПОЛЮ

Семен
РЕМПЕЛЬ,
доктор
технических наук

Как отнести к публикациям об экстрасенсах?

Есть ученые самого высокого ранга, которые считают: если явление непонятно, значит его не существует. Вот пример. Еще в начале века в России публиковались работы по воздействию электромагнитного поля на водные растворы, а с 1945 года с легкой руки Вермейрена (Бельгия) по всему миру стали применять магнитную обработку природной воды, а затем и активацию воды другими физическими методами (вода дросселированная, вакуумированная, талая, электролизная). Чл.-корр. АН СССР М. В. Волькенштейн объявил активацию воды физическими методами лженаукой, поставил ее в один ряд с телекинезом, парапсихологией, чертовщиной, основанной на вопиющем невежестве, и описал, как они с президентом АН СССР академиком А. П. Александровым резвились и потешались над теми, кто примазывается к науке, занимаясь этой ерундой (статья «Трактат о лженауке» в журнале «Химия и жизнь» № 10, 1975 г. и «О феномене лженауки» в журнале «Природа» № 11, 1983 г.). Между тем, вслепую, без теории энтузиасты продолжали внедрять активацию воды в промышленных масштабах, прошло несколько конференций, накоплены тысячи публикаций с конкретными положительными результатами. Конечно, наши физики физику знают, но они не учли, что природная вода — это не просто H_2O , она содержит растворенный воздух и другие газы, бактерии, взвешенные примеси. Трудами В. Д. и И. Д. Зеленушных (Алма-Ата) и Н. Ф. Бондаренко (Ленинград) показано, что частично дегазированная вода (талая, например) обладает повышенной проницаемостью через биологические мембраны, облегчает обменные процессы в организмах растений и животных; Л. А. Дроярнов (Алма-Ата) показал, что в магнитном аппарате тоже происходит дросселирование и высвобождение в неоднородном магнитном поле растворенного воздуха. Нами было показано, что «живая» вода, получаемая электролизом (имели хождение по рукам листовки инженера Кротова со списком 25 болезней, от которых она излечивает), действительно активирована восстановлением кислорода растворенного воздуха (т. е. дегазацией), только применять ее в ряде случаев нельзя (может вызвать кровавый понос). Короче говоря, остаточные изменения в воде, сохраняющиеся часами, действительно существуют, и объяснения этому могут быть даны без мистики, только на основе давно известных науке данных.

Не сходная ли с этим ситуация складывается в оценке феномена немислимой популярности психотерапевтов («Известия» № 274, 1 октября 1989 г.). Статья С. Лескова «Эфир для экстрасенсов» явно противоречива. Вначале по адресу психотерапевтов и экстрасенсов и людей, верящих, что «...исцеление стало возможным благодаря силе чудесного биополя», рассыпаны уже знакомые выражения: «Агрессивность, фанатизм — верные спутники лженауки», даны две ссылки на Ф. Энгельса и, как еще более убедительное, сообщение о том, что даже в Канаде по телевидению ничего подобного не показывают, хотя не могут не знать о нашем «прогессе» (навычки поставлены С. Лесковым). Но далее автор по-

дробно доказывает, что массовые сеансы телевизионной психотерапии могут причинить вред здоровью. А ведь этим самым автор признает существование самого эффекта. Не так ли? В принципе неважно, со знаком плюс или минус, но эффект существует. Это очень похоже с обстоятельствами магнитной водоподготовки: эффект остаточных изменений отрицается, но выходят официальные документы, запрещающие самостоятельное применение магнитных аппаратов, т. к. старая накипь отваливается, местные перегревы могут привести к взрывам котлов. Значит, пусть со знаком минус, но эффект документально подтвержден, и впрямь попали противники нового, а не новаторы.

Можно напомнить и конфуз с кибернетикой, которую у нас в стране в свое время объявили буржуазной, антинаучной ересью.

С. Лесков пишет, что, в числе прочего, не придется ли нам «экспортировать из Америки еще и здравый смысл?» Думается, что здравый смысл в оценке деятельности врача-терапевта А. М. Кашпировского, журналиста А. Чумака и других надо бы действительно иметь свой.

А все-таки в чем может скрываться тайна таких феноменов, как внушение, обезболивание пациентов при сложных полостных операциях, при удалении зубов и т. д. через телевидение, на очень больших расстояниях? Надо полагать, что телевидение придает прицельность, помогает направить внушение (или, как еще говорят, биополе) адресату и установить с ним обратную зрительную связь. Но какова природа этой передачи, и не противоречит ли этот феномен выверенным законам физики?

Попробуем нацупать рабочую гипотезу.

Из польского юмора известно, что женщина чувствует себя счастливой, если у нее есть мебель и есть муж, который эту мебель передвигает. Так вот, когда Адам опять передвигал обломок скалы, служащий Еве туалетным столиком, то из-за привычки к такелажным работам он уронил обломок себе на ногу и, будучи мужичиной научного склада, установил, что существуют силы всемирного тяготения (гравитационного взаимодействия). Когда паломники пришли в Мекку, то заметили, что подковки их сапог притягиваются к священному небесному камню (то был магнетит), и стало ясно, что существуют магнитные силы. Наконец разобрались, что молнии — это не блеск очей разгневанного Зевса, а явление электрическое, не сводимое к магнитным и гравитационным взаимодействиям. В безмятежной уверенности, что этими тремя видами взаимодействия исчерпывается всё многообразие явлений в природе, человечество пребывало аж до 1932 года. К этому времени были уже автомобили, самолеты, подводные корабли, от первых радиопередач А. С. Попова человечество шагнуло к радиовещанию и телевидению, инженер Лосев положил начало использованию полупроводников, уже была атомная модель Бора, теория относительности и квантовая механика... Все это уже было, и прекрасно обходились без каких-либо представлений о внутриядерной энергии.

Лишь в 1932 году профессор Д. Д. Иваненко показал,

что одновременно заряженные протоны не могут ужиться в ядрах атомов, отрицательно заряженных электронов там быть не может, и высказал мысль, что протоны не разлетаются потому, что в ядрах должны быть еще и незаряженные, нейтральные частицы, и что между всеми частицами, составляющими ядра, должны действовать очень мощные стягивающие силы. Через два года Чадвик (Англия), пользуясь методикой академика Скобельцина, экспериментально подтвердил существование нейтронов. Так человечество пришло к знанию о существовании новых сил взаимодействия.

Может ли кто-нибудь утверждать, что теперь-то уж это всё, что больше никаких новых видов взаимодействия не будет открыто?

Знакомая ситуация. В начале нашего века среди физиков сложилась уверенность, что здание физики построено, остались лишь мелкие уточнения. Сле заблуждение было разбито В. И. Лениным в его работе о кризисе физики, а его выражение: «Электрон так же неисчерпаем, как атом» — стало хрестоматийным.

Закономерно предположить и принять в качестве рабочей гипотезы: на таком высочайшем уровне организации и развития материи, каким является Человек, может иметь место неизвестный вид взаимодействия между людьми. Не так важно, как предполагаемый вид взаимодействия будет называться, пусть его называют биополем, — важно установить экспериментально его существование, его природу и свойства, дальность действия, роль телевидения, «энергизированной» воды по А. Чумаку и многое другое.

Правда, утверждение А. Чумака (на телепресс-конференции 14 октября 1989 г.) о том, что его воздействие — не внушение и не психотерапия, а влияние через энергизированную воду и кремы — явно антинаучно. Вода, помещенная перед телевизором, за счет рентгеновского его излучения, конечно, чуть-чуть меняет свой вещественный состав, и это может быть обнаружено очень чувствительным прибором, но это изменение не зависит от того, «видит» ли вода пазлы А. Чумака. Разобраться легко — пусть вода энергизирована А. Чумаком перед одним телевизором, а выпьет ее другой, не видевший телесеанса.

Думается, что вода или крем играют ту же роль, что и блестящий шарик, которым в прошлом гипнотизеры фиксировали внимание гипнотизируемого. И только.

Смущает другое. Мощность излучения мозга очень мала, дальное действие поражает воображение (телеграммы А. Чумаку из Австралии, обезбоживание при сложных операциях, осуществленное с помощью телевидения на расстоянии более 1000 км А. М. Кашпировским...). Не противоречит ли это науке? Нет, не противоречит.

Наши автоматические научно-исследовательские станции совершили мягкую посадку на Венеру. Их радиосигналы, полученные с расстояния свыше 80 млн. км, были настолько слабы, а мощность, приходящаяся на 1 м² приемных антенн на Земле, настолько мала, что наш мозг не приспособлен к восприятию таких малых величин. Лучше так скажем: если эту энергию сигналов накапливать, чтобы нагреть чайник воды до кипения, то пришлось бы копить энергию в течение времени, в 1000 раз большего, чем существует вся Солнечная система.

Как это стало возможным?

В 1951 году появилась первая теоретическая статья профессора Фабриканта с его аспирантами, и уже через три года молодыми профессорами Прохоровым и Басовым был создан первый в мире квантово-механический прибор, работающий в радиоволновом диапазоне (Нобелевская и Ленинская премии). Принцип работы генераторов и усилителей такого рода основан на явлениях, которые не могут быть точно описаны обычными понятиями, поэтому изложу принцип, положенный в основу лазерной и мазерной техники и технологии (нам это описание понадобится чуть ниже).

Атом может находиться в обычном состоянии, но

если он поглотит квант (порцию) энергии, то переходит в возбужденное состояние, на более высокий энергетический уровень. Возвращаясь в исходное состояние, он честно эту порцию энергии отдает. Но возвращение атома из возбужденного состояния в обычное может происходить двухступенчато, т. е. атом может на какое-то время задержаться на промежуточном уровне. Если вблизи такого атома пролетит квант (скажем, сигнала, подлежащего усилению), то этот квант сыграет роль спускового механизма, он «спровоцирует» переход атома с промежуточного уровня на обычный, как было сказано, с освобождением кванта энергии. Получаем теперь уже два кванта. Один — усиленного сигнала, второй — от атома, предварительно заряженного, возбужденного от какого-либо источника. Если создать условия, когда больше половины атомов рабочего тела будут возбуждены и задержатся на промежуточном уровне, то произойдет согласованное, когерентное излучение, где все кванты будут иметь строго одинаковую фазу и одинаковую частоту. Эта особенность открыла квантово-механическим генераторам и усилителям широчайшее поле применений: от микрохирургии на две глазоу яблока до космической связи, от технологии сверхчистых полупроводников до раскроя листового металла. Значит, связь на колоссальных расстояниях при очень малой мощности излучения возможна, вернее — осуществлена. А ведь человеческий мозг — это несравненно более совершенное «устройство», чем любое квантово-механическое средство связи. По сравнению с мозгом любые научно-технические ЭВМ выглядят узкоспециализированными и примитивными.

А. М. Кашпировский во время телесеанса сказал, что он «не очень-то напрягается». С позиции обсуждаемой рабочей гипотезы можно вполне с ним согласиться. От него вовсе не требуется, чтобы он «энергизировал» миллионы тонн воды или миллионы телевизоров. Его «биополе» тоже может играть роль спускового механизма, побуждающего организмы любого числа людей к восприятию его поля, — так же, как энергия, затрачиваемая на устную и письменную речь, не зависит от числа слушателей или читателей.

Лечебный эффект психотерапевтов и экстрасенсов, вероятно, следует объяснить их общим влиянием на мобилизацию внутренних резервов нервной системы людей, а уж организмы тех самих, лучше посторонних диагностов разберутся, что у них разрегулировалось и по возможности нормализуют свои функции. Этим, думаю, объясняется такая странность, как широкий спектр разных недугов, поддающихся благотворному влиянию массовых сеансов по телевидению. Роль телевизора, надо полагать, в том, что он помогает уточнить, кому предназначается сеанс, скажем, обезбоживания при хирургической операции, и установить обратную зрительную связь с пациентом.

Массовые телесеансы передаются не прямо в эфир, а в записи, с повтором на следующий день. Значит ли это, что «биополе» можно записать и включать когда угодно, без участия ведущего? А почему бы нет? Телевидение и радиовещание в записи доносят до нас все богатство всевозможных эмоций: и волнения хоккейных баталий, и сложные психологические коллизии театральных и киноспектаклей, и т. п. Поэтому неудивительно, что сеансы психотерапевта доходят до нас без потерь.

Телесеансы А. М. Кашпировского весьма доказательны и результативны, отмахиваться от них только потому, что нет теории феномена, крайне неразумно. Они открывают путь в новую эпоху познания и управления нервной деятельностью Человека, будут иметь очень важные последствия и в социальной сфере, и в науке, и в медицине, т. к. безлекарственное лечение позволит избежать отравления.

Уместны слова А. Пуанкаре: «Всякой истине суждено одно мгновение торжества между бесконечностью, когда ее считают неверной, и бесконечностью, когда ее считают тривиальной».

Рисунки
Сергея
Малышева

Нина ЩЕКУТОВА

ЛИХИЕ ТРАВЫ

Заметки о ядовитых растениях

Нелестные эпитеты придумал народ для ядовитых растений: «лихие травы, лютые корни». Все потому, что немало бед причинили они людям, пока удалось распознать их коварные свойства.

Биографии многих растений идут из глубин древности. О них известно немало мифов и легенд, пословиц и поговорок, им приписывались даже волшебные свойства. Народные названия растений метко характеризуют воздействие их ядов, служат предостережением об опасности. «Сонная одурь» — это беладонна, «бешеная трава» — белена, «головолом» — это и болиголов, и багульник. Самые ядовитые травы народ связывал с волками, лютыми зверями, отсюда «волчец» (чертополох), «волчок» (черешица), «волкобой» (борец) и другие.

Ядовитые растения расселяются всюду: одни около жилья человека — на пустырях, у мусорных куч, другие на влажных сырых лугах и болотах, третьи — в лесах, среди кустарников. Появляются и на хлебных полях. Они есть во всех растительных зонах земного шара. Ядовитыми бывают не только травы, но и кустарники, деревья, а также злаки и грибы.

Многие из ядовитых зачислены в разряд ценных лекарств, используются как сырье для различных отраслей промышленности, некоторые известны в качестве красителей, дубителей кож. А в последнее время садоводы и огородники стали готовить различные ядовитые настои для борьбы с вредителями полезных посадок.

Мне вспоминается экскурсия по ботаническому саду возле города Батуми. Пройти по нему можно только с экскурсоводом, который просит не поднимать с земли облетевших листьев, не прикасаться к деревьям, тем более не пробовать плоды, так как на территории сада растут и ядовитые деревья.

К одному такому дереву он нас привел. Дерево было обнесено изгородью, мы смотрели на него издали. Это оказался сумах лаконосный, или лаковое дерево. В Китае и Японии его специально разводят на промышленных плантациях и добывают из него смолу, из которой готовят необыкновенно прочный и долговечный лак. Но сок его листьев и ко-

ры, попав на кожу, вызывает болезненные, долго незаживающие язвы.

Словом, ядовитые растения — равноправные представители нашей флоры, надо только научиться жить с ними в соседстве.

В своих заметках мне хочется обратить внимание читателя на распространенные ядовитые растения, многообразие их качеств. Информация же о лекарственных свойствах отнюдь не претендует на медицинские советы.

Волчье лыко

О встрече с этим кустарником мне однажды рассказала соседка. Она была в лесу с группой знакомых. Одна из спутниц наткнулась на кустик, усыпанный мелкими сиреневыми цветочками. Ей захотелось сорвать ветку, но оказалось, что это сделать не просто: волокнистые ветки не ломались, ножа не было. Тогда она стала перегрызать их зубами!

Немного погодя женщина почувствовала жжение во рту, как от перца, испугалась, стала полоскать рот водой, и жжение вроде прошло. Но в течение всего похода она была в тревоге за свое самочувствие, да и у других настроение испортилось.

Оказывается, это было ядовитое волчье лыко, и путешественница, ко-

торая перегрызала ветки, подвергла себя большой опасности.

Собираясь в поход, мы изучаем карту, смотрим, какие реки, болота и перевалы могут встретиться на пути. Но не мешало бы нам пополнить знания и о флоре. Узнать, какие травы и корни можно бросить в суп, из каких приготовить тонизирующий чай, а какие травы ядовиты и требуют умелого обращения.

Волчье лыко — небольшой кустарник, зацветающий в апреле, мае. Узнать его можно по сиреневым цветкам, которые сидят на голых ветках кучками. Кругом еще серый лес, у деревьев не распустились почки, а тут — а тебе: уже цветы! Вот они и завораживают путников, так и хочется сорвать. Тем более, когда вдохнешь аромат. Сразуловишь знакомый запах. Да это же почти наша сирень! И действительно, за это сходство волчье лыко часто называют лесной сиренью. Но аромат у волчьего лыка вредный: если долго вдыхать, то закружится голова, заболит.

В августе на месте цветков появляются соблазнительные ярко-красные ягоды. Живет этот невысокий кустарник среди роскошных сосен и берез. Одна вроде бы столовая у них, а он перерабатывает продукты земли в яды. Западает их во всех своих закромах: в коре, листьях, цветках и ягодах. Опасно даже прикосновение к его веткам, так как может воспалиться кожа рук, и они будут опухать.

Многие ядовитые растения при высушивании теряют хотя бы какой-то процент вредных веществ. Но волчье лыко и в сухом виде остается жгучим, ядовитым.

Люди издавна стремились познать его лекарственную ценность. Раньше в народной медицине из коры, собранной весной, а также из ягод готовили спиртовую настойку и применяли как наружное средство при ревматизме, подагре, параличах, опухлях и нарывах, при золотухе. В гомеопатии спиртовую настойку использовали при костоеде, лихорадке, против различных сыпей на теле. Готовили эти лекарства опытные специалисты, так как растение требует предосторожности и умелой дозировки.

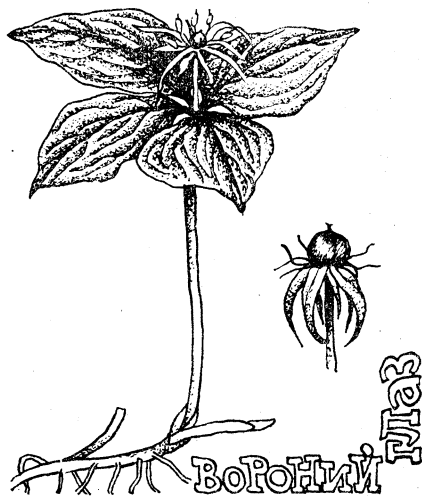

Воронейц колосистый

Август — месяц сбора ягод и грибов. В их поисках незаметно преодолеваешь горы и низины. Идешь идешь и вдруг останавливаешься перед кистью черных ягод. Это ядовитый воронейц. Бывают ягоды красные. Значит встретился красный воронейц.

В лесном травостое это растение не сразу заметишь, цветки у него беловатые, мелкие, пожалуй, внимания человека они не привлекут. Вот когда поспеют ягоды, тут до беды недалеко. Если их попробовать, то может возникнуть тяжелое отравление.

Раньше опытные народные лекари умели пользоваться растением. Корни применяли от астмы и зоба, от подагры и невралгии, а из черных ягод готовили черные чернила. В наши дни едва ли стоит готовить чернила из воронейца. Пусть растение разнообразит нашу флору. Но знать его необходимо, чтобы не отравиться.

Воронейц

Это растение можно встретить в тенистых лесах, среди кустарников, на лесных полянах. Обращает на

себя внимание синевато-черная ягода, похожая на чернику. Только она ядовита.

Чтобы не ошибиться, надо внимательно рассмотреть растение. На невысоком стебле у него имеется четыре эллиптических листа, расположенных кружком, за что в народе растение называют еще крест-травой. На каждом листе хорошо видны три жилки. В центре листьев в июне появляется зеленовато-желтый цветок, а в августе поспевают ягоды.

Трава и ягоды имеют не очень сильный, но неприятный запах, если вдохнешь его раз-другой — пропадет желание съесть эту лесную ягоду.

В народной медицине из корней, листьев и ягод готовили домашние лекарства, которые применялись при различных болезнях: головной боли, нарушениях пищеварения, бронхите, заболеваниях нервной системы. Но сильная ядовитость растения требовала осторожности, поэтому и применение препаратов было ограниченным.

Чемерица

Стою как-то на станции, жду электричку. Вижу, девочка лет десяти стоит рядом с отцом и держит в руках букет из цветов чемерицы.

Подхожу, спрашиваю:

— Вы знаете, что это за растение?

Мужчина пожал плечами:

— Нет, не знаю.

Да как же не знать чемерицу! Едва начнут зеленеть луга, как она торопится всех обогнать в росте, один за другим выбрасывает свои ядовитые широкие листья, которые зеленее всех и заметнее всех. А к страшной поре у плохого хозяина чемерица становится владычицей сенокосного уголья: выше всех выбросила вверх свое соцветие — пирамидальную почти полуметровую метелку с желтовато-зеленоватыми цветами. И в

скошенном сене ее сразу обнаружишь, она долго зеленеет в валках. Сельские жители знают, что из валков ее надо выбросить, чтобы не испортила сено своими ядами.

Среди травянистых растений чемерица считается долгожительницей, так как живет более пятидесяти лет. Цвести начинает на двадцатый год и цветет через два-три года.

Больше всего ядовитых веществ образуется в корнях и корневищах чемерицы, но яды также имеются в стеблях, листьях и соцветиях. Весной особенно опасны молодые зеленые ростки чемерицы. Если сок ее попадет на тело, начинается жжение, потом сходит кожа.

Чемерица опасна для скота, ее семенами могут отравиться птицы и куры, она ядовита и для пчел.

Как лекарственное растение чемерицу применяют редко. Из ее корневищ готовят, главным образом, чемеричную воду, которая употребляется как противопаразитарное средство в ветеринарии. В народной медицине делают настойки и мази для натирания больных суставов.

Заготавливают корневище с корнями осенью после отмирания надземных частей (август—сентябрь) или рано весной, когда еще не пошла в рост стебли и листья. Выкапывают их лопатой, моют в холодной воде, удаляют сгнившие части. При заготовке, сушке и обработке корней рекомендуются пользоваться респиратором или увлажненной марлевой повязкой и защитными очками, так как пыль корневищ может вызвать чихание и слезотечение.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

МЕДЬ И ЦИНК... ПО РЕЦЕПТУ

Эдуард ЯКУБОВСКИЙ

Многим медикам становится все яснее: нехватка в пище (а следовательно, и в организме человека) различных металлов — вредна для здоровья. Причем вредна не в меньшей степени, чем отсутствие витаминов.

Один из известнейших в этом деле польских ученых, профессор Юлиан Александрович бьет тревогу по поводу постоянной нехватки в нашем «меню» магния. Взрослым нужны шесть миллиграммов магния на килограмм веса, детям — 12, беременным женщинам — даже 18 мг. Металл этот находится главным образом в черном хлебе, гречневой каше, в отрубях, зерновых хлопьях, в овсе, какао, орехах, в семенах маслянистых и стручковых растений. Есть магний в картошке, шпинате.

Что указывает на отсутствие этого элемента? В первую очередь — психическая и физическая усталость. При низком уровне содержания магния в крови, — утверждают польские ученые, — наш мозг оказывается обезоруженным против свинца, вдыхаемого с загрязненным выхлопами автомобилей воздухом.

На необходимость лечения магнием могут указывать хронические катары, депрессии, беспочвенный страх, головокружение, аллергия. Отсутствие этого химического элемента вызывает спазмы желчного пузыря, которые блокируют желчные протоки, что, в свою очередь, ведет к болезням печени. И наоборот, ионы магния препятствуют образованию камней в мочевом пузыре. С нормальным уровнем магния в крови легче переносится инфаркт.

Еще в 1918 году установлено, что отсутствие магния увеличивает риск заболевания раком. Подтверждено также, что мало магния у больных бронхиальной астмой, а его наличие препятствует развитию атеросклероза. Направляется вопрос — но какую-то нужную нам часть этого элемента мы все же получаем? Пусть не полностью, пусть треть, четверть, но все же магний поступает в организм. Куда он девается? Магний тратится в моменты нервных возбуждений, стрессов. А их все больше и больше. Опыты показали, что наибольшее выделение этого металла было у студентов в период сессии и у... бухгалтеров во время составления баланса. Особо подчеркивается, что нехватка магния часто является прямым следствием алкоголизма.

Как бороться с недостатками того или иного химического элемента? Ждать, пока фармацевты наладят выпуск новых лекарств? Когда это будет... И польские ученые обратились в Институт... огнеупорных металлов в Гливице. Они попросили перемолоть им в мельчайший порошок доломит. Да, горную огнеупорную породу, в которой есть магний. Эксперименты показали, что под воздействием желудочного сока доломит разлагается и магний легко усваивается организмом.

Пока мы говорили об одном элементе. Но за последнее время во многих странах ученые взяли за самые разные металлы, которых, по их мнению, не хватает человеку сегодняшнего дня. Журнал «Техника — молодежи», например, рассказал нам о болгарских исследователях, изучающих действие меди на организм людей.

Этот металл давно привлекал внимание своими лечебными свойствами. Врач и философ Эмпедокл ходил в медных сандалиях. Аристотель спал с медным шариком в руках. Медные браслеты, до сих пор надеваемые новорожденному в Сирии и Египте, являются не только украшением, но и лечебным средством.

Многие старинные источники прямо говорят о меди как о лекарстве. Авиценна советовал прикладывать к ране медную пластинку, принимать медный порошок при лечении переломов. Замечено, что в период эпидемий холеры медеплавильщики и люди, жившие неподалеку от их мастерских, не заболели. Провели опыт — верно, от медной пластинки погибали холерные вибрионы, стафилококки, дифтерийные палочки.

Уже сейчас врачи приписывают «меделечение» тем, кто болен радикулитом, страдает от ран и нарывов. Очищенная пластинка приклеивается пластырем к больному месту на срок от шести часов до двух суток.

Как и в случае с магнием, недостаток в организме меди ведет к головным болям, различным нервным заболеваниям, гипертонии. Нехватку металла можно восполнить фасолью, абрикосами, овсом, свеклой, дыней, шампиньонами. Или же прямо лечить медью.

Дверные ручки и ножи, консервные банки и замки — вокруг нас железо, железо, железо. А как с ним в организме?

Оказывается, не очень хорошо. Данные даже развитых стран показывают, что люди там получают его в три раза меньше нормы, а норма — около 15 мг в сутки. В Варшаве исследовали женщин, собирающихся стать матерями. У половины из них нашли анемию — следствие нехватки железа.

Чем лечить анемию? Телячьей печенью, сушеными сливами, ростками пшеницы, орехами, семенами дыни и подсолнуха, но лучше всего — черным хлебом. Указывается, что железо лучше усваивается, если одновременно с ним в пищу есть и витамин С.

Рассказ о роли металлов в жизни человека можно продолжать и продолжать. Ну, взять хотя бы цинк. Его дефицит ведет к потере аппетита, быстрой усталости и даже депрессии. Зато наличие цинка в пище ускоряет заживление ожогов, тормозит развитие ревматизма, резко сказывается на зарубцевании язв желудка.

Можно было бы написать и о селене, йоде, литии — перечислить пришлось бы значительную часть периодической таблицы элементов. Не пора ли повнимательнее отнестись к тому, что нашему организму нужны металлы, нужны не меньше витаминов (а лучше — вместе с ними). Пора организовать выпуск еще небывалых лекарств. Впрочем, почему небывалых? Ряд фирм уже производит легко усвояемые соединения магния, например. Да и у нас давно-давно в почву вносятся микроэлементы, которые увеличивают рост растений, предохраняют их от заболеваний. А ведь и люди заслуживают такой заботы. Конечно, придется развешивать выпуск новых лекарств, разрабатывать технологию их производства, искать сочетания наиболее важных для нас металлов. Но когда-то не было производства витаминов, а сейчас какая это важная отрасль в сфере изготовления лекарств.

Природа по-своему указывает нам на возможную нехватку в питании металлов и других химических элементов. Возьмите бутылку «Боржоми» и прочтите надпись на этикетке: гидрокарбонат, хлор, сульфат, фтор, йод, натрий, кальций, магний. Именно этим сочетанием химических элементов и соединений обусловлена целебная сила «Боржоми».

Нет, не случайно раньше врачи советовали ехать «на воды». И ведь помогало! Только открыли «марциальные источники», как туда поехал Петр I. Не найдешь у нас в прошлом веке крупного писателя, ученого, государственного деятеля, который не пил бы воду на Кавказе, в Карлсбаде, на других известных курортах мира. Интенсивная терапия (ведь выпивалось в день по несколько литров) делала свое дело — организм усваивал то, чего ему не хватало.

А может быть, и пойти по этому пути? Создать искусственную минеральную воду, в которой будут находиться именно те элементы, которые в своем оптимальном сочетании нужны больному организму. А может, и прямо прописывать соли металлов, найдя наиболее подходящие для каждого случая...

Эдгар БЕРРОУЗ

*Рис. Николая Мооса
и Елены Пьянковой*

Лесной бог

Когда Клейтон услышал выстрел, им овладело мучительное предчувствие. Какие мысли мелькнули у странного похитителя или спутника его, Клейтон мог только предполагать, но то, что он слышал выстрел и почему-то сильно встревожен, было вполне очевидно: он так ускорил шаг, что Клейтон, спотыкаясь в темноте, ежеминутно падал в тщетном усилии не отстать и вскоре остался безнадежно позади.

Боясь снова заблудиться, он громко крикнул дикому человеку и через минуту с радостью убедился, что тот вернулся.

С минуту Тарзан пристально глядел на него, точно не зная, как лучше поступить. Затем, согнувшись перед Клейтоном, он показал ему жестом, чтобы тот обхватил его шею, и с белым человеком на спине Тарзан понесся по деревьям.

Эту бешеную гонку молодой англичанин не мог забыть никогда. Высоко среди гнущихся и раскачивающихся веток он несся с быстротой, казав-

шейся ему невероятной, в то время как Тарзан был недоволен медленностью своего передвижения.

Таинственное существо, неся его на спине, легко перебрасывалось по головокружительной дуге с одной высокой ветки на другую, затем на протяжении, быть может, ста ярдов шло верными шагами через лабиринт переплетенных деревьев, балансируя, как канатоходец, высоко над черными глубинами зарослей внизу.

От первого ощущения холодящего страха Клейтон перешел к чувству пылкого восхищения и зависти к гигантским мускулам и изумительному инстинкту, или знанию, которое вело лесного бога сквозь чернильную темноту ночи так легко и верно, как сам Клейтон мог прогуливаться по лондонским улицам в яркий полдень.

Наконец они добрались до поляны у берега. Чуткий слух Тарзана уловил звуки, производимые усилиями Сабор, протискивающейся через решетку, и Клейтону показалось, что они мигмом слетели с высоты ста футов,— так быстро спускался Тарзан. Однако, когда они коснулись земли, Клейтон едва почувствовал толчок. Спрыгнув со спины обезьяны-человека, он заметил, как тот с быстротой белки метнулся к противоположной стене хижины. Англичанин кинулся за ним как раз вовремя, чтобы увидеть задние лапы какого-то громадного зверя, готовящиеся исчезнуть в окне хижины.

Когда Джен Портер открыла глаза и снова увидела угрожающую ей гибель, ее смелое молодое сердце отказалось от последнего призрака надежды, и она наклонилась, чтобы подобрать упавший револьвер, решив прибегнуть к милосердной смерти от пули, прежде чем жестокие клыки разорвут ее тело. Одно мгновение девушка колебалась. В эту минуту взгляд ее остановился на бедной Эсмеральде, которая лежала неподвижно.

Может ли Джен оставить бедное, преданное ей существо на растерзание беспощадным желтым клыкам? Нет, она должна сперва выпустить одну пулю в лежавшую в обмороке женщину, а уже потом обратить дуло револьвера на себя. Какая ужасная обязанность! Но было бы в тысячу раз менее простительной жестокостью дать негритянке, воспитавшей ее с детских лет со всей заботливостью и нежностью матери, прийти в сознание под терзающими когтями большой кошки.

Джен Портер решительно встала и подбежала к Эсмеральде. Она плотно прижала дуло револьвера к преданному ей сердцу, закрыла глаза и...

Девушка, ошеломленная, спустила курок и, обернувшись к зверю, тем же движением подняла револьвер и приложила его к своему виску.

Она не выстрелила второй раз— потому, что с изумлением увидела, что кто-то медленно вытаскивает огромное животное обратно через окно, за которым в лунном свете она рассмотрела головы и плечи двух мужчин.

Когда, обжав вокруг хижины, Клейтон увидел исчезающее в окне животное, он увидел также, что обезьяна-человек, ухватив обеими руками длинный хвост и упираясь ногами в стену хижины, напряг всю свою богатырскую силу в попытке вытащить зверя из комнаты.

Клейтон быстро подбежал на помощь. Соединенными усилиями огромное тело стало все боль-

Продолжение. Начало в № 4—7

ше и больше выходить из окна, и тогда Клейтон понял, насколько смел его спутник.

Поступок голого человека, тащущего за хвост упирающееся и ревущее чудовище для спасения чужой ему белой девушки, был действительно последним словом героизма.

Что же касалось Клейтона, тут дело обстояло иначе. Ведь девушка не только принадлежала к его расе, но была единственной женщиной во всем мире, которую он любил. И хотя он знал, что львица быстро покончит с ними обоими, он тащил ее за хвост, желая спасти Джен Портер. Затем он вспомнил бой между этим человеком и огромным львом с черной гривой и стал чувствовать большую уверенность.

Тарзан пытался растолковать глупому человеку, чтобы тот вонзил его смертоносные стрелы в спину и бока Сабор и всадил в сердце длинный острый нож, висевший у его бедра. Но человек не понимал, а Тарзан не смел отпустить могучую Сабор, чтобы сделать это самому, потому что он видел: тшедушному белому человеку ни за что не удержать львицу.

И тогда Клейтон увидел нечто, чего вечные небеса никогда не видели до сих пор. Тарзан мгновенно оседлал спину Сабор. Он вспомнил прием, которому был обязан победой над свирепым Теркозом, и руки его протянулись под мышками зверя, охватив шею.

Терзая землю лапами, Сабор каталась и бросалась туда и сюда в попытке сбросить с себя странного противника. Но все крепче и крепче напрягались стальные мышцы и все больше и больше пригибали вниз голову зверя.

Наконец Клейтон увидел под серебристым светом луны, как огромные мускулы Тарзана вздулись узлами на предплечьях. Еще одно долгое нечеловеческое усилие — и позвонки шеи Сабор переломились с резким хрустом.

Тарзан мгновенно вскочил на ноги, и Клейтон опять услышал дикий победный рев самца-обезьяны. Затем раздался мучительный стон Джен Портер:

— Сесиль, мистер Клейтон! О, что это такое, что это такое?

Клейтон подбежал к двери хижины, крикнул, что все хорошо. Джен торопливо подняла тяжелый брус и почти втащила Клейтона в комнату.

— Что это был за страшный крик? — шепнула она, близко прижимаясь к нему.

— Победный крик человека, который только что спас нам жизнь, мисс Портер. Подождите, я позову его, чтобы вы могли его поблагодарить.

Испуганная девушка не хотела оставаться одна и пошла вместе с Клейтоном к стене хижины, где лежала мертвая львица.

Тарзан скрылся.

Клейтон позвал его несколько раз, но ответа не было, и они оба вернулись в хижину.

— Что за крик! — сказала Джен Портер. — Я содрогаюсь при одной мысли о нем. Не говорите мне, что этот отвратительный крик был издан человеческим горлом.

— Но это так, мисс Портер, — ответил Клейтон, — или во всяком случае, если не человеческим горлом, то горлом лесного бога.

И затем он рассказал ей о своих приключе-

ниях с этим странным существом: как дикий человек дважды спас ему жизнь, о его изумительной силе, быстроте и храбрости, о его смуглой коже и прекрасном лице.

— Я ничего не могу понять во всем этом, — объявил он в заключение. — Сначала я думал, что это, быть может, Тарзан из обезьяньего племени. Но он не говорит и не понимает по-английски, так что это предположение не подходит.

— Что ж, кто бы он ни был, — воскликнула девушка, — мы обязаны ему спасением, да благословит его бог и хранит в безопасности в диких и свирепых джунглях!

— Аминь! — горячо сказал Клейтон.

— Господи боже, жива ли я еще? — раздался подле них голос.

Оба обернулись и увидели, что Эмеральда сидит на полу, вращая своими большими глазами.

Рев львицы спас жизнь негритянке, потому что, вздрогнув, девушка отвернула дуло револьвера в сторону, и пуля попала в пол.

У Джен Портер наступила реакция на потрясение, и она упала на скамейку с истерическим хохотом.

«В высшей степени замечательно»

В нескольких милях к югу от хижины, на песчаной косе пустынного берега, стояли два старых джентльмена и рассуждали.

Перед ними расстилался безбрежный Атлантический океан, за их спиной — Черный Континент, от которого надвигалась непроницаемая мгла джунглей.

Дикие звери ревели и рычали, шумы отвратительные и жуткие осаждали их слух. Они прошли уже несколько миль в поисках лагеря, но в ложном направлении. Они заблудились безнадежно, будто их внезапно перенесли на другую планету.

Самюэль Филандер меж тем ораторствовал:

— Но, дорогой мой профессор, я продолжаю отстаивать свою точку зрения. Если бы не победа Фердинанда и Изабеллы над маврами пятнадцатого века в Испании, то мир в настоящий момент стоял бы на неизмеримо более высокой ступени культуры. Мавры по существу были терпимыми и либеральнейшими земледельцами, ремесленниками и торговцами, то есть тем типом народа, который создал цивилизацию, подобную той, что мы видим теперь в Европе и Америке, в то время, как испанцы...

— Ой, ой, дорогой мистер Филандер, — прервал его профессор Портер, — сама религия их уже безусловно исключала ту возможность, на которую вы намекаете. Ислам был, есть и всегда будет могилкой научного прогресса, который, как я отметил...

— Господи боже, профессор, — прервал мистер Филандер, обративший случайно свои взоры на джунгли, — к нам точно кто-то подкрадывается.

Профессор Портер рассеянно обернулся в направлении, указанном близоруким мистером Филандером.

— Ну что вы, мистер Филандер! — пожурил он. — Как часто должен я побуждать вас добиваться той полной сосредоточенности ваших умственных способностей, которая позволяет направлять всю силу нашего интеллекта на многозначительные проблемы, выпадающие на долю высоких умов! Я снова ловлю вас на прямом нарушении вежливости. Вы прерываете мою ученую речь и только для того, чтобы обратить мое внимание на простое четвероногое genus Felis. Как я уже говорил...

— Господи боже, профессор, да ведь это — лев! — крикнул мистер Филандер, близоруко прищурившись и пытаясь разглядеть смутные очертания зверя на фоне темных тропических кустарников.

— Ну да, мистер Филандер, лев, если вы настаиваете на употреблении просторечия в вашем разговоре. Но, как я говорил...

— Ради бога, профессор! — снова прервал его спутник. — Позвольте мне вам заметить, что мавры, разбитые в пятнадцатом веке, вряд ли потерпят особый ущерб, если мы отложим вопрос о них до того времени, пока этот великолепный экземпляр уйдет от нас подальше.

В это время лев с величавым спокойствием остановился в десяти шагах от людей, с любопытством следя за ними.

Лунный свет обливал берег, и странная группа рельефно выделялась на желтом песке.

— Крайне предосудительно, крайне предосудительно! — воскликнул профессор Портер с легкой нотой раздражения в голосе. — Никогда, мистер Филандер, никогда в жизни не случилось мне видеть, чтобы этим зверям позволяли выходить из клетки и бродить на свободе. Обязательно доложу о возмутительной небрежности директорам ближайшего зоологического сада.

— Вполне справедливо, — согласился его оппонент, — и чем скорее вы это сделаете, тем лучше. Пойдемте сейчас же!

Схватив профессора за руку, он потащил его от зверя.

Они прошли несколько шагов, но оглянувшись, мистер Филандер открыл, что лев следует за ними. Он крепче прижал к себе руку протестующего профессора и ускорил шаг.

— Как я уже говорил... — снова начал профессор Портер.

Филандер бросил назад еще один быстрый взгляд. Лев также припустил и упрямо поддерживал то же расстояние.

— Он идет за нами! — крикнул мистер Филандер, бросаясь бежать.

— Ах, дорогой мой, — увещевал профессор. — Эта неприличная поспешность совсем не к лицу ученым. Что будут думать о нас друзья, если случайно встретят здесь и станут свидетелями наших легкомысленных прыжков? Прошу вас, давайте идти с большим достоинством.

Мистер Филандер бросил тайком еще один тревожный взгляд назад.

Ужас! Лев мчался легкими прыжками в пяти шагах от них.

Тогда, бросив профессора, мистер Филандер понесся вперед с такой лихорадочной быстротой,

которая бы сделала ему честь на состязании в беге.

— Как я говорил, дорогой Филандер... — повторил профессор Портер, и вдруг тоже пустился со всех ног, ибо увидел в угрожающей близости к своей особе сверкание желтых глаз и огромную разинутую пасть.

С развевающимися фалдами пальто и освещенный луною, мчался профессор Архимед Кв. Портер в своем блестящем цилиндре по следам улетающего мистера Самюэля Т. Филандера.

Впереди выдавался узкий мысок, заросший деревьями. К этому-то убежищу и неслись во всю мочь отчаянные спорщики, в то время как оттуда два зорких глаза с интересом наблюдали за паническим бегом стариков.

Тарзан, улыбаясь, забавлялся этой странной игрой в перебежку. Он знал, что оба джентльмена были вне опасности. Тот факт, что Нума воздержался от такой легкой добычи, говорил лесной мудрости Тарзана, что брюхо льва уже полно. Лев может выслеживать их, пока не проголодается вновь, но была надежда на то, что, если его не рассердят, он скоро утомится забавой и скроется в джунглях.

Единственной действительной опасностью являлось то, что один из стариков мог споткнуться и упасть, тогда для желтого дьявола радость убийства окажется слишком большим искушением, чтобы от нее воздержаться.

Тарзан быстро спустился на более низкую ветку. И когда мистер Самюэль Филандер, запыхавшись и одуваясь, очутился под ним уже слишком усталый, чтобы сделать еще одно усилие и искать безопасности на ветвях дерева, Тарзан перегнулся, схватил его за ворот и посадил рядом с собой.

Еще минута — и профессор в свою очередь тоже был подтянут вверх, как раз в тот момент, когда Нума, обманутый в своих ожиданиях, с ревом прыгнул, чтобы вернуть себе исчезающую добычу.

Несколько минут двое беглецов, порывисто дыша, цеплялись за большую ветку, в то время как Тарзан, усевшись спиной к стволу дерева, наблюдал их со смесью любопытства и веселости.

Первым прервал молчание профессор:

— Я глубоко огорчен, мистер Филандер, что вы проявили такое отсутствие мужества и смелости в присутствии одного из низших существ и заставили меня догонять вас, чтобы принять такое несоответствующее моему достоинству положение. Но возвращаюсь к нашей теме... Как я говорил, мистер Филандер, когда вы прервали меня, мавры...

— Профессор! — перебил мистер Филандер ледяным тоном. — Наступает момент, когда терпение уже становится преступлением, а желание оскорбить облачается в мантию добродетели. Вы обвиняете меня в трусости. Вы намекаете, будто вы бежали только для того, чтобы догнать меня, а не для того, чтобы спастись от когтей льва. Берегитесь, профессор! Я человек, вставший в отчаяние. Даже червяк и тот, раздраженный долгим терпеливым страданием, поднимает свою голову.

— Тише, тише, мистер Филандер, — успокаивал его профессор, — вы забываетесь.

Они молчали в продолжении нескольких минут.

Лев под ними нервно шагал взад и вперед. Третье существо на дереве было скрыто густой тенью ствола. Оно тоже молчало, неподвижное, как изваяние.

— Вы подняли меня на дерево как раз вовремя,— сказал наконец профессор.— Мне надо поблагодарить вас. Вы спасли мне жизнь.

— Но я не поднимал вас на дерево, профессор! — возразил мистер Филандер.— О, господи! Возбуждение той минуты почти заставило меня забыть, что и меня самого подняла сюда какая-то посторонняя сила. Кто-нибудь или что-нибудь находится с нами вместе здесь, на этом дереве!

— Э... — протянул профессор.— Вполне ли достоверно ваше утверждение?

— Как нельзя более достоверно, профессор,— ответил мистер Филандер.— И,— добавил он,— я думаю, нам следует поблагодарить это третье лицо. Оно, быть может, сидит сейчас рядом с вами, профессор.

— Э! Что это такое? Боже мой, дорогой Филандер, ой, ой! — воскликнул профессор Портер, осторожно подвигаясь ближе к своему другу, ибо обезьяний приемыш решил, что Нума достаточно долго рыскает под деревом, и потому поднял голову к небу, и в ушах перепуганных стариков раздался страшный предупреждающий крик антропоидов.

Оба приятеля, дрожа, прижимались друг к другу на своем ненадежном месте. Они увидели, что лев в беспокойстве замер, когда крик, замораживающий кровь, поразил его слух, затем быстро скользнул в джунгли и мгновенно пропал из виду.

— Даже лев и тот дрожит,— шепнул мистер Филандер.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — пробормотал профессор, отчаянно хватаясь за соседа, чтобы восстановить равновесие, которое потерял от страха. К несчастью для обоих, центр равновесия был нарушен, так что понадобился лишь незначительный толчок профессора Портера, чтобы столкнуться с ветки преданного секретаря.

Одно мгновение они еще пытались удержаться, и вдруг с общим жалобным криком полетели головами вниз, крепко сцепившись в отчаянном объятии.

Прошло несколько минут. Они боялись пошевелиться, так как оба были уверены, что любая попытка обнаружит у них множество переломов и вывихов и всякое передвижение окажется невозможным.

Наконец профессор Портер попытался двинуть одной ногой. К его удивлению, нога повиновалась, как и прежде. Тогда он согнул другую ногу и снова вытянул ее.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — пробормотал он.

— Слава богу, профессор,— горячо шепнул его секретарь,— вы, значит, живы?

— Тише, мистер Филандер, тише,— предостерег его профессор,— я еще доподлинно этого не знаю.

С бесконечными предосторожностями профессор Портер рискнул согнуть правую руку: о счастье,— она была невредима! Еле дыша, он махнул левой рукой над своим распростертым телом — и рука махала!

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — повторил он.

— Кому вы сигнализируете, профессор? — спросил мистер Филандер возбужденным тоном.

Профессор Портер не снизошел до ответа на такой ребяческий вопрос. Он осторожно приподнял с земли голову и закачал ею взад и вперед.

— В высшей степени замечательно, — чуть слышно шепнул он. — И она осталась цела!

Мистер Филандер лежал неподвижно, он не осмеливался сделать такую попытку. Как можно, в самом деле, двигаться, когда руки и ноги и спина — все сломано?

Один глаз у него был залеплен мягкой глиной, другой, скосившись, устремился на странные вращательные движения профессора Портера.

— Какая жалость, — промолвил вполголоса мистер Филандер, — сотрясение мозга вызвало в нем полную умственную аберрацию! Действительно, очень, очень грустно! Особенно для такого еще молодого человека!

Профессор Портер лёг на живот и осторожно выгнул спину, пока не стал похож на огромного кота, стоящего перед лающей собакой. Затем он сел и начал себя со всех сторон ощупывать.

— Все на месте! — воскликнул он. — В высшей степени замечательно!

Он встал и, бросив неодобрительный взгляд на все еще распростертую фигуру мистера Самюэля Т. Филандера, сказал: — Я думаю, мой друг, сейчас совсем не время валяться! Нужно вставать и действовать.

Мистер Филандер стер глину с глаза и устался на профессора Портера с безмолвным бешенством. Затем он попытался встать, и вряд ли человек мог быть более изумлен, чем он, потому что его усилия немедленно увенчались полнейшим успехом.

Он все еще был преисполнен бешенства, вызванного жестоким и несправедливым замечанием профессора Портера, и готовился едко возразить ему, но взгляд его упал на странную фигуру, стоящую в нескольких шагах и внимательно их рассматривающую. Профессор Портер поднял свой блестящий шелковистый цилиндр, заботливо почистил его рукавом пальто и надел на голову, и вдруг заметил, что мистер Филандер указывает на что-то позади него. Он обернулся и увидел неподвижно стоявшего перед ним гиганта, почти нагого, не будь на нем набедренной повязки и нескольких металлических украшений на руках и ногах.

— Добрый вечер, милостивый государь! — сказал профессор и поднял шляпу.

В ответ гигант сделал приглашающий жест и направился в сторону берега, откуда они только что пришли.

— Думаю, что было бы разумно следовать за ним, — сказал мистер Филандер.

— Постойте! — возразил профессор, — вы же сами недавно представили мне весьма логические аргументы для подтверждения вашей теории о том, что лагерь лежит к югу от нас. Я сперва относился скептически, но, в конце концов, вы меня убедили, и потому теперь я положительно утверждаю, что мы должны идти на юг, чтобы добраться

до наших друзей. И потому я буду продолжать идти на юг.

— Но, профессор Портер, возможно, что этот человек знает местность лучше, чем вы или я. Он, видимо, туземец, уроженец этого края. Попробуем, по крайней мере, последовать за ним.

— Нет, мистер Филандер, — повторил профессор, — я человек, которого трудно убедить, но если я уже убедился в чем-либо, то мое решение остается неизменным. Я пойду в прежнем направлении, хотя бы мне пришлось обойти кругом весь Черный Континент, чтобы достигнуть цели.

Но дальнейшая аргументация ученого была прервана Тарзаном, который, увидев, что эти странные люди стоят на месте, вернулся к ним.

Он снова знаками пригласил их идти за собою, но они продолжали стоять и препираться.

Глупость поведения этих упрямцев взорвала Тарзана. Он схватил испуганного ассистента за плечо и прежде, чем этот достойный джентльмен мог понять, убит ли он или только искалечен на всю жизнь, Тарзан крепко привязал один конец веревки к его шее.

— Мистер Филандер, — внушал ему профессор Портер, — с вашей стороны крайне неприлично подчиняться такому унижению.

Но едва эти слова вылетели из его уст, как он тоже был схвачен и та же веревка крепко обмоталась вокруг его шеи. И Тарзан пошел на север, ведя за собой совершенно перепуганного профессора и его секретаря.

Усталым старикам казалось, что они идут уже много часов. Они молчали, полные отчаяния. Но поднявшись на небольшой холм, они увидели не дальше чем в ста ярдах хижину, покинутую ими утром, и сердца их забились от радости.

Здесь Тарзан освободил их и, указав на маленькое строение, исчез в ближайших кустах.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — с трудом произнес профессор. — Но вы видите теперь, мистер Филандер, что, как всегда, я был совершенно прав. Если бы не ваше упорное своеволие, мы избежали бы целого ряда крайне унижительных, чтобы не сказать — опасных, приключений. Прошу вас в следующий раз, когда вы будете нуждаться в мудром совете, подчиняться руководству более зрелого и практического ума.

Мистер Самюэль Т. Филандер был слишком обрадован счастливым исходом их приключений, чтобы чувствовать себя задетым язвительной шуткой профессора. Вместо этого он схватил за руку своего приятеля и быстро повел его к хижине.

Трудно выразить счастье этих растерявших друг друга людей, когда, наконец, они оказались вместе. Заря застала их за пересказом различных приключений и за рассуждениями о странном защитнике и покровителе, встреченном ими на этом дилом берегу.

Эсмеральда не сомневалась, что это был никто иной, как ангел господень, посланный со специальной миссией оберегать их.

— Если бы вы видели, Эсмеральда, как он пожирал сырое львиное мясо, — смеялся Клейтон, — вы бы убедились, что этот небесный дух достаточно материален.

— Я ничего об этом не знаю, масса Клей-

тон! — возразила служанка. — Но я предполагаю, что господь мог просто забыть дать ему с собой спички. Ведь его послали на землю так наспех, чтобы оберегать нас! И он, наверно, не мог ничего зажарить, не имея спичек, просто не мог.

— В его голосе тоже ничего небесного не было, — сказала Джен Портер, слегка вздрогнув при напоминании об ужасающем реве, раздавшемся вслед за убийством львицы.

— Моим незабываемым понятиям о достоинстве небесных посланцев, — заметил профессор Портер, — совершенно не соответствует его манера действовать. Этот джентльмен связал двух почтенных просвещенных ученых за шею и потянул их сквозь джунгли, как коров!

Похороны

Между тем уже совсем рассвело, и после бессонной ночи проголодавшиеся люди, которые ничего не ели с предыдущего утра, принялись за приготовление завтрака.

Бунтовщики с «Арроу» выгрузили небольшой запас сушеного мяса, консервированных супов и овощей, галет, муки, чая и кофе для пяти человек, высаженных на необитаемый берег.

После трапезы было решено привести хижину в жилой вид, и прежде всего убрать мрачные остатки трагедии, разыгравшейся здесь в давно минувшие дни.

Профессор Портер и мистер Филандер занялись осмотром скелетов. Оба больших скелета, по их мнению, принадлежали мужчине и женщине одного из высокоразвитых племен белой расы. Маленький скелет был исследован весьма поверхностно, так как само присутствие его в колыбели не оставляло сомнений в том, что это младенец, рожденный от несчастной четы.

Возле большого скелета Клейтон нашел массивное золотое кольцо. Он поднял его, чтобы рассмотреть, и вскрикнул от изумления, на перстне был вырезан герб Клейтонов!

В это время Джен Портер обнаружила в шкафу книги и, открыв заглавный лист одной из них, увидела надпись: «Джон Клейтон. Лондон». Во второй книге, которую она поспешно осмотрела, было одно только имя «Грэйсток».

— Слушайте, мистер Клейтон, — крикнула она, — что это значит? На этих книгах имена ваших родственников!

— А у меня в руках, — ответил он с серьезным видом, — большой родовой перстень Грэйстоков, который был утерян с тех пор, как дядя мой Джон Клейтон, лорд Грэйсток, исчез, погибнув, как предполагали, в море.

— Но как вы объясняете себе нахождение этих вещей здесь, в африканских джунглях?

— Только одним можно объяснить это, мисс Портер, — сказал Клейтон. — Покойный лорд Грэйсток не утонул. Он умер здесь, в этой хижине, и эти кости на полу — все, что осталось от него.

— В таком случае, это должно быть останки леди Грэйсток, — сказала Джен Портер, с благоговением указывая на белую грудку костей на кровати.

— Прекрасной леди Элис, — ответил Клейтон, —

о качествах и об изумительном личном обаянии которой я не раз слышал от родителей. Несчастливая, — грустно добавил он.

С большой торжественностью останки покойных лорда и леди Грэйсток были погребены у стен маленькой хижины, а между ними был уложен скелетик детеныша Калы.

Когда мистер Филандер завертывал хрупкие кости младенца в кусок парусины, он внимательно осмотрел его череп. Затем подзвал профессора Портера, и они вполголоса говорили вдвоем несколько минут.

— В высшей степени замечательно, в высшей степени замечательно! — сказал профессор Портер. — Господи боже мой! — воскликнул мистер Филандер, — мы должны сообщить Клейтону о нашем открытии.

— Потихе, мистер Филандер, потихе, — оставил его профессор. — Пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов!

И седовласый старик прочел над этой странной могилой зауспокойную молитву.

Тарзан с дерева наблюдал торжественный и непонятный обряд, но больше всего не отводил он глаз с милого лица и изящной фигуры Джен Портер. В его наивной душе просыпались новые чувства. Он удивлялся, почему его так интересуют эти люди, почему он взял на себя столько труда, чтобы спасти от гибели в джунглях мужчин? Но он не удивлялся, почему он схватился с Сабор из-за чужой девушки.

Несомненно, мужчины были и глупы, и смешны, и трусливы. Даже мартышка Ману сообразительней их. Если таковы все представители его породы, ему, пожалуй, нечего гордиться своим происхождением. Но девушка — ах, это совсем иное дело! Здесь он не рассуждал. Он знал, что она создана, чтобы быть под защитой, а он, чтобы защищать ее.

Его удивляло, что они вырыли в земле большую яму только для того, чтобы спрятать там кости. Это было бессмысленным: кому нужны сухие кости? Другое дело, если б на них было мясо. — Тарзан понял бы это, ведь только так можно уберечь мясо от гиены Данго и других воров джунглей.

Когда могила была засыпана землей, маленькое общество направилось к хижине. Эсмеральда, все еще горько плакавшая по покойным, о которых она ничего не слышала до сегодняшнего дня, случайно взглянула на бухту. Ее слезы вдруг прекратились.

— Взгляните-ка на этот белый сброд, — воскликнула она отчаянно, указывая по направлению к «Арроу». — Они уходят, оставив нас в этом ужасном месте!

И действительно, корабль медленно направлялся из бухты в открытое море.

— Они обещали оставить нам огнестрельное оружие и запасы патронов, — сказал Клейтон. — Безжалостные скоты!

— Все это — дело матроса, которого они зовут Снайпсом, я в этом уверена, — заявила Джен Портер. — Кинг был негодяем, но он обладал хоть крошечной долей человечности. Если бы они не убили его, я уверена, он позаботился бы о том, чтобы снабдить нас всем необходимым.

— Жаль, что они не посетили нас перед своим отплытием,— сказал профессор Портер.— Я намеревался просить их оставить наш клад, потому что, если он пропадет, я буду совершенно разорен.

Джен Портер с грустью посмотрела на отца.

— Не жалейте об этом, дорогой,— сказала она.— Это не привело бы ни к чему хорошему. Ведь только из-за этого клада убили они своих офицеров и высадили нас на этот ужасный берег.

— Потихонечко, дитя, потихонечко,— возразил профессор Портер.— Вы добрая дочь, но в практических делах неопытны.— И профессор Портер повернулся, медленно направился к джунглям, заложив руки за спину под длинные фалды пальто и опустив глаза к земле.

Дочь его следила за ним с трогательной улыбкой на устах и затем, обращаясь к Филандеру, шепнула:

— Пожалуйста, не пускайте его в джунгли опять. Вы знаете, мы рассчитываем, что вы его убережете от необдуманных поступков.

— Каждый день становится труднее смотреть за ним,— ответил мистер Филандер, со вздохом покачивая головой.— Думается мне, он теперь направляется к директорам зоологического сада с докладом, что один из львов был на свободе прошлой ночью. О, мисс Джен, вы не знаете, как мне тяжело с ним!

— Нет, я знаю, мистер Филандер, но, хотя мы все любим его, один вы умеете справиться с ним. Несмотря на все, что он может наговорить вам, он искренне уважает вас за вашу большую ученость и имеет безграничное доверие к вашему суждению. Бедный папа не делает различия между эрудицией и здравым смыслом.

Мистер Филандер, с несколько озадаченным выражением на лице, пошел вслед за профессором Портером, стараясь разрешить вопрос: чувствовать ли ему себя польщенным или обиженным двусмысленным комплиментом Джен Портер.

Тарзан заметил выражение отчаяния на лицах людей, следивших за «Арроу». И так как корабль сам по себе был для него интересной новинкой, он решил отправиться к выходу из бухты, осмотреть его вблизи и, если возможно, узнать, куда оно направляется. Переносясь по деревьям с величайшей быстротой, он добрался до узкого пролива. Корабль выходил из бухты, так что ему были прекрасно видны все подробности происходящего на палубе.

Около двадцати человек бегали взад и вперед и возились с канатами. Дул легкий береговой ветер, и судно шло по проливу почти без парусов. Но как только оно миновало мысок, были подняты все паруса, чтобы ускорить ход.

Тарзан следил за плавными движениями корабля с глубоким восхищением, и ему страшно хотелось побывать на его борту. Вдруг он заметил на далеком северном горизонте легкий намек на дым и очень удивился. Почти одновременно с ним, должно быть, и вахтенный на «Арроу» тоже заметил дымок. Судно повернуло, и Тарзан понял, что оно возвращается к берегу.

Человек на носу все время опускал в море веревку, к концу которой был привязан какой-то небольшой предмет. Тарзан не понимал цели этого странного действия. Наконец судно встало против

ветра, якорь был брошен, и паруса убраны. На палубе началась суматоха. Была спущена лодка, и в нее поставлен большой сундук. Дюжина матросов взмахнула веслами, и лодка быстро понеслась к тому месту, где Тарзан прятался в ветвях дерева.

У руля сидел человек с лицом крысы.

Лодка причалила к берегу. Матросы выскочили из нее и вытащили на песок большой сундук. Они сердито спорили между собой несколько минут. Затем человек с крысыным лицом в сопровождении товарищей поднялся на высокий пригорок, под дерево, где сидел, притаившись, Тарзан. Несколько минут матросы смотрели по сторонам.

— Здесь подходящее место, — сказал чернобородый.

— Такое же, как и всякое другое, — ответил один из его спутников. — Если они застанут нас с кладом на борту, его тотчас же конфискуют. Мы закопаем его здесь. Быть может, кто-нибудь из нас избежит виселицы и, вернувшись сюда, воспользуется кладом.

Человек с крысыным лицом позвал остальных, и они нехотя подошли, неся лопаты и кирки.

— Поторапливайтесь! — кричал Снайпс.

— Молчать! — возразил один из матросов сердитым тоном. — Каждая мразь корчит из себя командира.

— Я — капитан и заставлю вас признать это, швабра вы половая, — кричал Снайпс, извергая поток ужасных проклятий.

— Спокойней, товарищи, — вступился один из матросов, молчавший до тех пор. — Какой прок из того, если мы тут перегрыземся между собой?

— Правильно, — согласился матрос, рассердившийся на повелительный тон Снайпса. — Но по той же причине не годится, чтобы кто бы то ни было строил из себя начальство в нашей честной компании!

— Копайте здесь, — сказал Снайпс, указывая под дерево. — А пока вы будете копать, Питер набросает план местности, чтобы мы не ошиблись потом. Вы, Том и Билл, возьмите еще троих и тащите сюда сундук.

— А вы что будете делать? — спросил спорщик. — Хозяина разыгрывать?

— Делайте свое дело, — ворчал Снайпс.

Все сердито посмотрели на Снайпса. Никто не любил его, и его постоянное выпячивание напоказ своей власти с тех пор, как он убил Кинга, действительного главаря и предводителя бунтовщиков, только подливало масло в огонь.

— Значит, вы не желаете взять лопату в руки и помочь работе? Ваше плечо не так уж сильно болит.

— И не подумаю, — ответил Снайпс, нервно трогая рукоять револьвера.

— Тогда клянусь богом, — крикнул Тарант, — если вы не хотите взять лопату, то попробуйте кирку!

С этими словами он высоко поднял кирку и могучим ударом всадил ее в Снайпса.

На минуту все замерли, затем один из матросов сказал:

— Так ему, мерзавцу, и надо!

Другой спокойно принялся рыть землю киркой. Земля была мягкая, и он, отбросив кирку в сто-

рону, взялся за лопату. Остальные последовали его примеру. Яма уже стала достаточной, чтобы зарыть в нее сундук, но Тарант посоветовал увеличить ее еще и положить поверх сундука тело Снайпса.

— Это может одурачить тех, кто вздумает рыть в этом месте, — объяснил он.

Остальные согласились, что это хитро выдумано, и яма была вырыта по длине тела, а в середине ее сделано углубление для сундука, предвзвешенно обернутого брезентом. Когда его спустили в яму, крышка оказалась на один фут ниже дна могилы. Сундук засыпали и хорошо утрамбовали землю, дно стало ровным и гладким. Двое матросов весьма бесцеремонно скатили в яму труп, сняв с него оружие и обшарив карманы, после чего забросали могилу землей и старательно утоптали ее. Сделав свое дело, матросы уселись в шлюпку и стали быстро грести к кораблю.

Тарзан, страшно заинтересованный непонятной сценой, очевидцем которой он стал, сидел, раздумывая о странных поступках этих существ. Люди оказались действительно более глупыми и жестокими, чем звери. Как он счастлив, живя один в тишине и безопасности джунглей! Тарзан старался догадаться, что же лежит в сундуке, зарытом матросами? Ведь если сундук им не нужен, то почему они не бросили его в воду? Это было бы гораздо легче сделать. «Нет, — подумал он, — видно они дорожат сундуком. Они спрятали его потому, что хотят за ним вернуться».

Тарзан спустился с дерева и вытащил лопату, спрятанную в груди валежника, наваленного на могилу. Он попытался работать ею так, как работали матросы. С непривычки он сразу же повредил себе голую ногу, но не бросил копать, пока не отрыл труп. Он вытащил его, положил в сторону и продолжал рыть, пока не откопал сундук. И его он вытащил и поставил рядом с трупом. Затем он снова уложил тело в могилу, засыпал землей и, прикрыв ветками кустарника, занялся сундуком. Четверо матросов изнемогали под его тяжестью. Тарзан поднял его, как будто это был пустой упаковочный ящик, и, подвесив лопату за спину, понес его в самые непролазные заросли.

Зачем взял он на себя всю эту работу, не зная ценности содержимого сундука?

Обезьяний приемщик Тарзан был человеком по складу ума и тела и обезьяной по воспитанию. Его разум подсказывал, что в сундуке нечто ценное, иначе люди не стали бы его так старательно прятать. Воспитание научило его, не задумываясь, подражать всему новому и необычайному. Теперь естественное любопытство, присущее и людям, и обезьянам, побуждало его открыть сундук и рассмотреть содержимое. Но массивный замок и кованая железная обивка не поддавались ни хитрости, ни огромной физической силе, и он был вынужден зарыть сундук, так и не узнав его содержания.

Когда Тарзан, на ходу отыскивая пищу, вернулся к хижине, уже почти совсем стемнело.

В маленьком домике горел свет — Клейтон отыскал непочатую жестянку керосина, простоявшую нетронутой двадцать лет. То была часть припасов, оставленных Клейтону Черным Майклом. Лампы тоже сохранились, и потому изумленному Тар-

зану внутренность хижины казалась светлой, как днем!

Когда он подошел к ближайшему окну, то увидел, что хижина разделена надвое грубой перегородкой из жердей и парусов.

В переднем помещении находилось трое мужчин: двое старших были углублены в горячие споры, в то время как младший, сидевший на импровизированном стуле, был совершенно поглощен чтением одной из книг Тарзана.

Тарзан, однако, не особенно интересовался мужчинами и потому перешел ко второму окну. Тут была девушка. Какие у нее прекрасные черты! Как нежна белоснежная кожа. Она писала у окна за столом Тарзана. В дальнем конце комнаты на ворохе травы спала негритянка.

Целый час, пока писала девушка, Тарзан наслаждался ее видом. Ему так хотелось заговорить с нею, но он не стал и пытаться, так как был уверен, что и она, подобно молодому человеку, не поймет его. К тому же он опасался, что может ее испугать.

Наконец она поднялась, оставив рукопись на столе. Подойдя к постели, покрытой толстым слоем мягких трав, она поправила ложе. Затем распустила шелковистую копну золотистых волос, венчавших ее голову. Слобно волны сверкающего водопада, превращенного в полированный металл лучами заходящего солнца, обрамляли они ее овальное лицо и скатывались волнистыми линиями ниже пояса.

Тарзан стоял, как зачарованный. Она поту-

шила лампу, и комнату окутала первобытная тьма.

Тарзан все еще стоял у окна. Прижавшись к нему вплотную, он ждал, прислушиваясь, около получаса. Наконец он расслышал звуки ровного дыхания, означавшего сон. Осторожно просунув руку сквозь перекладыны решетки до самого плеча, он дотянулся до стола. Нашулав рукопись Джен Портер, он так же осторожно вытащил руку, зажав в ней драгоценное сокровище.

Тарзан скрутил листы в маленький свиток, который засунул в колчан со стрелами. Затем он исчез в джунглях тихо и безмолвно, как тень.

Жертва джунглей

Рано утром Тарзан проснулся с мыслью об удивительной рукописи, спрятанной в его колчане. Торопливо достал он ее, надеясь, что сможет прочесть то, что написала прекрасная белая девушка.

При первом взгляде, брошенном на рукопись, он испытал величайшее разочарование. Никогда раньше не желал он чего-нибудь так страстно, как желал теперь прочесть послание золотоволосой богини, которая так внезапно вторглась в его жизнь. Что из того, что это послание не предназначается ему? В любом случае, оно было выражением ее мыслей, и этого вполне достаточно для Тарзана. И вдруг быть обманутым странными неуклюжими знаками! Ведь они даже наклон имели противоположный тому, что он наблюдал в печат-

ных книгах и в самых трудных рукописях! Самые маленькие букашки непонятной черной книжки были ему более дружественны, хотя сочетания их ничего не говорили ему; эти же были и новы, и неведомы.

Минут двадцать пристально изучал он их. И вдруг они стали принимать знакомые, хотя и искаженные образы. Ах, это были его старые друзья, но жестоко искаленные! И вот он начал разбирать одно слово здесь, одно слово там. Сердце у него прыгало от радости. Он может читать! Он прочтет!

Еще полчаса — и он быстро подвинулся вперед, хотя то в одном, то в другом месте встречались совсем непонятные слова. Тарзан увидел, что сможет разобрать письмо.

Вот то, что он прочел:

«Западный берег Африки, около 10° южной широты (так говорит мистер Клейтон). 3-го (?) февраля 18** г.

Дорогая моя Элоиза! Быть может, и напрасно пишу вам, так как письмо мое, по всей вероятности, не попадет в ваши руки, но я просто должна рассказать кому-нибудь о наших ужасных испытаниях с тех самых пор, как мы отплыли из Европы на злосчастном «Арроу».

Если мы никогда не вернемся в цивилизованный мир, что теперь кажется более чем вероятным, это письмо явится, по крайней мере, кратким протоколом тех событий, который поведает о нашей судьбе, каковой бы она ни оказалась.

Вам известно, что мы предполагали отправиться в научную экспедицию в Конго. Мы полагали, что папа намеревается доказать существование какой-то неслыханно древней цивилизации, остатки которой затеряны где-то в долине Конго. Но когда мы вышли в море, истина раскрылась.

Оказывается, что какая-то старая книжная крыса, владеющая в Балтиморе магазином книг и редкостей, нашла между страницами старинной испанской рукописи письмо 1550 года. В нем подробно рассказывалось о приключениях взбунтовавшегося экипажа испанского галеона, шедшего в Южную Америку с большим грузом «дублонов» и «монет в восемь», — я, может быть, ошибаюсь, потому что эти названия действительно звучат как-то по-пиратски и немного волшебным.

Автор письма был один из матросов галеона, и адресовал он его своему родному сыну. А тот был хозяином торгового судна.

Много лет прошло со времени изложенных в письме событий, старик стал уважаемым гражданином маленького испанского городка. Но любовь к золоту была в нем еще так сильна, что он рискнул всем, чтобы ознакомить сына со способами достижения баснословного богатства.

Письмо повествует о том, как неделю спустя после отплытия из Испании, экипаж взбунтовался и перебил офицеров и всех тех, кто сопротивлялся им. Этой бессмысленной жестокостью они расстроили и свои собственные планы: у них не осталось никого, кто бы мог вести судно в открытом море.

Их носило, как щепку, в продолжении двух месяцев, пока, наконец, больные, умирающие от цинги, жажды и голода, они не были выброшены на маленький островок. Галеон разбился вдребез-

ги, но выжившим — их было всего десять — удалось спасти один из сундуков с золотом.

Они зарыли его на острове и три года жили там в постоянной надежде на спасение.

Из обломков галеона ими была сколочена лодка, но, не имея представления о местоположении острова, они не решились пуститься в открытое море.

Один за другим они болели и умирали, пока, наконец, в живых остался только автор письма.

Страшное одиночество стало до того угнетать его душу, что он предпочел опасность смерти в открытом море сумасшествию на пустынном острове. После почти года полного одиночества он поднял парус на своей маленькой лодке.

К счастью, он поплыл на север и через неделю попал в район рейсов испанских торговых судов, плававших между Вест-Индией и Испанией. Его подобрал корабль, возвращавшийся на родину.

Он рассказал обычную историю о кораблекрушении, в котором все, за немногими исключениями, погибли, а оставшиеся в живых добрались до острова и умерли. Он не упомянул ни о мятеже, ни о зарытом сундуке с кладом.

Хозяин торгового судна уверил его, что, судя по месту, где его подобрали, и дувшим за последнюю неделю ветрам, место их кораблекрушения могло быть лишь на одном из островов группы Зеленого Мыса, расположенных у западного берега Африки около 16 или 17° северной широты.

Это письмо о подробнейшим образом описывает и сам остров, и место, где зарыт клад. К письму он прилагает маленькую старую карту, самую грубую и забавную, какую я когда-либо видела, все деревья и скалы помечены на ней нацарапанными X-ми для указания точного места, где зарыто сокровище.

Когда папа объяснил мне истинную цель нашей экспедиции, сердце мое так и упало, потому что я хорошо знала, каким непрактичным мечтателем был всегда мой милый отец. Я боялась, что его опять обманули, в особенности, когда узнала, что он заплатил тысячу долларов за письмо и карту.

А тут еще выяснилось, что он, кроме того, занял целых десять тысяч долларов у Роберта Канлера и дал ему вексель на эту сумму.

Канлер не потребовал обеспечения, и вы знаете, дорогая, что грозит мне в том случае, если папа не заплатит по векселю. О, как я ненавижу этого человека!

Мы все же старались смотреть бодро на вещи и не впадать в отчаяние, но мистер Филандер и мистер Клейтон, — последний присоединился к нам в Лондоне просто из жажды приключений, — так же скептически отнеслись к делу, как и я.

Но мы нашли остров и нашли клад: большой обитый железом дубовый сундук, завернутый в несколько слоев промасленной парусины, такой же крепкий и плотный, каким его зарыли почти четыреста лет тому назад.

Он был доверху набит золотыми монетами и такой тяжелый, что четыре матроса еле несли его.

Злосчастный клад этот, по-видимому, не приносит ничего, кроме несчастья тем, кто имеет с ним дело, потому что три дня спустя, у островов Зеленого Мыса, наш экипаж тоже взбунтовался и перебил своих офицеров.

О, это было самое тяжелое испытание, которое можно себе вообразить,— я даже не в силах писать об этом.

Они собирались убить и нас, но их главарь, по имени Кинг, не допустил этого. Они поплыли на юг вдоль берега до пустынного места, где нашли хорошую бухту, и здесь сошли на берег и высадили нас.

Сегодня они отплыли, увезя с собой клад, но мистер Клейтон говорит, что их тоже ждет участь, постигшая бунтовщиков старого галеона, потому что Кинг, единственный человек на корабле, имевший понятие о навигации, был убит на берегу одним из матросов в тот день, когда нас высадили.

Хотелось бы мне, чтобы вы познакомились с мистером Клейтоном, он — милейший человек и, если я не ошибаюсь, очень сильно влюбился в вашу несчастную подругу.

Мистер Клейтон — единственный сын лорда Грэйстока и в будущем наследует титул и поместья. К тому же он и лично обладает большим состоянием. Но тот факт, что он будет английским лордом, меня очень печалит — вы знаете мое отношение к американским девушкам, выходящим замуж за титулованных иностранцев. Ах, если бы он был простым американским джентльменом!

Правда, бедняга в этом не виноват! И во всем остальном, кроме происхождения, он может лишь делать честь моей милой дорогой родине — а это самый лестный отзыв, какой я могу дать о ком бы то ни было.

Мы испытали множество изумительных приключений с тех пор, как высадились здесь. Папа и мистер Филандер заблудились в джунглях, и за ними охотился настоящий лев.

Мистер Клейтон тоже заблудился, и дважды на него нападали дикие звери. Эсмеральда и я — мы были осаждены в старой хижине очень страшной людоедкой-львицей. О, это было просто «одна ужась», как сказала Эсмеральда.

Но самое странное из всех происшествий — это изумительное существо, которое нас всегда спасало. Я его не видела, но папа и мистер Филандер видели и говорят, что он — богоподобный белый человек, загоревший до темно-коричневого цвета. Обладает он силой дикого слона, подвижностью обезьяны и храбростью льва.

Он не говорит по-английски и исчезает так быстро и таинственно после того, как совершит какой-нибудь доблестный поступок, словно он бесплотный дух.

У нас есть еще один таинственный сосед. Он прекрасно написал печатными буквами записку по-английски и прибил ее к двери своей хижины, которую мы заняли, предостерегая нас, чтобы мы не портили его вещей, и подписался: «Тарзан, из племени обезьян».

Его мы еще не видели, хотя думаем, что он где-нибудь поблизости, так как, когда один из матросов собрался выстрелить мистеру Клейтону в спину, то получил копьё в плечо от чьей-то незримой руки в джунглях.

Матросы оставили нам очень мало провианта, и мы, имея лишь всего один револьвер с тремя патронами к нему, не знаем, как будем добывать себе пищу, хотя мистер Филандер и говорит, что мы сможем просуществовать до бесконечности на ди-

ких плодах и орехах, которыми изобилуют джунгли.

А теперь я очень устала, и потому пойду спать в свою забавную постель из трав, собранных для меня мистером Клейтоном. Время от времени я буду приписывать к этому письму, что с нами случится.

Любящая Вас Джен Портер.

Элоизе Стронг, Балтимора, М. Мэриленд.

Тарзан долго сидел, погруженный в мрачную задумчивость. В письме было столько новых и удивительных вещей, что голова шла кругом, когда он пытался во все вникнуть.

Итак, они не знают, что он-то и есть Тарзан, из племени обезьян! Он им скажет.

На своем дереве он соорудил для защиты от дождя грубый навес из листьев и сучьев, под которым спрятал немногие сокровища, унесенные им из хижины. Между ними было несколько карандашей. Тарзан взял один из них и под письмом Джен Портер написал:

«Я Тарзан, из племени обезьян».

Он подумал, что этого будет вполне достаточно. Немного погодя, он отнесет письмо в хижину.

«Что касается пищи,— подумал Тарзан,— им нечего беспокоиться, об этом я позабочусь». Так он и сделал.

На следующее утро Джен Портер нашла пропавшее письмо на том самом месте, откуда оно исчезло две ночи тому назад. Она была изумлена, но когда увидела печатные буквы под своей подписью, холодная влажная дрожь пробежала по ее спине. Джен показала письмо или, вернее, приписку к нему Клейтону.

— Подумать только,— сказала она,— что это странное существо, по-видимому, следило за мной, когда я писала. О! Я содрогаюсь при одной лишь мысли об этом!

— Но, должно быть, существо это дружелюбно относится к нам,— стал ее успокаивать Клейтон,— оно вернуло ваше письмо, не причиняет вам никакого вреда и, если я не ошибаюсь, оставило этой ночью у нашей двери весьма ощутимый знак своего благоволения: я только что нашел там тушу дикого кабана.

С тех пор редкий день проходил без того, чтобы они не получали приношения дичью или другой провизией. Иногда то был молодой олень или большое количество странной готовой пищи — лепешки из маниоки, похищенные из поселка Мбонги, иногда вепрь или леопард, а один раз лев.

Тарзану доставляло величайшее удовольствие охотиться за дичью для чужестранцев. Он чувствовал, что ни одна земная радость не может сравниться с заботой о благополучии и безопасности прекрасной белой девушки. Как-нибудь он отважится пойти в лагерь днем и поговорить с этими людьми с помощью маленьких букашек, знакомых и им, и ему. Но ему было страшно трудно преодолеть свою робость дикого лесного существа. День шел за днем, а Тарзан все не осуществлял своего намерения.

Обитатели лагеря, осмелевшие благодаря привычке, забирались все глубже в джунгли в поисках орехов и плодов. Не проходило дня без того, чтобы профессор Портер с озабоченно-безучастным видом не шел прямо в пасть смерти. А Са-

мюэль Филандер, который никогда не был крепким, теперь превратился в тень от постоянного беспокойства и душевной тревоги, вызванных его сверхчеловеческими усилиями по охране профессора.

Прошел месяц. Тарзан, наконец, решился посетить лагерь днем.

Полдень уже миновал. Клейтон ушел на северный мыс бухты, чтобы сторожить проходящие суда. У него была собрана там огромная груда сухих веток, которые он мог зажечь, как сигнал, в то мгновение, когда на дальнем горизонте появится парход или парусник.

Профессор Портер бродил вдоль берега к югу от лагеря с Филандером, который уговаривал его повернуть обратно, прежде чем они оба сделают снова потехой какого-нибудь дикого зверя.

Джен Портер и Эсмеральда тоже отправились на поиски плодов, все дальше и дальше углубляясь в джунгли.

Тарзан ждал их возвращения у дверей хижины. Мысли его были устремлены к прекрасной белой девушке. Он теперь постоянно думал о ней. Тарзан ежился, не испугается ли она его, и это опасение чуть не заставило его оставить свое намерение. Им овладело нетерпение. Тарзану так хотелось насладиться ее присутствием, ее близостью! Быть может, ему удастся коснуться ее. Этот обезьяна-человек ничего не знал о боге, но он был так полон поклонения своему божеству, как едва ли кто-либо из смертных.

В ожидании он стал писать печатными буквами послание к ней. Намеревался ли он сам отдать его Джен — он не знал, но ему доставило бесконечное удовольствие видеть свои мысли выраженными на бумаге, а в этом деле, в конце концов, он совсем не был таким уж дикарем!

Он писал:

«Я — Тарзан, из племени обезьян. Я хочу вас. Я ваш. Вы моя. Мы будем здесь всегда жить вместе в моем доме. Я буду носить вам самые лучшие плоды, самых нежных оленей, самую вкусную дичь, которая скитается в джунглях. Я буду охотиться для вас. Я — величайший из охотников джунглей. Я буду сражаться за вас. Я — самый могучий из бойцов джунглей. Вы Джен Портер — я это узнал из вашего письма. Когда вы увидите меня, вы будете знать, что это для вас и что Тарзан, из племени обезьян, любит вас».

В это время его чуткие уши уловили знакомый шум. В лесу по нижним ветвям передвигались обезьяны. Одно мгновение он напряженно прислушивался. Внезапно из джунглей донесся леденящий душу крик женщины, и Тарзан, уронив на землю свое первое любовное послание, кинулся в чашу.

Клейтон, профессор Портер и Филандер тоже услышали крик. Через несколько минут они, запыхавшись, собрались у хижины, забрасывая друг друга на бегу градом вопросов. Взгляд, брошенный в хижину, подтвердил их худшие опасения. Джен Портер и Эсмеральда в ней не было.

Немедленно Клейтон бросился в джунгли в сопровождении обоих стариков, громко окликающая девушку по имени. Около полудня носились они по лесу, пока Клейтон не наткнулся на распостертое тело служанки.

Он нагнулся к ней, нащупал пульс и прослушал биение сердца. Она была жива. Он стал трясти ее.

— Эсмеральда! — кричал он ей в ухо. — Эсмеральда! Бога ради, скажите, где мисс Портер? Что случилось? Эсмеральда!

Негритянка медленно открыла глаза. Она увидела Клейтона.

— О, Габерелле! — простонала она и снова упала в обморок.

К этому времени подошли профессор Портер и мистер Филандер.

— Что нам делать, мистер Клейтон? — спросил старый профессор. — Где нам искать ее? Бог не может быть настолько жестоким, чтобы отнять у меня мою дочь.

— Мы должны прежде всего привести в чувство Эсмеральду, — ответил Клейтон. — Она расскажет нам, что случилось. — Эсмеральда! — крикнул он снова, грубо трясая негритянку за плечи.

— О, Габрелле! Хоть бы умереть! — вопила бедная женщина, крепко зажмурив глаза. — Дай мне умереть, господи, но не дай мне видеть эту ужасную обезьяну. Зачем послал ты дьявола за бедной старой Эсмеральдой? Она никому не сделала зла, никому, господи, никому. Она совершенно неповинна ни в чем, господи, да, неповинна ни в чем!

— Ну, ну, Эсмеральда, — прикрикнул Клейтон, — перед вами не бог, а мистер Клейтон. Откройте глаза.

Эсмеральда, наконец, опомнилась.

— О, Габерелле! Слава господу богу! — проговорила она.

— Где мисс Портер? Что случилось? — спрашивал Клейтон.

— Разве мисс Джен нету здесь?.. — воскликнула Эсмеральда, поднимаясь с изумительной быстротой для своей комплекции. — О, господи, теперь я вспомнила. Должно быть, оно унесло ее. — И негритянка принялась рыдать и причитать.

— Кто унес? — крикнул профессор Портер.

— Большое толстое животное, покрытое волосами.

— Горилла, Эсмеральда? — спросил мистер Филандер, и трое мужчин затаили дыхание, когда он высказал ужасающую мысль.

— Я думала, это был дьявол, но, должно быть, это был один из тех, кого вы зовете горилмантами. О, моя бедная крошка, моя маленькая птичка, бедная... — И снова Эсмеральда разразилась несдерживаемыми рыданиями.

Клейтон немедленно стал искать следы, но не мог найти ничего, кроме помятой травы, ибо его знания были слишком ничтожны для истолкования того, что он видел.

Весь остаток дня трое мужчин искали Джен. Но когда стемнело, они волей-неволей вынуждены были с отчаянием в сердце прекратить эти поиски.

ПРОДОЛЖЕНИЕ СЛЕДУЕТ

О ЧЕМ ТАНЦУЕТСЯ НА ЦЫПОЧКАХ, или рок-леди и ее имиджи

Андрей ПОНИЗОВКИН

«Уральской рок-леди» называют в газетах Настю Полеву, солистку свердловской группы «Настя».

Существует уже вокруг ее имени и «неофициальный» ореол из слухов, сплетен. Говорят, к примеру, что Настя — убежденная кришнаитка (член религиозной общины «Сознание Кришны»), носит четки и по многу раз в день повторяет священную мантру, почему и поет такие странные песни. Еще болтают, будто на Настино имя открыт счет в английском банке, а сама она разъезжает в «мерседесе» последней марки, набросив на плечи норковое манто. А вот что начертал на «стене демократии» IV фестиваля свердловского рок-клуба юный тусовщик:

«Настя! Ты самая лучшая в этой ботве!»

Не знаю, как вам, а мне из этих откровений ближе всего искренность последнего, хотя и не вполне ясно, о какой «ботве» идет речь. Но ведь и остальные, что примечательно, при всей их сомнительности работают если не на авторитет, то на популярность певицы — точно! Дополняют, так сказать, ее имидж, сценический образ. Ничего не напишешь. Такова участь любой популярности. В той же Англии, где поп-индустрия отлажена давно, существует целая система поддержки имиджа «звезд» посредством распространения заведомо скандальных небылиц из их жизни. Теперь немодно ругать «их нравы», да и не нужно это — бизнес есть бизнес, он имеет свои издержки. И тем не менее мне по душе, черт возьми, что из моих соотечественников пока, похоже, никто, кроме наставников «Ласкового мая», не освоил подобные трюки. Во всяком случае, я не думаю, чтобы кто-то из свердловчан по собственной воле ими увлекался, тратил на это силы, энергию. В том числе и Настя, и ее главный сподвижник, продюсер группы Егор Белкин. Прежде всего потому, что «чистой» поп-музыкой они никогда не занимались, и соответственно, скандальная слава — не их цель. А если и желают они разговоров о себе — то, скорее всего, совсем других: о живых впечатлениях, чувствах, которые рождает ими созданное...

У меня, например, голос Насти, о чем бы она ни пела, всегда ассоциируется с движением каких-то подводных растений, скорее озерных, чем морских. Погруженные в светящееся марево воды, кажется, они всегда растут, тянутся вверх, всем существом своим подчиняясь этому стремлению, но — никогда не становятся выше.

Они возникают перед глазами сразу, как толькоставишь на магнитофон кассету с «Вниз по течению неба», «Ариадной», «Стратосферой» и даже под «Марш плывущих офелий», и трагичную «Ноа-ноа» (штормовой, ветренный вариант подводного царства). Исключения, подтверждающие устойчивость ассоциации, — вполне «наземные» искристой своей зимней пронизательностью «Белые волки», игривая «Клипсо-Калипсо», некоторые другие песни. А когда впервые увидел я Настю Полеву на сцене, то воочию убедился, что и танцует она так же: плавно-причудливо, словно преодолевая сопротивление воды.

Танец на цыпочках

Танцуют все девочки... моего роста, —

здесь, в рефрене одной из последних Настиных песен, видимо, ее собственная попытка разобраться в смысле этих странных движений, дать им название...

Прежде чем перейти к творческой биографии героини, хочу поделиться с читателем личными впечатлениями от нескольких встреч с ней и Егором Белкиным, дабы заодно привести и лишние аргументы в мысленном споре с одним коллегой, обмолвившемся как-то о случайном, по его мнению, взлете Насти.

Впечатление первое: на редкость просто, без затей и кривляний, столь свойственных, к сожалению, многим нашим «звездам» и «звездочкам», оказалось с ребятами общаться. А доброжелательность и открытость — черты, артисту нелишние... Деталь: пока мы с Егором налаживали контакт, Настя попросила у меня блокнот и сама, по собственной инициативе, взялась записать туда состав группы, ее краткую историю, перечень песен двух законченных альбомов. Таким образом помогла преодолеть неловкость, возникающую при новых знакомствах и у журналистов.

Наблюдение второе: Настя — человек весьма трудолюбивый. Это я понял после одной из репетиций, предшествующей IV фестивалю Свердловского рок-клуба, которую, признаться, не без усилия над собой, выседел «от и до» в небольшой комнатке, набитой играющей аппаратурой, в ожидании очередной беседы. Привычные к подобной тесноте и давлению на барабанные перепонки участники группы несколько раз выходили «на волю». Реже это делал Егор — непростая роль «играющего тренера» обязывала. Настя же за три с половиной часа от микрофона не отошла, даже не присела ни разу! В перекурах пела под фонограмму, снова и снова возвращаясь к пройденному, повторяя спорные фразы и отдельные слова. А ведь это был всего-навсего дежурный прогон уже готового концерта, шлифовка номеров...

Наконец, наблюдение третье, вернее, догадка, подтвержденная самой Настей в фильме «Сон в красном тереме» (этот первый полнометражный фильм о свердловском роке я посмотрел с удовольствием, чего и вам желаю). Пытаюсь объяснить кому-то из авторов, как рождаются ее песни, она говорит о «замороженных» периодах своей жизни, когда не хочется даже книг читать, а только — «пошарить по клавишам».

Очень трудно, похоже, вынудить Настю делать то, чего она ну совершенно не желает в данный момент. После той репетиции, когда выдалась, наконец, незаполненная пауза и я получил возможность задать свои вопросы, она вдруг сказала, почти виновато улыбувшись: «Знаешь, не хочется сейчас ни о чем говорить... Давай в другой раз?..»

И разговор я отложил, потому что знал: каждому, кто живет, кроме «обычной», еще и насыщенной внутренней жизнью, а тем более рискует связать с этой жизнью свою главную работу, что, собственно, и называется работой творческой, поневоле приходится совершенствоваться в себе механизм защиты от внешних, почти всегда оказывающихся некорректными, несвоевременными, вмешательств. У Насти, как видно, «механизм» такой отлажен прекрасно,

Возможно, мои догадки поверхностны, скороспелы, и тот, кто лучше знает рок-леди, меня поправит. Но в целом настаиваю: нет, не случайно большинству из нас сегодня знакомо имя этой рок-певицы. Далеко не только волна моды тому причиной...

Однако самое себя еще надо открыть, а затем найти способ самовыражения.

Из беседы, которая состоялась:

— Настя, почему ты стала заниматься роком? По образованию — архитектор, прилично, я слышал, рисуешь... Потом, есть ведь много других музыкальных жанров: джаз, «классика»... Как шло твое приобщение к музыке, когда оно началось?

— Началось в институте, уже в сознательном возрасте. До этого, кроме советской эстрады, мало что доводилось слышать. Условий не было. В школе уроков пения не велось — никак не могли найти учителя. Был школьный пионерско-комсомольский хор, я послушала однажды, что они поют — и больше там не появлялась. Пошла в изостудию. Позже поступила в архитектурный. Но всегда завидовала подругам, которые занимались в музыкальной школе, бегали туда с большими папками на веревочных ручках. У моей мамы отдать меня туда возможности не было...

— Да, грустная история, — прокомментировал этот рассказ сидевший рядом Егор. — Так и тянет прослезиться... Да нужна ли она читателю? У него и самого, может, немзыкальное детство. Ему, наверное, хочется, чтобы ты, Настя, как минимум в наушниках родилась, или, на худой конец, с трех лет гастролировала с семейным ансамблем по европам...

Не знаю, до какой степени расходитесь данный вариант начала карьеры будущей певицы с представлением о нем, бытующем среди поклонников, но оно было именно таким — обычным серо-провинциально-уральским (точнее — первоуральским). И обстоятельство это стоит подчеркнуть не только истины ради, а и затем, чтобы лишний раз наглядно продемонстрировать некоторым ярым нынешним борцам с «рокерством» по меньшей мере двусмысленность их позиции. Допустим, рок-музыка и впрямь, как они настаивают, не столь богата оттенками, нюансировкой, как музыка respectable симфонического оркестра, академической хоровой капеллы, хотя здесь есть о чем по дискутировать. Но если бы все «рокеры» имели возможность приобщаться к высоким образцам мировой культуры, а также хорошо питаться, одеваться и выбирать себе дело по душе с раннего детства, разве стали бы они такими непослушными, подчеркнуто антизастенчивыми детьми своих родителей? (К «Насте», впрочем, последнее не относится).

В связи с этим позволю себе высказать одно небесспорное, разумеется, соображение, которое последнее время довольно часто приходит на ум: а может быть, нашему поколению, по большому счету, вообще никакой культуры, кроме «рок-н-рольной», просто не досталось, и мы элементарно обречены дотягивать ее до уровня национального искусства?..

Между прочим, детство и юность Егора Белкина проходили также вне влияния большого музыкального мира, отнюдь не в столице, а в городе Верхняя Пышма, где, собственно, он и «спелся» со свердловскими авангардными музыкантами, оказавшимися там по воле обстоятельств.

Но молодому человеку из пригорода при всех внешних сложностях было все-таки полнее продвигаться по избранной стезе. Школьный товарищ Егора, с которым не так давно свел меня случай, свидетельствует: однажды, лежа у него дома на полу и предаваясь мечтам, Егор вдруг заявил: «А знаешь, я обязательно буду играть в лучшей группе страны!» Сказано — сделано. Не прошло и несколько лет, как Белкин стал гитаристом знаменитого «Наутилуса Помпилиуса». Правда, продолжалось это недолго, но тут уж — не его вина...

Настю на первых порах отнюдь не отличала такая уверенность в своих силах, и доказывать женское свое право на участие в этих играх ей было гораздо труднее.

— Увлечись рок-музыкой, я стала ходить в клуб нашего института, где познакомилась со многими ставшими ныне известными музыкантами. Но всерьез там меня мало кто принимал. Гнать не гнали, а и к микрофону особо не приглашали... Принцип был простой. Хочешь играть и петь — пой и играй, но если твое музицирование не понравится — уж извини. Собственно, начинала я как обычная тусовщица...

Тусовка тусовке, однако, рознь. Совершенно неоправданно воспринимается у нас это слово с однозначно негативным оттенком. В той тусовке, что образовалась тогда в архитектурном, об атмосфере которой я уже пытался рассказать в материале «Мир вам, враждующие боги!» («УС» № 5 за 1989 г.), я бы, к примеру, и теперь с удовольствием потусовался. Во всяком случае, в музыкальном, общекультурном планах, убежден, она давала куда больше, чем, допустим, занятия официально культивируемых вокально-инструментальных ансамблей в фешенебельных ДК (к коим клуб архитектурного причислить трудно). Критерии определения — кого приглашать к микрофону особо, кого нет — здесь складывались серьезные. И вообще — уровнем самостоятельности в дурном расхожем смысле этого понятия тут не довольствовались никогда. Другого порядка собирался народ, иные задачи перед собой ставил...

В фильме «Сон в красном тереме» есть интервью, которое мне запомнилось особенно: с Андреем Балашовым, автором всех основных музыкальных идей «Трека», одной из наиболее сильных свердловских андеграундовых «первогрупп», где начинала петь Настя. Беседуют с ним у его рабочего места — поинтра скрипача театра оперы и балета. И вот этот скрипач, настоящий профессионал, знающий толк в Бахе и Паганини, говоря о том, почему он остался рок, признается: чересчур велики были для него эмоциональные стрессы. Он не мог их больше переносить...

Понимаете, сродниться с Бахом, чтобы сыграть его, проникнуться мятежным порывом гениального итальянца — для него проще, спокойнее, так сказать! А вот рок — дело иное...

Конечно, тут очень важно, до какой степени «сродниться» с тем и другим, важно чисто индивидуальное отношение музыканта к той или иной сфере приложения сил. Но совершенно определено одно: примитивизм в искусстве (а рок в музыкальном отношении где-то с ним смыкается) дается ничуть не легче его творцу, нежели какие-то сложные, особо утонченные формы. И не по форме следует отличать искусство от неискusstва, как ни банально это звучит, а по насыщенности внутренним содержанием. Короче говоря, слухи о простоте в употреблении арсенала средств рока (имеется в виду, конечно, хороший рок) сильно преувеличены, и распространяются они людьми не очень сведущими...

Но не один Балашов задавал тон в «Треке». «Трек» — это, кроме других интересных людей, автор текстов, поэт по призванию Аркадий Застырец. На его слова записала Настя позже с группой «Кабинет» песню «Новый день», где есть строки, очень точно отражающие физику (или, если угодно — хирургию) процессов застоя:

Мы разрывали полюса
У магнита
И совершали просто так
Чудеса.
И пополам
Мы разрезали правду,
Явную ложь
Получая вдвойне.

Как видим, с самого начала своего пути в роке она оказалась не просто среди «мучителей гитар», со стихийной агрессией вдруг «покативших бочку» неизвестно на кого на манер европейских и американских кумиров, но среди людей, вполне осознанно протестовавших против творящегося на их глазах расчленения живого, разрыва полюсов, причем искавших для выражения этого протеста не чьи-нибудь, а собственные способы. Иногда — заведомо «антиспособы», хотя в принципе, видимо, не исключались

и другие... Иными словами — не без тяги к запретному плоду, но — искреннее стремление разобраться в самих себе, в происходящем заставляло их собираться вместе и записывать свои концерты. И именно в этой атмосфере, а не где-нибудь, она поверила в свои возможности, что не могло не отразиться на ее творческом роете.

Расти, однако, а тем более — творчески, можно лишь при определенных условиях. Для Насти же, как и для большинства рок-музыкантов Свердловска, наступило такое время, когда условий и прежде, мягко говоря, не роскошных, не осталось никаких. Один из пиков гонений на «чуждую музыку», пришедший на последние годы периода застоя, привел к распаду «Трека» (хотя и не только эта причина; история короткой жизни группы — отдельная история). Никакой надежды заниматься роком не оставалось. Казалось, с музыкой покончено.

— Я работала художником-оформителем, пыталась привыкнуть, хотя к «основной» и даже «полуосновной» профессии душа не лежала с самого начала...

И вдруг — все переменялось. Оказалось вдруг, что «чуждые» песни не просто имеют право на официальное существование. В них есть огромная неутоленная потребность у слушателя, утолять которую тут же бросились все, кому не лень.

Но Настя молчала намного дольше, чем диктовали законы конъюнктуры. Ведь и после 86-го, когда всё и вся, наконец, разрешили, ее имя на фоне стремительно вознесшегося на гребень успеха «Наутилуса», других групп, еще вчера «андеграундовых», а ныне вдруг разом оказавшихся в центре внимания журналистов, телевидения, — оставалось в тени. Первый ее самостоятельный альбом «Тацу» был записан лишь в 1987-м, то есть через год после создания Свердловского рок-клуба, а постоянный состав группы «Настя» сформировался в октябре 88-го.

«Тацу» помогала делать добрая половина «старой гвардии» рок-клуба. Прежде всего — Егор Белкин, взявший на себя, помимо партии гитары, продюсирование (общее руководство) записи. На клавишных сыграли такие признанные свердловские мастера, как Александр Пантыкин, «наутилусовец» Алексей Хоменко. Вообще, прежний «Наутилус» почти в полном составе участвовал в работе. Свой вклад внесли барабанщик Владимир Назимов, саксофонист Алексей Могилевский, а Вячеслав Бугусов сочинил для Насти ставшую одной из самых известных песен «Клипсо-Калипсо» на текст Ильи Кормильцева. Кормильцеву-старшему (не путать с младшим — Евгением из «Апрельского марша», все активнее пишущим для Насти сегодня) принадлежит и большинство других песен альбома.

Казалось бы, в таком окружении впору и потонуть не особенно сильному женскому голосу. Однако этого не происходит. Первой, главной личностью концерта остается Настя.

«Тацу» и принес Насте популярность — несмотря на наличие в нем нескольких проходных вещей. Оказалось, для этого вовсе не требуется слишком много шуметь, обращаться к и без того навязшей в зубах остро-политической фактуре. Недаром визитной карточкой певицы стала негромкая, удивительно прозрачная, звеняще-чистая композиция «Вниз по течению неба»:

Я жду заката,
Плеска весла,
Я жду отъезда,
Навсегда...
Я жду героя...

Следующий альбом, «Ноа-ноа», был записан новым, уже стабильным составом группы, сложившимся к концу 1988 года. В него вошли гитарист Андрей Васильев, приехавший в Свердловск из Уфы, басист Владислав Шавкунов, клавишник Глеб Вильянский (чей вклад в запись особенно выделяется своей филигранностью), барабанщик Андрей Колемеев. Альбом, хотя и вызвал меньший резонанс, на мой вкус, получился еще более удачным. Само-

стоятельнее, сложнее стала музыка, новые яркие краски обнаружилась в палитре Насти-композитора, певицы.

С января 1989-го коллектив стал регулярно гастролировать, участвовать в фестивалях, записываться на радио, телевидении. Началась профессиональная работа, всю творческую сторону которой, а также стратегию действий группы — профессионалам ведь надо иметь и свою политику — определяет гитарист и продюсер Егор Белкин.

Вообще о Егоре, его собственном творчестве — композитора, исполнителя, аранжировщика — стоит рассказать отдельно. Кроме участия в «Урфине Джусе», «Наутилусе Помпилиусе», за его плечами — собственный, на мой взгляд, незаслуженно обделенный вниманием широкого слушателя магнитоальбом, сейчас он (как и Глеб Вильянский) готовится к записи нового. Очень интересно, полезно, думается, было бы читателю познакомиться с не-поверхностными, оригинальными суждениями Егора, философа по образованию, о роке в целом, процессах, происходящих с молодежной музыкой сегодня. Но на этот раз я ограничился лишь вопросом о группе «Настя» и ее перспективах, рассчитывая, признаться, на оптимистические ответы. Однако ожидания не оправдались...

— Егор, по какому принципу строится география ваших гастролей? Одинакова ли реакция публики в разных городах?

— Какого-то строгого принципа нет. Приглашают — едем. Стараемся участвовать в фестивалях, но не во всех. От откровенно низкопробных отказываемся. Гастролировать начали с небольших уральских городов. Надо сказать, что реакция тамошних зрителей на нас довольно своеобразна. Нет, залы пока собираем полные, но вот насчет взаимопонимания... Похоже, что многие приходят на концерты просто из любопытства, уважения, что ли, к свердловскому рок-клубу. Сама музыка, в особенности тексты, молодых земляков принимают мало. Наш слушатель, как ни странно, живет на сегодняшний день в Киеве, Алма-Ате, Казани.

— Как вам работаете в новых условиях?

— Ты знаешь, не очень. Внешне вроде бы благополучно: можно выступать, зарабатывать. А в сущности... Постоянной репетиционной базы нет. Мыкаемся по чужим углам... Аппаратуру надо обновлять самим, костюмы тоже. А по существу, мы остаемся такими же неприкаянными, как и во время «андеграунда». Только теперь эта неприкаянность приобрела вполне официальный характер. Честно говоря, очень хотелось бы, чтобы кто-то о нас все-речь позаботился. Вот найти бы спонсора, или, как это раньше называлось — мецената, пусть не очень богатого, но сочувствующего нашим проблемам! Тогда можно будет заниматься исключительно творчеством.

— Послушай, Егор, а ты никогда не задумывался над тем, что станется с группой, со всем рок-н-роллом лет эдак через двадцать?

— Ну, в такие дали мы не заглядываем! Общие прогнозы — другое дело... Остановимся хотя бы на пяти. Через пять лет, полагаю, произойдет следующее: уляжется окончательно ажиотаж вокруг рок-музыки, слынет пена случайных поклонников, поуспокоятся противники. Останется лишь действительно преданный ей, знающий в ней толк слушатель. А мы начнем, наконец, — должно же это когда-то случиться! — нормально, спокойно работать.

...Да, но о чем же, в конце концов — простой и странный Настин танец на цыпочках?

Вот вынес я этот вопрос в заголовок, начиная материал, а теперь смотрю — ответа на него не выходит.

И, однако, заголовок оставляю прежним. Ведь тем и завораживают Настины песни, потому и не дают забыть о себе, что несут они тайну, загадку.

А вдруг, повторюсь, к разгадке нас приблизит такое суждение: вода — больше среда женская, а нам, мужчинам, ближе по духу твердь земная?

Оставляю и этот вопрос открытым. Пусть каждый, кто захочет, попробует найти на него собственный ответ...

См. слайд на 4 стр. вкладки

Анастасия ПОЛЕВА

Танец на цыпочках

Чтоб заглянуть в твои глаза,
Чтобы шепнуть тебе на ушко,
Чтоб поцелуй отдать устам
И чтобы просто не было скучно —
Я исполняю танец на цыпочках,
который танцуют все девочки.
Я исполняю танец бесхитрый,
который танцуют все девочки
Моего роста.
Чтобы подняться ближе к тебе,
Чтобы попасть в поле твоего зрения,
Чтобы стать хоть чем-то в тебе
И не пропустить твоего важного —
Я исполняю танец на цыпочках,
который танцуют все девочки.
Я исполняю танец бесхитрый,
который танцуют все девочки
Моего роста.
Упругие, крепкие пальчики,
Ножки стройные, ловкие.
Руками я тоже размахиваю,
Но это бывает реже.
Все будет в порядке, мальчики,
Все будет в порядке, мальчики.
Это танец для вас танцуют
Все девочки моего роста.
И никогда им не смерить взглядом сверху —
Закованным быть им в оковы каблучные.
Никогда им руки не опустить на плечи —
Им голову задирайте вверх, да покруче.
Танцуй, заглядывай в глаза, в глаза,
Танцуй, заглядывай в глаза, глаза...

Аркадий ЗАСТЫРЕЦ

В чужом лице

В чужом лице хранится жизнь иная,
В чужих глазах стоят, наоборот,
Трава большая, осень золотая
И маленький искрящийся самолет.
В чужом лице — иная страсть и сила,
Заря иная утром занялась,
И люлька каждая и каждая могила
По-своему в глазах отозвалась,
По-своему в глазах отозвалась.
В чужом лице снега инье тают,
И, в колокол неведомый звеня,
Там все, что нужно, льется и летает...
Там нету малого, там нет меня.
В чужом лице, я знаю, не случайно
Предпринята такая тишина,
В чужом лице упрятанная тайна
Не может быть отчетливо видна,
Не может быть отчетливо видна.
И если вмиг постичь ее пытаюсь,
Мои попытки все обречены.
Я каждый раз с размаху ударяюсь
О резкий поворот чужой спины.
В чужом лице, я знаю, я знаю,
В чужом лице иначе все, иначе все.
В чужом лице, я знаю, я знаю,
В чужом лице иначе все, иначе все.

РОК ПРОТИВ АПАРТЕИДА

Еще в 1979 году англичанин Питер Гэбриэл записал песню об убитом в южноафриканских застенках студенческом лидере Стиве Бико. Она привлекла внимание многих, в том числе американского гитариста и певца Стива Ван-Зандта, к проблеме апартеида в ЮАР. В 1985 году Ван-Зандт побывал в этой стране. Увиденное настолько шокировало певца, что в том же году он стал инициатором кампании против апартеида и привлек к записи пластинки «Сан Сити» три дюжины музыкантов с пяти континентов. Среди них были Ринго Старр, Лу Рид, Майлз Дэвис, Брюс Спрингстин, Кит Ричардс, Боно, Боб Дилан, Рон Вуд, Херби Ханкок, Питер Тауншенд и др.

Смешением элементов черной, белой и латиноамериканской музыки Ван-Зандт хотел «преодолеть и апартеид в самих США». Он надеялся, что пластинка будет причинять боль, как ножевая рана — так оно и вышло.

В США раздалась угрозы в адрес радиостанций, транслировавших «Сан Сити», а правительство ЮАР вообще запретило пластинку у себя в стране.

В это же время Пол Саймон играл — вопреки запрету властей — с черными музыкантами из Соуэто, пригорода Йоганнесбурга. Вернувшись в Нью-Йорк, Саймон добился, чтобы американцам позволили приехать в США для микширования совместной пластинки «Грэйслэнд». Пол Саймон заявил, что своей общей работой черные и белые музыканты из США и Африки высказываются против бессмысленности и бесчеловечности апартеида. В музыкальном плане «Сан Сити» и «Грэйслэнд» подчеркнули значение африканской культуры для «белой» музыки.

К концу 1987 года прибыль от продажи «Сан Сити» составила 600 тыс. долларов. Но деньги эти не удалось передать непосредственно Африканскому Национальному Конгрессу. В США существует запрет на поддержку «преступных организаций», к которым относится АНК (в то время как никарагуанские контрасты считались «борцами за свободу»). Деньги были переданы «Африканскому Фонду», благотворительной организации, помогающей политзаключенным и их семьям, а также эмигрантам из Южной Африки.

Некоторые критики упрекали Ван-Зандта, что все это он затеял ради саморекламы. Но серьезность намерений певца подтвердил диск 1987 года «Свобода — без компромисса». Например, в композиции «Претория» Ван-Зандт в сопровождении членов Комитета южноафриканских студентов и фольклорной группы «Сечэбэ» поет о лучшем будущем для коренного населения Южной Африки.

Борьба продолжалась: после долгого перерыва снова появились «звезды», желающие заработать кругленькую сумму выступлениями в «Сан Сити» — огромном увеселительном комплексе в Бопутатсване, «черном гетто». Однако те, кто пошел по стопам гастролировавших там Рода Стюарта, Фрэнка Синатры или Джеймса Ласта, уже не смогут оправдаться своей «неинформированностью о Сан Сити».

По материалам журнала «Магацин» (ГДР)
подготовил Б. ПИНАЕВ

Александр
СЕМЕНИН

Экзоты на окнах

Банан

Около 60 видов бананов насчитывают сегодня ботаники (а сортов и не счесть!). Третью из них обитает в Индии. Там же началось и культурное возделывание банана. Считают, что попытки разведения этого растения предпринимались еще за 4—6 веков до нашей эры.

Главным производителем бананов сегодня стала Бразилия (почти 2/3 общего мирового производства). Если ехать на поезде по Атлантическому побережью этой страны, то за окном многие часы будут простираться несчетные банановые плантации. Именно здесь, где воздух влажен, а солнце нещадно палит, собирают самые высокие урожаи плодов.

Увы, климат нашей страны слишком суров для разведения плодовых бананов. Ведь даже самые южные районы СССР — это, по существу, лишь северные субтропические области. Зимой здесь случаются морозы до -10°C . Только банан японский — вид с несъедобными плодами — может выдержать такое похолодание. Его и разводят на Черноморском побережье Кавказа и Крыма как экзотическое декоративное растение.

Поэтому бананы для нас всегда в диковинку. Едим мы их свежими, как необычное лакомство, не предполагая, что из них можно приготовить множество блюд. А в тропиках их пекут и вялят, варят и сушат, маринуют, перерабатывают на муку и фруктовый порошок, компоты и соки, джем и мармелад. Из плодов бананов готовят халву, мороженое, пищевые хлопья. А высушенные и поджаренные, они служат даже в качестве суррогата кофе. Жители южных стран очень любят блюдо под названием «банановая стружка». Готовится оно так. Очищенные бананы нарезают на мелкие ломтики, помещают на сковородку и жарят в кокосовом масле. После этого они посыпаются сахаром или намазываются медом, и кушанье готово.

Если вообразить себе плантацию, на которой росло бы по одному экземпляру каждого вида и сорта банана, то перед нами предстало бы обширное собрание растений, удивительно друг на друга не похожих — формой, размерами, вкусом плодов.

Мы бы увидели здесь совсем карликовый (полуметровый) банан и растения, которые своей величиной могли бы поспорить с иными деревьями (самый высокий из них — родом из Новой Гвинеи — достигает 15-метровой высоты). Помимо привычных для нас желтокорых плодов есть зеленые и оранжевые, красные и фиолетовые, коричневые и серые. Можно встретить бананы удлиненно-продолговатые и бочонковидные, напоминающие огурцы, и серповидные, похожие на запяную; а также ребристые, трехгранные, шаровидные... Вкус их также бывает разным. Большинство же сладкоплодных сортов относятся к так называемому банану вкусному, имеющему сложное гибридное происхождение. Отыщем его на «плантации» и рассмотрим внимательно.

Вид у растения совершенно для нас необычный. Представьте себе гигантскую 5-метровую траву, от вершины которой отходят несколько крупных цельных листьев, достигающих длины 2—3 м. Листья плотно облегают друг друга и образуют ложный ствол до 30 см в диаметре. Он очень непрочен, поскольку состоит из рыхлой губчатой ткани. Забраться на банан, как на дерево, конечно, нель-

зя. Только что появившийся молодой лист похож на рулон свернутой зеленой бумаги. Постепенно «рулоны» разворачиваются, и листовые пластинки принимают свою обычную форму. Сильные порывы ветра многократно разрывают листья до главной жилки, и они состоят как бы из отдельных узких полосок. Поэтому увидеть бананы с цельными листьями можно только в оранжереях.

В благодатном климате тропиков банан растет очень быстро. За 8—10 месяцев достигает максимальной высоты и зацветает. Невзрачные желтоватые цветки походят на маленькие ванночки, в которых скапливается много сладкого нектара. Он привлекает самых разнообразных опылителей банана: мелких птиц, насекомых, летучих мышей. Впрочем, стоит отметить, что у большинства культурных сортов плоды возникают партенокарпически, т. е. без опыления.

Постепенно у растения раскрываются все новые мутовки цветков, спирально расположенные на толстом, словно горффрированном цветоносе, напоминающем респираторную трубку противогаса. Иногда на одной «трубке» созревает до 300 плодов общим весом 50—60 кг!

Цветет банан один раз в жизни. После плодоношения его надземные органы отмирают и... все начинается сначала. Спустя некоторое время из мощного корневища поднимается новый «стебель» с листьями. Делением корневища, кстати, и размножают культурные сорта бананов на плантациях. Такой же способ можно избрать и тем, кто решил разводить это растение в комнате. Разумеется, вырастить здесь можно лишь карликовые виды банана. Например, банан Кэвендыша. Его высота не превышает полутора метров, а все органы в 2—3 раза меньше, чем у растения, с которым мы только что познакомились.

Уход за бананом Кэвендыша состоит в регулярном поливе, создании нужной температуры воздуха (зимой — не ниже $+16^{\circ}\text{C}$) и еженедельной подкормке удобрениями. Очень отзывчиво это растение на полив настоями коровяка и птичьего помета.

Место в комнате для него выбирают самое светлое. Зимой желательно досвечивание лампами накаливания или люминесцентными трубками.

При большой сухости воздуха листья 2—3 раза в день опрыскивают теплой водой. Особенно необходимо это делать зимой, когда греют батареи центрального отопления.

Банан довольно быстро растет, и уже на второй год его пересаживают в 5—6-литровые горшки, а еще через год помещают в крупные бочки или ящики, где и содержат постоянно, заменяя время от времени верхний слой земли. После трех лет роста в одном ящике растение из него вынимают, осторожно отряхивают землю с корней (но ни в коем случае их нельзя мыть!) и помещают в тот же ящик в свежую почву. Почвенная смесь готовится из 4 ч. дерновой, 2 ч. листовой земли, 2 ч. торфа, 1 ч. песка.

Зимой образование новых листьев прекращается, и у банана наступает период относительного покоя. В это время сокращают количество подкормок (до 1 раза в месяц — полным минеральным удобрением с микроэлементами).

Первое цветение наступает на 3—4-й год. Плоды зреют 6—10 месяцев.

Отплодоносивший стебель удаляют. А в дальнейшем развитие растения продолжается за счет роста молодых корневищных отпрысков.

Продолжение. Начало в № 7.

Фото Олега Капорейко

Банан Кэвельдша редко поражается омычными болезнями и вредителями комнатных растений. Все его «недомогания» вызваны, прежде всего, несоответствующими условиями содержания, из которых главную опасность представляют слабая освещенность (зимой) и сухой воздух.

Слов нет: вырастить в комнате карликовый банан не просто. Общась многие годы с любителями растениеводства, я знал лишь двух человек, сумевших полакомиться плодами, выращенными в своем доме. Правда, из-за дефицита посадочным материалом попыток «одомашнить» растения было немного. Что ж, с тем большей охотой энтузиасты, думается, попробуют освоить эту новую культуру.

СЛЕДОПЫТ — всегда путешественник. В этом году мы помогаем молодым исследователям организовать несколько экспедиций под нашим флагом. Одна из них пройдет по горным селениям Алтая, где вдали от мирской суеты живут современные буддисты; другая в аквалангах опустится на дно Японского моря. Об этих экспедициях и других путешествиях по нашей стране и за рубежом мы расскажем в 1991 году в рубрике «ПО БЕЛУ СВЕТУ».

Неизвестное не всегда таится за тысячи километров. Наши краеведы обнаруживают новое у себя дома, на родине. Взглянуть по-новому, глубже на знакомые места мы поможем вам материалами под рубрикой «МАЛЫЕ ГОРОДА РОССИИ» (ближайшим героем ее станет город Оса Пермской области).

Мы путешествуем не только в пространстве, но и во времени. В многострадальной истории нашей страны еще много забытого и закрытого. Наряду с архивными находками из древних лет (которые мы публикуем под рубрикой «ДАВНЫМ-ДАВНО») исследуем «белые пятна» советского периода, например, в политическом детективе А. Моисеева «Баллада о потерянном имени» будет рассказано об уральском революционере Константине Мячине (Яковлеве) — руководителе отряда перевозки царя Николая II из Тобольска в Екатеринбург, впоследствии названном «китайским шпионом».

Забываются, закрываются не только имена людские, но и книги. Второе рождение обрели на страницах нашего журнала произведения Михаила Осоргина, Варлама Шаламова, Сергея Ильина. В будущем году на вашу «ЗАВЕТНУЮ ПОЛКУ» мы поставим «Сказки Кота Мурлыки» Н. П. Вагнера.

Мы не считаем своей заслугой возвращение читателям «Тарзана» Э. Берроуза. Хотя это доставило нам немало хлопот. Во-первых, при «переводе» с русского на русский (мы взяли издание с «ятами» 1923 года, потому что не хотели предложить вам цензурированный вариант 30-х годов). Во-вторых, появились отклики, мол, сегодня нам «Тарзан» не нужен. В «портфеле» 1991 года мы имеем немало хороших произведений современной прозы: повести Владимира Шапко и Анатолия Ромова, рассказы Бориса Рихтера, Надежды Вигоровой, Сергея Белкина и др. Но мы планировали продолжить серию романов о Тарзанае, может быть, вплоть до его приключений с марсианами... КАК НАМ БЫТЬ? Давайте решим это читательским референдумом. ЖДЕМ ВАШИХ ПИСЕМ.

В своих планах мы во многом опираемся на читательские просьбы и предложения. Так, по многочисленным заявкам готовим крупный материал о **ВОСТОЧНЫХ ЕДИНОБОРСТВАХ**. Ответом на многие письма читателей станет документальная повесть Сергея **КУЗНЕЦОВА** — основателя группы «ЛАСКОВЫЙ МАЙ», автора популярных песен «Белые розы», «Седая ночь» и др. Рубрика «**МУЗЫКА И МЫ**» (очередной ее материал — о группе «Настя» — читайте в этом номере) будет продолжена в 1991 году, причем вместе с роком мы попытаемся показать вам и другие направления, вплоть до оперы.

ПУТЕШЕСТВИЯМИ и охотой, наряду с приключениями и фантастикой, занимался наш предшественник «Всемирный следопыт». О своих будущих **ПУТЕШЕСТВИЯХ** мы рассказали, а вот охотой пробавляться не собираемся, наоборот, — вновь и вновь поднимем свой голос в защиту всего живого на Земле: **ЭКОЛОГИЯ** — одна из главных тем нашего журнала. Мы за бескровную «охоту» — за грибами, ягодами, лекарственными растениями, — а когда и как это лучше делать, объясним в традиционной рубрике «**ЧЕЛОВЕК И ПРИРОДА**».